

I. Худший во всем мире

За окнами многоэтажного здания стремительно сумерки переходили в ночь, накрывая темным бархатным одеялом оживленный мегаполис. Потoki маленьких людишек, словно в муравейнике, непрерывно пульсировали по улицам Сеула.

Стройный силуэт отражался в вымытых до блеска стеклах офиса — он не решался сойти с места или пошевелиться. Казалось бы, замер только его образ, а человек уже давно покинул это место. Он запечатлелся как картина, как ее наитончайший, едва зримый слой краски, еще свежий — настолько, что даже можно было бы учуять фантомный запах олифы.

Молодой работник фирмы то ли наблюдал за суетой где-то внизу, то ли всматривался в собственное отражение. Да уж, если взглядеться, на лице и впрямь можно было заметить множество интересных деталей: на ложбинке под носом появилась новая родинка — маленькая и почти незаметная, карамельного цвета, и которая, возможно, потемнеет, а, быть может, и исчезнет через какое-то время; мешки под глазами стали только темнее, а в придачу еще и появились первые морщинки вокруг глаз — их также невозможно было заметить невооруженным глазом, но наличие следов старения в двадцать четыре, все же, не могло радовать. Петля шелкового галстука чересчур сдавливала горло — словно кто-то сзади медленно затягивал ее, намереваясь лишить жизни носителя. И это никого бы не удивило: каждый в этом офисе знал, что Хуан Цзытао — объект всеобщего осуждения и насмешек, козел отпущения да и вообще китайский мусор, который по чудовищной ошибке или благодаря связям добыл себе блатное место в компании.

Чтобы ненавидеть кого-то, можно придумать любой предлог, хотя многие недолголюбивают и безо всяких на то причин, поскольку такая неприязнь удобна и ни к чему не обязывает.

Цзытао придерживался такой же точки зрения, поэтому винить коллег в немилостном отношении к себе не считал необходимым. Он прекрасно понимал, что устоявшийся образ и дурная слава уже, возможно, до конца жизни будут преследовать его и передаваться, словно по наследству, по языкам прибывающих в фирму работников. Да, пожалуй, Цзытао был младше любого постоянного сотрудника, да и на момент повышения проработал в фирме всего два года — не мудрено, что его скорое назначение на высокопоставленную должность вызвало бурю негодования среди людей, посвятивших компании десятилетия, но так и не добившихся продвижения по карьерной лестнице.

Поговаривали, что генеральный директор Чхве решил подсобить внебрачному отпрыску, чтобы китайская мамаша не заявила и не испортила его счастливый союз с женой. Ходили слухи, что Хуан подделал свой профайл, забрал у кого-то заслуженное место — и таким образом заполучил эту работу. Еще рассказывали, что в отделе кадров тогда была сущая неразбериха: одна девушка уходила в декрет и не соизволила передать материалы заменяющей ее коллеге, а та, в свою очередь, являлась сотрудником отдела продаж, поэтому почти ничего не смыслила в кадровых делах, а в добавок ко всему начальник данного бюро пребывал в отпуске и не мог наставлять подчиненных — во всем этом хаосе как раз и затесался бесталанный Хуан Цзытао, а некомпетентная заменяющая сотрудница ошибочно выбрала его резюме. Вокруг молодого китайца всегда ходило множество слухов и увлекательных историй,

но, к сожалению, все те рассказы не были правдивыми, так же как и не выставляли парня в хорошем свете.

Был ли Цзытао в реальности лучше своего сказочного персонажа? Отнюдь нет. Над невинными байками, придуманными коллегами, он мог только посмеяться, ибо ни одна из них и близко не могла раскрыть истинного пути его продвижения в компании.

Задевали ли Хуана колкие комментарии и обсуждения за глаза на работе? Нет же! Все нормально до тех пор, пока в лицо все они улыбаются и выполняют указания, и до тех пор, пока Цзытао может жить ни в чем себе не отказывая — ведь именно об этом он мечтал, приехав шесть лет назад в Южную Корею, так зачем же отказываться от всех благ из-за нетеплых личностных отношений? Нонсенс — бессмысленные вещи не стоят времени помощника гендиректора. У личного ассистента много дел: голова должна быть забита данными контрактов, расчётами, профайлами — абсурдным мыслям нет в ней места. Нет, не ради этого он так стремительно добивался успеха.

«Зайди ко мне! Срочно!» - голос в трубке принадлежал директору Чхве – он звучал громко и раздраженно. Цзытао едва успел добежать до своего рабочего места, а по пути он заметил, что многие работники носятся в суматохе, что-то громко и нервно обсуждают. Оставив пиджак на кресле, парень поспешил к боссу. Когда дверь кабинета отворилась, в проеме Хуан увидел раскрасневшегося господина Чхве, который судорожно глотал воду из стакана.

- Черт возьми, вы в своем уме?! – небрежно разбросанные на столе бумаги разлетались в стороны от сквозняка, ударяясь о гладкие серые стены, отлично передавая настроение босса, – Почему заказ, который уже неделю как должен быть выполнен, висит на половине? Почему нет прогресса? Почему мозги промывают мне, а не тем, кому я за это плачу?!

- Заказчик в последний момент изъявил желание купить растение, которое не приживается в местных условиях – несколько дней его пытались переубедить, но так как он очень настаивал, мы, все-таки, ждем транспортировки дерева, – ответ Цзытао прозвучал спокойно и уверенно, в контрасте с нервными криками босса.

- Так в чем проблема? В каком-то бревне?! Пусть берутся за другие растения, а дерево можно оставить на последний этап!

- Без него озеленители не могут продолжать работу, это последний участок, и господин Липпи был предупрежден о задержке. Я могу позвонить и лично переговорить с ним.

- Какая разница – говоришь с ним ты или кто-то другой? Этот Липпи орет, что мы его обокрали! Ты представляешь? Обокрали! В час ночи он мне звонит - Мне! - и обвиняет в том, что мы забрали деньги, создали видимость работы – и свалили через пару дней! Он угрожает судом!

- И, все-таки, позвольте мне. Я уверен, что ему недостаточно доходчиво объяснили ситуацию – вот и все.

- Если в курсе этого дела – звони. Попробуй успокоить его хотя бы на время, пока не привезли вашу пальму сраную. Кстати, что за дерево и почему его так долго везут?

- Это баобаб, директор Чхве. Из Индии.

- Ты шутишь? Кто додумается выращивать у себя во дворике чертов баобаб?

- Желания клиентов с каждым годом становятся все необычнее...

- То есть, мы действительно везем в Корею саванное дерево? – не дожидаясь ответа, директор продолжил, – Ладно, не важно. Звони ему.

Цзытао в одночасье отыскал среди контактов нужный и набрал номер. Голос итальянского клиента на другом конце провода выражал явное недовольство, но парня это ничуть не смутило, и он уверенно говорил все то, что задумал ранее. Компания работала с большим количеством заграничных заказчиков, поэтому всегда при разговоре с ними приходилось применять навыки иностранных языков. Английский Хуана нельзя было назвать безупречным, но и упреки в его адрес не каждый мог себе позволить - Цзытао говорил без единой запинки, однако от акцента избавиться ему не удавалось. Директор вслушивался в беседу, желая как можно быстрее узнать ее результат. Когда голос в трубке утих, и его уже невозможно было услышать на расстоянии, господин Чхве понял, что переговоры протекали успешно и уже подходили к финишной прямой. Ассистент вежливо попрощался и завершил звонок, аккуратно спрятав телефон в карман.

- Ну? – директор выжидающе смотрел на своего помощника, он все еще нервничал и не мог перестать тереть наручные часы.

- Возникло недопонимание, директор Чхве, трудности перевода. Архитектор проекта сказал господину Липпи, что из-за посадки баобаба мы не сможем продолжить посадку растений, поэтому он решил, что наши работники отказываются доделывать то, что начали.

- Скажи мне одно: он передумал с нами судиться?

Казалось, от этого вопроса зависела жизнь генерального директора. Цзытао намеренно выдержал небольшую паузу, а затем продолжил:

- Да, я все ему объяснил, и господин Липпи попросил прощения за доставленные неудобства, пообещал также встретиться с вами лично, чтобы уладить данную ситуацию.

Мужчина облегченно вздохнул, вытащив из кармана пиджака платок и протерев им мокрый от выступившего пота лоб. Через пару секунд раздался звонок его смартфона, заставив босса содрогнуться от неожиданности.

- Это Липпи! – вскрикнул он, - Да, слушаю!

- Я тогда вас оставляю, - Цзытао учтиво откланялся и собирался уйти на рабочее место, но директор Чхве жестом приказал ему остаться и подозвал к себе.

Парень закрыл дверь на ключ, а затем неторопливо направился к столу. Он уже знал, что он него потребуется – такова была процедура, которая раз за разом повторялась, поэтому ожидать чего-то нового не стоило.

- Да-да, друг мой, я все понимаю! Но уверяю: у нас такое впервые! – взгляд босса, уже хорошо знакомый Цзытао, призывал к действию, – Мы могли бы поговорить о компенсации, господин Липпи? Может ли наша компания как-то возместить моральный ущерб?

Парень покорно опустился на колени перед директором Чхве и, расстегнув ширинку дорогих брюк, не колеблясь обхватил его пенис рукой. Мужчина издал едва слышный прерывистый вздох и ухватился за поручень офисного кресла. Поддаваясь движениям искусных пальцев Цзытао, член все больше наливался кровью, становясь тверже и требуя дополнительных ласк. Парень легко провел языком по головке, а затем мягко обхватил ее влажными губами,

поглядывая на реакцию босса.

Они встретились взглядами, и директор Чхве понял, что пора заканчивать и без того некстати начавшийся телефонный разговор.

- Э-э... Знаете, господин Липпи, предлагаю все остальные моменты обсудить уже при непосредственной встрече. Вы не против? Да, спасибо. До встречи, господин Липпи.

Поспешно завершив звонок, мужчина откинулся на спинку кресла и провел рукой по уложенным волосам парня.

- Продолжай.

Цзытао еще несколько раз облизал головку пениса, а затем вобрал его ртом. Он чувственно и неторопливо скользил по члену губами, вырисовывая языком воображаемые узоры на тонкой коже. Парень то замедлял, то снова ускорял движения, не забывая вовлекать свою вторую руку в процесс - годами оттачиваемая техника не имела изъянов.

Цзытао думал: а что, если он плохо закрыл дверь, и в следующий момент в кабинет влетит одна из сплетниц, что так любят поливать его помоями? Какой будет ее реакция, когда она увидит, как всеми ненавистный «*блатной сынок*» отсасывает у гендиректора? Скажет ли она что-то, застав его за минетом и какую артистическую подложку придумает истории, чтобы ее интереснее было рассказывать офисным курицам? А Цзытао, возможно, даже не стал бы прерываться, чтобы почтить ее визит – наоборот, он намеревался продолжать оральные ласки и экспрессивно стонать, картинно закатывая глаза, чтобы та сука осознала наконец: ни она, ни кто-либо другой в компании не работает и не будет работать больше, чем *он и никто, кроме Хуан Цзытао* не заслуживает должности, которую он занимает!

Эти мысли вызывали у парня улыбку, однако важнее было сосредоточиться на текущем занятии.

Его дыхание было размеренным и тихим, но иногда он издавал едва слышные постанывания, и некоторые из них доносились до гендиректора сквозь шелест танца офисной бумаги с теплым ветром, прорывавшимся в распахнутые окна – тогда в голову Чхве Шивана приходила мысль, что этому китайскому пареньку действительно по душе его работа, ведь он никогда не сомневался ни в одном своем решении и всегда точно знал что должен делать.

Старший стал дышать чаще, и юноша ускорил движения. Он все так же умело работал языком и руками, доводя мужчину в кресле до исступления. Чувствуя приближение оргазма, Цзытао глубоко заглотил разгоряченную плоть мужчины, и спустя пару секунд по его горлу разлилась сперма. Парень закашлялся, не ожидав настолько быстрой кульминации, а затем встал с колен, отряхивая пыльные штанины.

Его идеально уложенные волосы растрепались – хорошо, что утром все сотрудники были заняты скандальным баобабом, поэтому не обращали внимания на его прическу. Цзытао все чаще задумывался о покупке еще одной баночки воска для волос – в свете деструктивных рабочих моментов.

Директор Чхве громко дышал, расслабленно развалившись в кресле. Он выглядел более чем довольным, а почему задерживаться у него в кабинете больше не было причин.

Хуан действительно знал обо всех пристрастиях директора Чхве лучше, чем он сам.

Возможно, даже с собственной женой мужчина не был откровенен настолько, насколько мог себе позволить раскрыться перед этим юношей. Безусловно, их связывало нечто большее, чем работа, паче крепкое, чем семейные узы и гораздо более интимное, чем брак. Со времен знакомства, их отношения менялись и крепчали до тех пор, пока не эволюционировали в нынешние. Они были партнерами – за оказанные друг другу услуги расплачивались преданностью, а какая-либо информация хранилась в узком кругу их тандема надежнее, чем в швейцарском банке. Степень доверия между мужчинами была довольно высока, однако не всегда младшему приходилось следовать собственной воле. Чхве Шиван не мог позволить уйти молодому Цзытао, даже если бы тот захотел – слишком уж он был ценен и слишком многое знал. В компании генеральный директор не мог доверять никому, кроме Хуана – возможно, именно благодаря сотрудничеству с ним мужчина сохранял свой пост и высокий авторитет.

Цзытао резко отворил дверь, но даже почувствовав какое-то препятствие, назад не сдал. Выходя из кабинета, он обнаружил, что сбил с ног молодого мужчину, на вид не многим старше самого Цзытао, ранее ему не встречавшегося в этом здании. Тот опешил и рухнул на пол, выронив из рук чертежи.

- Добрый день, - недоверчиво протянул Цзытао, - Я ассистент Хуан Цзытао. Вы к гендиректору Чхве?

- Добрый день, - взволнованно ответил незнакомец, – Да, у меня назначена встреча на 12:00, но я решил прийти раньше на всякий случай.

- Ваше имя?

- Я новый ландшафтный архитектор, Ким Минсок, - парень резко подскочил, и в мгновение ока его лицо оказалось критически близко к лицу Цзытао.

Это вышло ненамеренно, так же, как и совершенно случайно в силу своего роста, уступающего ассистенту Хуану, Минсок заметил жемчужную каплю на подбородке работника и несколько странный запах, исходивший от него.

Минсок не был глупым или наивным, и в момент озарения решил вести себя как можно естественнее и не совать свой нос в чужие дела в первый же день на новой работе.

- Ждите здесь – он сам вас пригласит.

- А, спасибо... – Минсок замер, но в следующий момент решительно преградил дорогу собеседнику, которому явно не терпелось удалиться, - Подождите, у вас... Чернило на подбородке. Позвольте я вытру?

Ассистент Хуан, не дожидаясь посторонней помощи, вытащил из кармана шелковый платок цвета красного вина и протер им кожу под губой.

- Спасибо, - холодно отрезал он, - Всего доброго.

Молодой сотрудник спешно удалился, а Минсоку ничего не оставалось, кроме как ждать у кабинета, переваривая недавно поступившую, но совсем нежелательную информацию и ожидая начала назначенной встречи.

В Южной Корее никто не удивляется, когда в общественном туалете кто-то принимается за чистку зубов в середине трудового дня. Пожалуй, это являлось преимуществом для Цзытао, так как специфика его работы требовала от него повышенной заботы о личной гигиене. Он плеснул в лицо холодной водой и наклонился ближе к зеркалу: каждый раз видя свое лицо в отражении, ему хотелось ударить в него как можно сильнее – разбить вдребезги, чтобы оно, словно зеркальные осколки, разлетелось на сотни мелких частиц. Интересно: какой из отражающихся в них Хуанов в итоге окажется настоящим?

Плиточные стены неохотно отбивали чьи-то приглушенные всхлипы. Начищенные, как всегда до блеска, краны слезливо роняли капли воды, которые безвозвратно пропадали в длинных коридорах подземелья. Лампы растерянно мигали, а фотосенсор все никак не мог определить: есть ли кто-то в комнате или нет. Прозрачная тень дрожащего силуэта мерцала на гладком полу, затем воздымалась к стенам кабинки – и снова падала вниз. Она трепыхалась, словно мотылек, отчаянно стремящийся к свету, но в итоге она обессиленно рухнула на пол – и будто бы окаменела.

Соленые капли безнадежно падали вниз и, разбиваясь о дорогую ткань рубашки, оставляли за собой мокрые следы. На тонких пальцах, словно паутина, блестела липкая сперма.

«Хуан Цзытао, видел бы тебя сейчас кто-то».

«Среди живых комнат и предметов единственным неодушевленным являешься именно **ты**».

II. Ведро с помоями

За занятием любимым делом время летит незаметно. Еще лучше – когда за это платят.

Минсок был ярким трудоголиком, истинным фанатом своей профессии. Какими бы сложными ни были проекты – он всегда выкладывался на полную и достигал наилучших результатов. Даже мысли о том, что из какого-то непривлекательного голого лоскута земли он создает живые, пестрящие яркими красками и зеленью, шедевры, заставляли его сердце трепетать.

С недавнего времени похожее чувство у него стали вызывать воспоминания об одном случае, произошедшем, когда он впервые посетил „Тор Green”. Тем не менее, этот трепет не был приятным, скорее, пугающим и приносил жуткий дискомфорт. Тот инцидент всегда вспоминался Минсоку в самые неподходящие моменты (а существовал ли вообще «подходящий»?), но самым ярким жестом в нем было то, как ассистент Хуан невозмутимо вытер свой подбородок и отклонялся. Для Минсока вмиг все прояснилось, но он не мог даже в мыслях озвучить то, о чем узнал. Ситуация напоминала ему сюжет какого-нибудь старого порнофильма, но вмиг самый пошлый из сценариев материализовался буквально на его глазах, а тот факт, что ассистент, все-таки, был мужчиной, добавляло всему скандальности. «Уму непостижимо!» - если в двух словах.

Проблема заключалась в том, что эти мысли мешали работе. Минсок пытался забыть о происшествии, пусть оно и шокировало его даже больше, чем известие о беременности жены, но раз за разом бедолага терпел фиаско и был вынужден подавлять смущение всякий раз, когда ему приходилось разговаривать с гендиректором Чхве или его ассистентом – тогда уже появлялся и страх, что его раскусят, а в таком случае, как пить дать, работы Минсок лишится, чего он позволить себе не мог.

- Дорогой? – Юна слегка потрепала собранные в хвост волосы Минсока.

- А? – растерянно среагировал он, - Прости, мне... Нужно закончить с этим участком до завтра.

- За последний час, что сидишь над ним, ты даже к карандашу не притронулся. Что-то не сходится? – девушка присела на край стола рядом с Минсоком, поставив перед мужем чашку с жасминовым чаем, и слегка наклонилась к лежащим на столе фотографиям исходника.

- Просто... У тебя бывают навязчивые мысли?

- Иногда.

- И как ты от них избавляешься?

- Ну... - Юна заправила за ухо локон своих карамельных волос, - Я их фильтрую и решаю: действительно ли они имеют какое-то значение, и стоит ли их оставлять в своей голове.

- Вот так просто?

- Не люблю усложнять простые вещи, - девушка пересела на колени мужа и, обвив его шею руками, заглянула в его уставшие глаза, - А о чем ты думаешь?

- А ты?

- Ну, в последнее время меня беспокоит здоровье нашего ребенка. Иногда посреди ночи я просыпаюсь от мысли, что он может родиться инвалидом – что он появится на свет с отклонением, которое не выявили при УЗИ. Ынджон постоянно твердит, что я себя накручиваю

и если не перестать, то ребенок действительно может заболеть.

- Она права.

- Да, права. Но, все же, такое может произойти и лучше быть готовым.

- Но врач говорит, что все хорошо?

- Да. И я ему доверяю, поэтому мысль об обратном уже реже посещает мою голову.

Поэтому ты тоже должен для себя решить, что важнее: твои навязчивые мысли или проект, который должен быть готов к завтрашнему дню, чтобы ты, как порядочный муж, мог и дальше обеспечивать свою семью, - Юна игриво чмокнула Минсока в губы, - Я спать. Не думай о глупостях всяких и сосредоточься на любимом деле.

Минсок и Юна поженились два года назад, когда обоюдно решили, что после трех лет отношений уже готовы к браку. Их близкие могли только порадоваться – молодые люди были отличной парой: привлекательные, оба имели стабильный доход, к тому же каждый из них снимал отдельную квартиру. Родители нарадоваться не могли на этот союз: с одной стороны хвастались перспективным зятем, а с другой – очаровательной невесткой. Какие-то высшие силы благословляли пару, поэтому вместе Минсок и Юна проводили самые счастливые моменты в своей жизни. Ну, а их семьи даже заключили свой союз, чтобы вместе подарить молодоженам собственное жилье – дом как раз должны были достроить уже после родов Юны, поэтому все семейство в предвкушении ждало их переезда в новую квартиру.

Минсок уже не мог мечтать о большем, когда получил извещение о прохождении конкурса в „Тор Green”. Даже если он проработает там год или два, одно только упоминание о компании в резюме практически обеспечит ему рабочее место в любой другой фирме, даже за границей, но Минсок намеревался сделать все, чтобы как можно дольше сотрудничать с „Тор Green”, может даже и до самой пенсии. Однако злосчастная капля заставляла его задумываться об уходе всякий раз, когда тот сталкивался с начальством.

- Добрый день, - Минсок поклонился девушке в приемной, - Гендиректор Чхве у себя?

- Да, но он попросил пока не беспокоить, - равнодушно ответила та, подпирая голову рукой.

- А ассистент Хуан?

- Они вместе, обсуждают что-то важное, - трепет, последние несколько месяцев беспокоящий Минсока, вновь заставил его смутиться, - Наверное, касательно проекта городского парка. Я слышала, его доверили вам, архитектор Ким?

- Да, я как раз тоже хотел бы его обсудить. Тогда зайду позже...

- Я могу набрать гендиректора – возможно, вас он примет.

- Нет-нет, все в порядке, не стоит. Займусь пока другим заказом.

- Кстати, как вам в новом коллективе, архитектор Ким? – девушка явно не хотела заканчивать разговор.

- Спасибо, я всем доволен.

- Похоже, вы из тех людей, которые могут найти общий язык со всеми.

- Знаете, я бы так не...

Минсок прервался, услышав звук открывающейся двери. Из кабинета вышел молодой ассистент, застегивая пиджак. Его каштановые волосы были аккуратно зачесаны назад, а

ровный, словно натянутая струна, прибор сбоку добавлял прическе элегантности. На сей раз он был одет в черный гарнитур, похожий на один из коллекции Calvin Klein – пиджак из матовой ткани, с одной пуговицей и атласными лацканами, превращающими ничем не примечательный костюм в фешенебельный. В руке он держал толстую папку с наспех сложенными туда бумагами, уголки которых выглядывали с разных сторон.

«Было или нет?» - пытаюсь прогнать ненужные мысли Минсок насупился.

- Ассистент Хуан, к гендиректору уже можно? – не медля поинтересовалась секретарша.

- А что? - заметив в приемной архитектора, Цзытао остановился, - Директор Чхве занят, вы по поводу парка?

- Да... - неуверенно ответил Минсок, стараясь не встретиться взглядами с помощником.

- Тогда прошу пройти ко мне – я вернусь через пару минут, - парень оставил подчиненному папку, а затем покинул приемную.

Минсок послушно последовал к столу ассистента. Рабочее место Хуана выглядело не менее аккуратно, чем он сам: все бумаги были сложены в папки или уложены ровными стопками на краю стола, в специальной подставке были собраны карандаши и ручки, а по рамке экрана компьютера в прямой линии расположились стикеры с напоминаниями.

Когда Хуан вернулся, от него исходил сладкий запах мяты. Сев за стол, он открыл наброски проекта, принесенные архитектором. Парень внимательно рассматривал фотографии исходников и собранные данные, прежде чем взглянуть на чертежи. Его взгляд скользил по бумагам, но ни одного комментария, на которые рассчитывал Минсок, услышать не удалось. Наконец, изучив последнюю страницу, ассистент спросил:

- Вы уверены насчет растений в зоне А? За ними крайне трудно ухаживать и думаю, что городским службам это будет не под силу.

- Есть подвиды, которые менее привередливы – как раз сойдут для парка.

- И, все же, не думаю, что это хорошая идея, - настаивал Хуан, - К тому же, зонирование... не совсем удачно. Мне кажется, вам стоит переделать его.

- Полностью?

- Нет, только зонирование и замена растений для участка А.

- Но это значит, что нужно делать все с нуля.

- Кое-что можно оставить, но эту, - ассистент Хуан указал на чертеж, - эту, и к ним прилегающие нужно изменить. И пруд возле дороги потеряет свою эстетику, он вообще там неуместен.

- Вы изучали ландшафтный дизайн? – Минсока несколько раздражали замечания от непрофессионала.

- Ваш вопрос также неуместен, но нет, у меня была другая специальность. Но поверьте, архитектор Ким: если я указываю на ошибки – их нужно исправлять. А если вы спорите из вредности – лучше не тратьте свое и мое время.

- Простите, если это прозвучало странно, но я думал, что вы отвечаете за финансовую часть...

- Архитектор Ким, в *этой* части невооруженным глазом можно заметить нестыковки. Будто бы вы в облаках витали, когда водили по бумаге карандашом. И я был бы премного благодарен, если бы вы, все-таки, переделали чертежи, поскольку лучше сделать это в начале работы, чем

позже снести и заново делать весь проект. Это очень важный заказ – мы впервые получаем запрос на обустройство общественного участка в Сеуле и не можем позволить, чтобы услуги „Тор Green” не оправдали ожиданий.

- Хорошо, я переделаю, - капитулировавший Минск собрал бумаги и с поникшим видом встал со стула.

- Я рад, что мы друг друга поняли.

Ким Минск всегда был открыт для конструктивной критики, потому как она помогала ему совершенствовать свои профессиональные навыки. Тем не менее, после сверки, во время которой его проект разнес в пух и прах какой-то секретарь, он почувствовал себя дилетантом, и это ощущение будило в парне зверя. По природе своей он был человеком спокойным и не склонным к проявлению злости или агрессии, но в тот день его дух стремился рвать и метать, бить каждого встречного в лицо и пинать мусорные корзины по всему офису.

В этот момент, когда он мысленно заводил ногу для первого удара, знакомый голос окликнул его из-за спины:

- Архитектор Ким! – коллега быстрым шагом приближался к Минсоку, растягивая рот в лучезарной улыбке.

- Здравствуйте, архитектор Мун, - в мгновение буря, бушующая в голове парня, скороспешно эвакуировалась.

- День добрый! У меня к вам предложение, от которого вы не в праве отказаться, - восторженно лепетал Мун Джисоб, - Сегодня мы устраиваем корпоратив, и ваше присутствие на нем обязательно!

- Простите, мне придется отвергнуть...

- Нет-нет-нет, я не приму отказа!

- Но ассистент Хуан забраковал мой проект, поэтому придется работать дома, чтобы успеть все в заданные сроки... И боюсь, что он неправильно поймет, если вместо порученного задания я буду выпивать и веселиться.

- Не беспокойтесь – он об этом никак не узнает, его с нами не будет.

- Вы ведь сказали, что это корпоратив?

- Да, но, как бы правильнее выразиться... Ассистент Хуан возглавляет рейтинг нежелательных гостей на корпоративных ужинах.

- Почему? – искренне поинтересовался Минск.

- Ну, знаете, архитектор Ким... В такие вечера все хотят расслабиться и приятно провести время, а наш китайский друг заставляет сотрудников пребывать в постоянном напряжении и портит дружественную атмосферу, - в голосе Джисоба слышались нотки презрения, а выражение его лица изменилось, когда он заговорил об ассистенте гендиректора, - Вы, наверное, и сами заметили. В общем, собираемся после работы возле входа в здание, а если вы откажетесь – это обидит лично меня. Так что, пожалуйста, приходите.

- Хорошо, архитектор Мун, я понял, - усмехнулся Минск, - Я буду.

- Вот и славненько! – Джисоб, вновь растягивая рот в улыбке, похлопал коллегу по плечу.

Пожалуй, Минсоку и правда нужно было расслабиться и снять стресс. После недолгих размышлений, он понял, что действительно стоит пойти на корпоратив. Тем более, это давало возможность поближе познакомиться со всеми сотрудниками.

Ожидая окончания рабочего дня, архитектор старательно, но без особого энтузиазма, заново создавал на бумаге образ будущего городского парка.

Как только стрелки настенных часов вытянулись в ровную вертикальную линию, Минск заботливо сложил все чертежи и эскизы в свой кожаный портфель и, закинув его ремешок на плечо, поспешил к месту встречи с коллегами.

Сотрудниками был забронирован отдельный зал в небольшом ресторане, в котором посетители могли сами готовить мясо на гриле. Минск насчитал около тридцати человек, когда все наконец уселись за длинными столами заведения. Люди, одетые преимущественно в деловые костюмы, громко смеялись и выпивали, обсуждая рабочие моменты.

- Кстати, архитектор Мун, - Ким наклонился к рядом сидящему коллеге.

- Джисоб, просто Джисоб, - поправил его тот.

- Хорошо, Джисоб... Ты говорил, что ассистенту Хуану не рады на корпоративах? Почему? Есть какая-то конкретная причина?

- Ассистент Хуан? – в разговор вмешался сидящий обок Минсока бухгалтер, и его голос прозвучал достаточно громко, чтобы еще треть располагавшихся за столом посетителей услышала его.

- А что Хуан? – раздалось откуда-то с противоположной стороны.

- Наш новенький спрашивает, почему эта важная персона не с нами, - пояснил Джисоб, после чего гул в зале немного утих.

Раздался громкий женский хохот, а за ним, словно внушительные звуки органа, последовал гул остальных сотрудников.

- Seriously? Ты бы хотел сидеть с ним за одним столом? – девушка-секретарша заливалась смехом, заставляя Минсока чувствовать себя неловко, - Он отравляет даже воздух, которым мы дышим, а ты хочешь, чтобы он еще и ужин с нами разделял?

- Сонён, он ведь всего пару месяцев с нами – еще много чего не знает, - вкрадчивым голосом пояснял Джисоб, - Вот и спрашивает.

- Так что он сделал?

- Если в трех словах – пришел в компанию, - уже пьяный бухгалтер стукнул бокалом об стол, - Вот ты знаешь, сколько ему лет?

- Думаю, мы с ним одногодки... Двадцать семь? - неуверенно предположил Ким.

- Ха! А вот и нет! Он младше тебя на три года, дружок, и младше любого сотрудника нашей компании! Ты спрашиваешь, что он сделал? Свалился бог весть откуда, этот поганый коммуняка, проработал всего ничего – и уже его назначают на новую должность! А теперь он ходит с важным видом и командует всеми нами, рассказывает кому в какой кабинке срать. Никто не любит блатных малолеток.

- А кто его тогда продвинул?

- А вот этим вопросом, уважаемый архитектор Ким, все мы задаемся уже не первый год! – бухгалтер отправил в рот прожаренный кусок свинины, запив его светлым пивом.

- Да гендиректор его и продвинул, чего гадать-то? – Сонён энергично заворачивала мясо в лист салата, - Слишком он с ним сюсюкается. Какой-то влиятельный знакомый надавил – вот и пришлось прогнуться и выделить для чьего-нибудь сына местечко. Ценой карьеры кого-то из нас, между прочим! А теперь этот сопляк забавляется, будто бы компания – это его песочница!

- Недавно его стараниями порешили целый отдел! – подключился еще один архитектор, имени которого Минск еще не запомнил, - А все потому, что Хуан на одном собрании шепнул

что-то гендиректору на ушко – и тот сразу же ликвидировал десять человек, а начальника отдела тотчас выпроводили прямо из конференц-зала! И все они были уважаемыми сотрудниками!

- Это одно дело, но чертов китаеза не дает нам выполнять свою работу! – парировала Сонён.

- Да, нашему Минсоку он уже тоже успел подгадить – теперь ему нужно заново проектировать городской парк! – рука Джисоба крепко сжимала плечо Кима, будто бы таким образом мужчина пытался выразить ему свое сочувствие.

- Вот! Придирается к мелочам, каждой жопе затычка – и считает себя чуть ли не главнее босса, а мы типа должны безоговорочно выполнять его приказы! А если воспротивиться – то убрать кого-то из компании ему не составит труда. Даже криво улыбнешься ему – вылетишь!

- Так что, если Хуан будет тебя донимать – обращайся, мы знаем, как его отрезвить.

- Что ты имеешь ввиду? – Минсок непонимающе уставился на Джисоба.

- Ну, иногда он просто переходит все границы, и мы устраиваем небольшие розыгрыши.

- Помните выражение его лица, когда гендиректор Чхве увидел финансовый отчет? Теперь бедолага по сто раз перепроверяет файлы, которые ему приходят! – Сонён вновь залилась звонким смехом, пытаясь не подавиться сочной свининой, набившей ее рот.

- А тот баобаб? – секретарша из приемной гендиректора, тезка Сонён, оживленно выпрямила спину, - Слышали бы вы эти крики! Сначала клиент мозги всем выносил, а потом и гендиректор завелся!

- Ха-ха, да уж, оно того стоило! – весело подхватил один из агрономов, - Интересно, когда ему это надоест? Я представляю, как он со слезами на глазах бежит жаловаться своей мамочке «Ма-а-ам, эти злые дяди и тети обижают меня, дай мне сисечку, ма-а-ам!».

- В общем, не обращай внимания, если Хуан цепляется к твоей работе. Может, он на кого-то там учился, но явно не на все специальности сразу, поэтому его замечания не имеют смысла, - дружелюбно подвела итог Сонён.

- Но, честно говоря, когда я заново перечерчивал проект, то в процессе замечал все ошибки и понимал, почему ассистент Хуан говорил их исправить. Я даже поразился своей невнимательности... - в этот момент веселый гул затих.

Джисоб, залпом осушив рюмку с соджу, сильнее сжал плечо Минсока:

- Не обманывайся на его счет, архитектор Ким, - голос мужчины звучал уже не так весело, - Иначе рискуешь деградировать от его профессиональных советов.

Вечер в кругу коллег проходил совершенно не так, как представлял себе Минсок. И вместо положительных эмоций, которые он надеялся получить, хоть грязью обливали не его, парень чувствовал себя сидящим по уши в помоях, вдыхая их зловоние и смешиваясь с их слизистой массой.

Когда Минсок вошел в квартиру, в комнатах, сливаясь с мраком, царил тишина. Но стоило ему прислушаться, как где-то, за одной из дверей, раздался тихий всхлип. А затем еще и еще. Парень так и не решился зажечь свет, шагая в крошечной тьме по покрытым ковролином полам. Зайдя в спальню, он разглядел на полу рядом с кроватью силуэт свернувшегося в комочек маленького человека.

- Юна? - прошептал он, но ответа не последовало.

Тогда он подошел поближе и, присев рядом с женой, бережно обхватил ее плечи своими руками.

- Дорогая, что случилось? Почему ты плачешь?.. – но девушка не произнесла ни слова, а услышав голос мужа, отчаянно взвыла.

Минсоку лишь единожды приходилось видеть слезы Юны – когда он делал ей предложение.

Но сегодня она плакала совсем по-другому: в свете уличных фонарей блестели ее щеки, но глаза казались мутными и пустыми. Ему ничего не оставалось, кроме как в попытках успокоить гладить жену по голове и усыпать ее лоб поцелуями.

Спустя какое-то время она постепенно начала успокаиваться и, неожиданно для Минсока, едва слышно что-то сказала. Он ничего не расслышал, и Юна это поняла, поэтому во второй раз ее слова звучали немного громче и отчетливее:

- Нас обманули, Минскок...

- Что? – непонимающе застыл он.

- Деньги, которые наши семьи внесли за квартиру... Их нет. И квартиры тоже нет, Минскок. Мы теперь в долгах как в шелках...

Парень все никак не мог осмыслить услышанное. Голос Юны доносился откуда-то издалека, хотя ее губы находились совсем рядом.

- Сегодня к моим родителям приходила полиция – они опрашивали жертв мошенников. А потом появились какие-то люди и утверждали, что теперь папа и мама должны им денег. Они были и у нас дома, но я не открыла дверь, потому что испугалась. И они просто просунули под дверь какой-то конверт и ушли. Я звонила тебе, но телефон был выключен.

- Подожди. Родители ведь сказали, что взяли кредит в банке, какие еще «люди»?

- Я не знаю, дорогой, я ничего не знаю, - девушка терла руками и без того покрасневшиеся глаза, - Не было никакого банка. А теперь нет и денег, зато есть долги. Просто... давай помолчим.

Минсок еще долго не решался выпустить Юну из объятий, пока она не поднялась первой. Девушка пошатнулась, вставая на ноги, но быстро оправилась и медленными безжизненными шагами направилась в ванную.

- Что нам теперь делать? – Минскок бесшумно шевелил губами, прикрывая лицо мокрыми ладонями.

Когда Юна вышла из ванной, парень снова задал свой вопрос, однако теперь уже у него появился адресат:

- Что нам теперь делать?

- Ложись спать, Минскок. Я тоже усну. А завтра поговорим об этом.

С окнами, будто бы на музыкальном инструменте, шаловливо играли мелкие капли дождя. Влажные листья, принесенные ветром, липли к стеклам, словно прося, чтобы их пустили

внутри. Минск слышал каждый удар стихийной перкуссии, каждый звук, доносившийся с улицы, поскольку, как бы ни старался, за всю ночь так и не смог сомкнуть глаз.

III. Acta est fabula. Fur Elise

Тао

Вязкий соленый аромат пропитал воздух просторной спальни. Из ванной доносились звуки работающего душа, и резкий запах шампуня прокрадывался сквозь дверные щели в комнату, смешиваясь с амбре телесных выделений. Симфонию ощущений дополняли метаморфозы сигаретного дыма, исходящего между миниатюрных створок розовых губ. На улице, по серому асфальту широких городских дорог раздражающе отбивал свой замысловатый ритм дождь. Где-то недалеко образовалась пробка, и недовольные крики водителей под их яростные гудки можно было услышать даже на одиннадцатом этаже жилого здания.

Цзытао лежал поверх смятых простыней, глубоко вдыхая горький дым медленно тлеющего табака. На его обнаженной коже, словно утренняя роса, выступали мелкие капельки пота. Парень смотрел в потолок, наблюдая за театром теней в исполнении изящных дождевых подтеков.

- О чем думаешь? – мужчина подошел к кровати и, высушивая полотенцем волосы, присел на ее край.

- О том, что эта квартира слишком большая для меня одного, - безэмоциональный голос Цзытао звучал словно протяжный звон буддийского гонга.

- Ты забыл, что мы живем вместе? – Шиван отбросил в сторону махровую ткань, продолжая сборы.

- Нет. Вы лишь иногда захаживаете на пару часов, а потом бесследно испаряетесь, как этот дым. Вы не провели здесь ни одной ночи, в этой квартире нет ваших вещей – так что живу я в ней один.

- И что ты хочешь этим сказать?

- Хочу переехать. Мне нужно что-нибудь поскромнее.

- Исключено. У этого места идеальное расположение и к офису, и к моему дому.

- Можно найти что-нибудь в этом же районе, но поменьше.

- Нет, - внушительно заверил мужчина.

- Честно говоря, я и не надеялся услышать другого ответа, - Цзытао не отрывал взгляда от ровной глянцевой поверхности потолка, - Вы когда-нибудь задумывались о том, как долго еще все это будет продолжаться?

- О чем ты? – Шиван увлеченно застегивал мелкие пуговицы хлопковой сорочки.

- Когда-нибудь я вам надоем. У вас уже взрослые дети, через несколько лет у них появятся свои – и вы будете все свободное время проводить с внуками. А куда отправите меня?

- Почему вдруг ты решил об этом заговорить? – Цзытао в ответ пожал плечами, в очередной раз затягиваясь сигаретой, - Не думай об этом.

- А если я просто уйду?

- Ты знаешь, что не можешь этого сделать, Тао.

- «Тао»? - задумчиво протянул парень, и уголки его губ слегка приподнялись – Цзытао знал, что мужчина намеренно намекнул на прошлое, поэтому равнодушно подыграл, - Навевает воспоминания...

- О временах, когда ты был популярен?

- Да, «о временах, когда я был популярен».

Перекинувшись друг с другом всего парой фраз, мужчины умолкли. Однако между строк было сказано гораздо больше – то, что предельно прозрачно было ясно только им двоим. Железная пряжка ремня неугомонно звенела, а звук шелестящей ткани костюма раздражал Цзытао наравне с шумом дождя за окном.

- Ты начал этот разговор, потому что тебя что-то не устраивает? – полностью одевшись, мужчина прошел к двери.

- Нет, я всем абсолютно доволен, - безразлично ответил парень.

- Вот и чудно. Во всяком случае, у нас уговор. И пока мы оба о нем помним, можешь не волноваться о будущем. А если тебе скучно – заведи собаку. Чем больше – тем лучше. Тогда эта квартира перестанет быть для тебя слишком просторной.

- Собаку? – прозвучал тихий голос Цзытао, когда из прихожей послышался щелчок замка, - А это неплохая идея.

Представление окончено

Минсок пристально наблюдал, как ассистент Хуан оценивал его перерожденный проект. Слова коллег эхом звучали в его голове, искажая восприятие. Архитектор не мог определиться, кого он, все же, видел перед собой: преступника или жертву? А, может, продажную шлюху? Минсок знал то, о чем, похоже, никому в компании известно не было.

Это знание не опровергало слухи о появлении Хуана в фирме, также, как и не могло прояснить быстрое его продвижение по карьерной лестнице – все становилось слишком запутанным, и появлялись нестыковки, подобные тем, которые изначально содержал проект Минсока: если ассистент гендиректора действительно являлся сыном своего влиятельного отца, то зачем ему нужно было... это? А если китайский юноша заработал место под солнцем своим телом, в таком случае, кто он, если не чей-нибудь богатенький сынок? А что, если его карьера и личная жизнь вообще никак не связаны? Тогда у них с гендиректором, кхм, роман? Или, возможно, Хуан Цзытао делал это по принуждению, потому что боялся увольнения? Повторяясь, это немилосердно откровенное знание ничего не проясняло, а лишь вызывало у Минсока кучу вопросов и жуткую головную боль.

Тем не менее, Ким не оставлял попыток установить хоть какую-то логическую цепочку, ведь от нее могла зависеть жизнь всей его семьи. В ночь, когда он узнал, что его родные влезли в долги, он не мог уснуть, отчаянно пытаясь найти какое-то решение. Что самое поразительное, оно лежало на самом видном месте, и только спустя выходные Минсок смог это понять.

- Вот видите, архитектор Ким, это то, о чем я вам говорил: благодаря перемещению пруда преобразился вид всего сада, да и с зонированием теперь все в порядке. Вы хорошо поработали.

- Да, спасибо, - сухой ответ Минсока прозвучал не очень-то дружелюбно.

- Кстати, а что вы решили с растениями в зоне А? – ассистент Хуан листал страницы проекта, пытаясь найти интересующие его изменения.

- Я ведь говорил, что есть подвиды, идеально подходящие для посадки в парках. Я не собираюсь их заменять, - твердо произнес сотрудник.

- Ваш тон изменился, архитектор Ким, - заметил Хуан, не отрываясь от просмотра

чертежей, - Неужто в обиде на меня за это? Или на пятничном корпоративе узнали что-то новое? Если первое – не стоит. Я, как и вы, просто выполняю свою работу.

- А если второе? – этот вопрос вырвался из уст архитектора неожиданно даже для него самого.

В воздухе повисла тишина. Молодой ассистент, отложив в сторону чертежи, поднял свой взгляд на Минсока.

- В таком случае, мои советы для вас, похоже, не имеют смысла. Можете идти.

Хуан повернулся к экрану компьютера, и в следующий миг стены приемной заполнил ритмичный стук клавиш. Ким, собрав бумаги со стола, не решался уходить. Он понимал, что этот разговор оттягивать нельзя – иначе он никогда не сможет сделать такой серьезный шаг. Ассистент Хуан, заметив, что парень в чем-то колеблется, холодно спросил:

- Что-то еще?

- Мне нужно поговорить с вами тет-а-тет. Здесь есть места без камер?

- Хотите посплетничать? – насмешливо улыбнулся ассистент, но Минсок всем своим видом давал ему понять, что крайне серьезен, и тогда усмешка сошла с лица Хуана, - Сейчас?

- Можно чуть позже.

- Хорошо, тогда ждите меня на курилке после шести. Вы меня заинтриговали.

Ничего не ответив, Минсок покинул приемную. Шагая по длинному коридору, он чувствовал, что его сердце вот-вот было готово выпрыгнуть из груди.

За всю свою жизнь Ким и подумать не мог, что когда-нибудь ему придется опуститься до грязного шантажа. Ради семьи он готов был на все, но, тем не менее, такие методы правильными он не считал, в какой бы то ни было ситуации.

Минсок решил подойти к месту встречи немного раньше назначенного времени, однако по прибытию обнаружил, что там его уже ожидал собеседник.

Хуан Цзытао стоял ко входу спиной, облокотившись на поручни, располагавшиеся по периметру площадки на крыше. Сжимая между пальцами тлеющую сигарету, он умиротворенно наблюдал за медленно опускающимся к горизонту солнцем. Свободный ветер забавлялся с прядями его коротких волос, выбивая их из идеального строя. Скрип тяжелой двери заставил Цзытао обернуться: архитектор неспешным шагом приближался к краю площадки – он явно нервничал, а его правая кисть слегка подрагивала, теребя ремешок кожаной сумки на плече. Ким встал рядом с коллегой и безмолвно оперся спиной о поручни. Цзытао предложил ему закурить, но тот отмахнулся.

- Так о чем вы хотели посекретничать? – подобные встречи были для Цзытао в новизну, потому как еще ни разу сотрудники не изъявляли желания общаться с ним вне рабочей необходимости.

- Вы знаете, что о вас говорят? – архитектор все рассматривал слегка потрепавшиеся носки своих кроссовок.

- А что, в этой компании есть кто-то, кто не знает? – Цзытао испустил очередную струю

дыма, и та тотчас растворилась в незримом смоге уставшего города.

- Это все правда? – нерешительный голос Кима едва слышно давал о себе знать.

- Вас это действительно интересует? – ассистент глубоко вздохнул, а затем развернулся, выбросив догоревший окурочок, - Вы за этим меня сюда позвали?

- И, все же.

- Если скажу, что нет, вы поверите? – в этот миг Минсок обессилено взглянул на собеседника.

В темных глазах Цзытао читалась надежда. Он, возможно, всеми силами старался скрыть ее под маской сарказма и безразличия, однако Минсок явственно видел слабый огонек, теплящийся в его душе. Тогда Ким так сильно хотел, чтобы каким-нибудь чудным образом тот сам все понял, и архитектору не пришлось бы больше переступать через себя, произнося слова, которые он не хотел говорить, однако Цзытао продолжал непонимающе смотреть на него, в свою очередь пытаясь найти в карих глазах ответ на ранее заданный вопрос.

Вдруг Минсок осознал, что совершил чудовищную ошибку, начав этот разговор, тем не менее не мог отступить, зная, что ждет его семью в противном случае. К горлу подступил ком, не давая вымолвить и слова.

- Мне кое-что о вас известно, ассистент Хуан. Я старался забыть об этом и не лезть в чужие дела, но ситуация изменилась. Мне нужны деньги, и я пришел, чтобы обменять на них свое молчание, - наконец, собрав волю в кулак, тихо прохрипел парень, отводя взгляд в сторону.

- И что же вы могли узнать такого, за что мне захотелось бы заплатить? – совершенно спокойно спросил Хуан, осматриваясь вокруг.

- Я знаю о вас с директором.

После непродолжительной паузы Цзытао громко рассмеялся. Его звонкий голос раздавался эхом на просторной крыше многоэтажки, а тень, отбивающаяся на бетонном полу, подрагивала вместе с ним. Хуан достал из пачки новую сигарету и закурил, продолжая похохатывать. Рядом стоящий архитектор с виноватым видом тер пальцы рук и обручальное кольцо, блестящее в оранжевых солнечных лучах. Копна его волос, собранная в пучок на макушке, с каждым дуновением ветра растрепывалась все больше, и тонкие волоски липли к мокрому лицу, надоедливо щекоча бледную кожу.

- Вы ведь не всегда занимаетесь работой, закрываясь в его кабинете, правда? – наконец вновь заговорил Минсок, когда смех ассистента немного утих.

- Что вы имеете в виду? – молодой китаец с глупой улыбкой на лице уставился на собеседника, сдерживая смешки.

- Мне обязательно озвучивать?

- Да, уж пожалуйста. Я хочу слышать обвинения, которые мне предъявляют.

- Вы с ним спите.

Цзытао вновь залился смехом. Его хохот был громким и развеселым, словно все его тело щекотали десятки рук. Парень гоготал и сгибался вдвое, обхватывая живот руками и изредка поглядывая на Минсока. Тот заметил, что обычно безэмоциональное, всегда холодное лицо покраснелось, а на глазах выступали слезы. Хуан свалился на пол, буквально катаясь со смеху, а Минсок продолжал стоять, подпирая поручни спиной.

- Вам действительно смешно? – поинтересовался архитектор.

- А вам нет? Какой реакции вы вообще ожидали?

- Более серьезной.

- Серьезной? Хорошо, в таком случае, где ваши доказательства? – Цзытао облегченно выдохнул, достав из кармана брюк платок, чтобы промокнуть им мокрое от слез лицо.

- Я... – в глазах Кима мелькнуло осенение – видимо, он позабыл об этой маленькой, но важной детали.

- Полагаю, их нет. То есть, вы планировали нанести удар словом? Ладно, тогда давайте рассуждать логически: если я сплю с директором, то кому вы собрались об этом доложить? Решили пустить очередную утку в коллектив? В компании и без того бытует немало историй, и очередная скандальная сенсация, хоть ее сюжет и действительно оригинальный, не внесет особой новизны. Зато упоминание в ней недобропорядочности директора основательно выведет его из себя. И тогда я скажу, что именно вы, недавно прибывший сотрудник, являетесь источником этих нелепых слухов и что вы даже пытались шантажировать меня. Кстати, почему меня, а не директора Чхве? В любом случае, мне плевать, что говорят другие. Компания – место для работы, а не для игр и друзей. Так почему же вы, архитектор Ким, решили, что эта «информация» навредит мне, а не вам?

- Ведь это не я сосу директорский член в перерывах между деловыми встречами.

Взмах птичьих крыльев рассекал накаленный воздух. Снизу доносился негромкий гул автомобилей, заполняющих широкие городские трассы, а над головой пролетал белый пассажирский самолет, оставляя в небе пушистые полосы. Беспокойная струйка сигаретного дыма металась из стороны в сторону, подхваченная сильными порывами. Ветер резко сдернул резинку с волос Минсока, унеся ее в собственное путешествие. Его мягкие пряди свободно развивались, а длинная челка закрыла опущенные от стыда глаза, будто оказывая услугу.

- Послушайте, архитектор Ким, - Цзытао встал на ноги, отряхивая пыльные брюки и отходя от поручней, - Минсок, верно? Вы сильно заблуждаетесь, если думаете, что я заплачу за нелепые предположения безо всяких оснований и доказательств. Даже если вы добудете какой-нибудь «компромат» (интересно, где вы его найдете) – это вряд ли пошатнет мое положение, а вот вы мигом лишитесь работы, поэтому данный разговор я буду считать бессмысленным и несостоявшимся. Сделаю вид, что этой встречи не было, в противном случае нам будет сложно продолжать работать вместе, - одернув хлопковую сорочку, Хуан обернулся, - И, если не секрет, Минсок, куда вы планировали потратить деньги, которые я бы вам заплатил?

- Простите, но это не ваше дело... - Цзытао скорее прочел эти слова по губам.

- Что ж, тогда на сегодня нам больше нечего обсуждать. А теперь, если позволите – у меня еще осталось много незаконченной работы.

Стройная фигура скрылась за тяжелой дверью, которая, скрипнув, как бы попрощалась с уходящим сотрудником.

Acta est fabula!

В итоге, попытка шантажа потерпела катастрофическое фиаско. Минсок и сам не рассчитывал на успех этого дела, лишь уповал на какое-нибудь чудо и наивность молодого человека. Чего еще стоило ожидать, ведь Киму раньше не приходилось заниматься ничем подобным. Он всегда старался жить по совести, быть добропорядочным, протягивать руку

помощи, без крайней надобности не обманывать и не ругаться с кем бы то ни было. Несмотря на это, он оказался в самом гнусном положении, которое только мог себе представить. Чем, черт возьми, он это заслужил? Как должен был вести свою жизнь, чтобы избежать страшной участи?

В конце концов, он не должен был никого в это втягивать. Теперь, когда Минск один возвышался над целым городом, его грудь словно сжимали тиски, а горло сдавливала тугая петля грубой веревки. Почему-то на теплом бетоне одна за другой появлялись мокрые точки, а грустная улыбка Цзытао застыла перед глазами, заставляя Кима мысленно избивать себя.

Элизе

Иногда так хочется быть для кого-то особенным: единственным, с кем он может быть собой, единственным, над чьими шутками смеется и единственным, перед кем он плачет. Однако стоит только подумать, что такой человек нашелся – узнаешь, что у него, помимо тебя, есть кто-то еще. И этот кто-то ему гораздо ближе и дороже, чем ты. Также порой хочется верить, что ты нашел особенного человека для себя. Тем не менее, в какой-то момент он сам развеивает все твои иллюзии.

Жизнь Цзытао как раз состояла из таких «иногда» и «порой». И каждый раз обманываясь, в итоге он обжигался, оставаясь в абсолютном одиночестве.

Неужели он подумал, что Ким действительно хочет с ним сблизиться? И что тот встанет на его сторону? В „Top Green”? Идиот. Изначально эта мысль звучала бредово и нелогично, и Цзытао мог лишь посмеяться над ней. Он уже давно перестал придавать значение таким вещам, но сегодня – уж точно – проявил свою глупую наивность в последний раз.

Все потому, что Ким Минск не был похож на других, как бы тривиально это ни звучало. Существует древнее искусство физиогномики – эта псевдонаука определяет характер и судьбу человека посредством «чтения» его лица, которой и по сей день в Китае не пренебрегают, считая ее обыденным делом. Цзытао приходилось встречать людей самых разных, и каждому необходимо было угодить, однако не всегда получалось узнать напрямую то, что нужно было, поэтому приходилось читать между строк.

Так вот Минск, опираясь на эту науку, являлся человеком мягким и явно не тем, кем хотел казаться. Цзытао считал его мужчиной привлекательным, красота его казалась немного женственной, однако сквозь эту мягкость проглядывалась его мужественная натура. Правильные черты лица – аккуратный овал подбородка, умеренной высоты лоб, прямой нос со вздернутым кончиком, округлые глаза – все это свидетельствовало о добросердечности их обладателя, говорило о его доброте и несмелости к совершению преступных дел.

Не углубляясь в тонкости физиогномики, можно вспомнить персонажей из фильмов: положительные герои всегда красивы, опрятны, с ярким блеском в глазах, а черты лица отрицательных всегда карикатурным образом остро подчеркнуты, присутствуют какие-то изъяны, а смотрят они на оппонента чаще всего исподлобья. Такое стереотипное представление человека, в принципе, исчерпывающе объясняет связь его внешности с образом жизни. Однако необязательно красивый человек является хорошим, а непривлекательный – злодеем.

Лицо Ким Минсока было словно открытая книга без каких-либо непредсказуемых

поворотов в сюжете. Даже пытаясь играть плохого парня, он не смотрел на Цзытао свысока. Его действиями руководил не скверный характер, а какая-то безысходность, и казалось, что тот вот-вот был готов провалиться сквозь землю – то ли от страха, то ли от стыда, а неумелый шантаж окончательно и с потрохами выдавал его истинную сущность.

Что заставляет человека действовать в несоответствии со своим характером, убеждениями и образом жизни? Ким все потирал кольцо на безымянном пальце, говоря, что нуждается в деньгах, так какова была причина всего этого провального спектакля? Как бы ни старался, злиться на горе-шантажиста Цзытао, все же, не мог.

Проходя, как казалось, по бесконечным коридорам, Хуан безустанно думал о другом: он знает. Не столь важно откуда, но Минск с такой уверенностью заявлял об их отношениях с директором, будто бы стоял где-то рядом и мог лицезреть все собственными глазами – этого произойти никак не могло, и Цзытао все пытался понять, в чем оплошал и что могло его выдать. Хотя, вполне возможно, что Ким всего лишь блефовал, попав под влияние постоянных сотрудников, ведь человеческая фантазия поистине безгранична (Цзытао даже удивлялся, почему постельный вариант «блата» никому в фирме не пришел в голову раньше) – тогда такая мелочь не представляла опасности. Цзытао и впрямь собирался возвратиться к рабочей рутине и делать вид, будто бы ничего не произошло.

Как обычно, услышав два щелчка в замке, он подошел к боссу. Тот сидел на черном кожаном диване, закинув ногу на ногу и держа в руках стакан с любимым виски – тайским Kavalan, одним из лучших сортов в мире. Гендиректор любил дорогой алкоголь, в последнее время слишком страстно, но переубедить его в этом не могла даже жена. Мужчина, одним глотком осушив содержимое стакана, отставил его в сторону.

- Отсоси мне – и на сегодня можешь быть свободен, - парень в тотчас опустился на колени, - Стой. Разденься полностью – хочу видеть твое тело.

Тонкая ткань скользила по коже, обнажая упругие ягодицы. Цзытао неторопливо снимал свою одежду, извиваясь, словно кобра, танцующая под околдовывающие движения заклинателя. Он аккуратно складывал вещи на спинку дивана, тем самым разжигая нетерпение босса. Тот расстегнул ширинку брюк и поглаживал пах, томно осматривая каждый открывшийся сантиметр смуглой кожи.

- Ласкай себя.

Цзытао прикрыл глаза. Его руки небрежно касались груди, тонкими пальцами жадно сжимая твердые соски, постепенно опускаясь ниже. Узкие бедра покачивались, будто бы в такт музыке, которую мог слышать только Цзытао – возможно, это был один из ноктюрнов Шопена, а может, в его голове звучала и чарующая багатель Бетховена таинственной Элизе. Обильно смочив одну из ладоней слюной, парень обхватил свой член. Цзытао издал едва слышный стон, как только влажная холодная рука коснулась его возбужденной плоти – ему доставляло удовольствие это маленькое представление.

За годы, проведенные в Корее, парень пришел к выводу: несомненно, в этом мире нужно быть мазохистом и научиться наслаждаться унижениями, иначе те, кто сильнее, легко могут

сломать твой хрупкий каркас: они безуданно млеют от хруста твоих позвонков, заставляют изгибаться в невообразимых позах, вкушают твои крики, надевая испанский сапог, будто бы хрустальную туфельку Золушки, и бьются в конвульсиях оргазма, наблюдая за тем, как раздирает твое тело колыбель Иуды.(прим: орудия пыток инквизиции)

В воображении Цзытао постепенно вырисовывались знакомые очертания губ – в полуусмешке они приоткрывались, позволяя мягкому языку ласкать розовую кожу. Карие глаза с издевкой поглядывали на Хуана, а затем прятались под черными пушистыми ресницами. Парень мысленно запускал руку в копну спутанных ветром волос, вожделенно пропуская их между пальцами. Мягкие локоны приятно щекотали подушечки, и бесподобное чувство блаженства усиливалось с каждым прикосновением. Цзытао безвольно поддавался наваждению, позволяя ему окончательно овладеть собой – мастерские манипуляции необратимо приближали парня к оргазму. Напрягшись всем телом, Цзытао кончил, и исписанная маркерами рука, сверкнув золотым кольцом, поспешно растворилась в темноте.

- Иди сюда, - хриплый голос гендиректора развеял остатки дурманящей дымки.

Парень опустил между ног шефа, послушно принимая его в рот. Мужчина пыхтел и неистово вдавливал свой член ему в горло, а, извергнув семя, изнеможенно обмяк.

- Мне сегодня вас ждать? – Цзытао вытирал платком остатки горькой спермы с губ, когда уже полностью оделся.

- Нет, сегодня мне нужно побыть с женой, - Чхве лениво застегивал ширинку, переводя дыхание, - Кстати. На выходных мы устраиваем семейный ужин, и Хесу хотела бы, чтобы ты тоже присутствовал.

- Я? – искренне удивился Цзытао.

- Ты ведь немало сил потратил и на ее прихоти, поэтому она хотела бы тебя отблагодарить.

- По-моему, это не лучшая идея, гендиректор.

- Боишься моей жены?

- Немного.

- Не переживай – ты для нее как сын.

Цзытао усмехнулся и молча вышел из кабинета. Вернувшись из туалета, он заметил, что на его столе высокая стопка документов, накопившихся за день и ожидающих акцептации, намекала на сверхурочную работу. Не в первый и не в последний раз, щелкнув выключателем настольной лампы, он разместился в кресле, пересматривая многочисленные бумажки и обжигая горло крепким кофе.

Как только электронный замок издал соответствующий звук, за дверью послышался озорной щенячий лай. Белый комок шерсти, живо передвигая маленькими лапками, подбежал к ногам Цзытао. Не зря говорят, что мальтийские болонки одним своим умильным видом способны манипулировать людьми как им только вздумается – в зоомагазине парень капитулировал только от одного взгляда в блестящие пуговицы зверька, так что теперь в его огромной квартире появился еще один жилец. Цзытао приобрел щенка на следующее утро после разговора с гендиректором и пока не успел придумать имя, однако за пару дней тот уже успел привязаться к своему новому хозяину.

- Прости, сегодня я опять поздно, - часы на смартфоне показывали «00:42», - Постараюсь больше не задерживаться, чтобы не заставлять тебя голодать.

Цзытао насыпал в маленькую керамическую миску консервов, и его новый друг принялся воодушевленно уплетать ужин. Парень наблюдал за собачонкой, и его грудь поистине наполняло тепло. Дождавшись окончания трапезы сожителя, Цзытао бережно взял его на руки и прижал к себе, направившись в спальню. Он прилег вместе с питомцем на прохладные шелковые простыни, положив его у себя на груди. Маленькая болонка, тихонько поскуливая, начала облизывать его подбородок.

- Я знаю-знаю... Но не думаю, что смогу куда-то выйти. Сегодня сделай свои грязные дела в комнате или на балконе, а утром мы обязательно прогуляемся.

Почти мгновенно Цзытао уснул – в его теле не осталось и капли энергии, чтобы переодеться или принимать душ, однако он встречал объятия Морфея с улыбкой и мыслями о фантазии, заставшей его врасплох в кабинете директора.

IV. Метаморфозы

За длинным обеденным столом собрались четыре фигуры: во главе восседал отец семейства, рядом с ним – жена и личный помощник, сбоку от матери сидел сын. Все они безмолвно трапезничали, и никто не решался первым заговорить. В комнате царила напряженная атмосфера, заставляя каждого из присутствующих чувствовать холод, сидя вблизи ярких огней свечей. Наконец, впервые за вечер, прозвучал мужской голос:

- Хесу, в чем дело? Ты же сама пригласила гостя, кто же будет его развлекать? – Шиван попытался разбавить обстановку шуткой.

- А ты своего клоуна сюда разве не для этого позвал? – сын гендиректора, двадцатилетний Джунки, всем своим видом показывал недовольство.

- Джунки! Следи за языком! - женщина угрожающе ударила парня по коленке, - Это я пригласила ассистента Хуана!

- И что он здесь забыл? Ассистент Хуан, вы член семьи?

- Простите, мне не стоило приходиться... - с самого начала его присутствие в доме гендиректора и впрямь было плохой идеей, и Цзытао, чувствуя себя не в своей тарелке, растерянно перекладывал столовые приборы, лежащие перед ним.

- Не говори так, Цзытао, - Чхве раздраженно вытирал рот салфеткой, - А ты веди себя как подобает в твоём возрасте!

- Я, все же, пойду... - Цзытао встал из-за стола, поправляя пиджак, - Спасибо, все было очень вкусно. Простите, если доставил неудобства.

- Подожди, я провожу тебя, - мать направилась вслед за уходящим гостем и через мгновение их шаги сравнялись друг с другом.

Гендиректор остался в столовой – он громко отчитывал сына, а тот в ответ не менее внушительно кричал, пытаясь доказать свою правоту. Они спорили на повышенных тонах, и их голоса раздавались по всем комнатам. Они постепенно отдалялись, и на улице мужчин уже слышно не было. Перед домом сладко благоухали пионы, а свежий вечерний воздух щекотал их пышную листву. Хесу медленно передвигала ногами, она будто бы плыла по тихой глади воды. Цзытао молча шел вслед за ней, рассматривая каменную кладку садовой дороги.

- Ты прости за моего сына, - остановившись у ворот, женщина развернулась к Цзытао, виновато поджав переливающиеся перламутром узкие губы, - Когда он был маленьким, муж старался проводить с ним как можно больше времени, но Джунки тогда, знаешь, был очень самостоятельным и постоянно сбегал куда-то с друзьями, а когда стал старше и почувствовал, что уже нуждается в отце, Шиван к тому времени был слишком увлечен делами компании, а сейчас почти все время вы проводите вместе. Сын просто ревнует своего отца к другому ребенку.

- А вы? – Цзытао перевел взгляд на лицо женщины.

- Что? – та удивленно подняла брови.

- Вы ревнуете? – Цзытао выжидающе смотрел ей в глаза, и на губах Хесу появилась грустная улыбка.

- В любом случае, это не твоя вина. Он слишком предан своей работе, и благодаря этому мы живем в роскоши, разве у меня есть право на что-то жаловаться? - женщина глубоко вздохнула и, неуверенно достав из кармана кардигана небольшую вельветовую коробочку с золотой

лентой, положила ее в руку парню, - С Днем Рождения, Цзытао. Еще раз прости, что все так вышло.

Вместо прощания Хесу легко дотронулась рукой лица Хуана, как касается мать щеки своего сына. Цзытао стало искренне ее жаль: Чхве Хесу была хорошим человеком и любящей женой, однако каждый раз, перед тем, как впасть в ее объятия, гендиректор трахался со своим ассистентом, в котором женщина не видела ни малейшей угрозы и чью щеку она так нежно гладила в тот момент – от этого Цзытао хотелось умереть со стыда.

- Знаете, - он позвал Хесу, когда женщина уже отворила дверь и собиралась войти в дом, - Пожалуйста, называйте меня снова «ассистентом Хуаном», потому что будет скверно, если сын начнет ревновать и вас.

Цзытао рассматривал утонченный гильошированный циферблат, поглаживая пальцами рифленый корпус из белого золота. Ролекс, подаренный госпожой Чхве, роскошно блестел даже в тусклом свете прикроватной лампы, завораживая своими совершенными линиями.

Парень был безгранично очарован часами, но, тем не менее, сложил их обратно в коробку – это был слишком дорогой подарок от той, в чью душу он плевал, в очередной раз беря у ее мужа в рот.

После разговора на крыше Минсок начал избегать встреч с ассистентом Хуаном. Он вкладывал все силы в текущие заказы, также стремительно совершенствовал проект городского парка, тем не менее отнести его на сверку не решался, да и сам Хуан не искал с ним встреч, в отличие от ростовщиков, каждую неделю присылающих кого-то для сбора денег. Те ребята не довольствовались малыми суммами, и, не получая желаемого, повышали проценты каждую неделю. Жена Минсока остро переживала их визиты, и это отражалось на ее здоровье, к тому же мать Юны попала в больницу из-за переутомления, пытаясь заработать как можно больше денег, чтобы вернуть долг. В банках отказывали в кредитах на неопределенные цели, а все родственники, которым всегда приходилось помогать, будто бы сквозь землю провалились, когда помощь потребовалась от них.

Под давлением всех этих обстоятельств медленно загибался и Минсок – он почувствовал себя самой маленькой в мире букашкой, не способной вынести и собственного груза. Работа в „Тор Green“, частные заказы и ночные смены, забота о Юне – все это изнуряло его, высасывало кровь, осушая тело и разум.

Внезапно, через два месяца, звонки ростовщиков прекратились, и они больше не приходили ни к семейной паре, ни к их родителям – бесследно исчезли, будто бы их и не существовало. Было ли все это лишь фарсом, чьей-то ошибкой или же кто-то из близких внес сумму долга – Минсок не мог знать причины, по которой все так резко закончилось.

Все, что ему оставалось – благодарить бога и высшие силы за то, что облегчили его участь.

В то же время он понимал, что теперь, когда больше нет никакого заоблачного долга, необходимо было объясниться с ассистентом Хуаном. Ким уже давно должен был извиниться перед ним за свое отвратительное поведение. Собравшись с мыслями, Минсок направился в приемную, где, к его большому разочарованию, ассистента не оказалось. В следующие три дня

Минсоку также не удавалось встретиться с Хуаном – он все время проводил на производстве, встречах и совещаниях и надолго не задерживался в офисе. Кое-как договорившись с Сонён, которая поначалу ни в какую не соглашалась содействовать, он добился официальной встречи.

Как и ожидалось, за несколько месяцев Хуан Цзытао ничуть не изменился: он так же аккуратно раскладывал предметы на своем столе, так же опрятно зачесывал волосы назад и так же отстраненно смотрел на Минсока, когда они наконец встретились.

- Вы давно здесь не появлялись, - подметил ассистент, когда Ким осторожно положил перед ним бумаги.

- Да, было много дел... - Минсок смущенно мямл в руках кожаную сумку, усаживаясь напротив в кресло для гостей, - Я принес проект парка.

- Я, кстати, хотел о нем с вами поговорить, - ассистент принялся рассматривать чертежи, принесенные Кимом, - Что вы думаете о зеленом лабиринте? Мне кажется, он как раз вписался бы во-о-от здесь, в центральном «пяточке» парка.

- Ну, я мог бы его добавить, - архитектор сказал это необдуманно, скорее, чтобы задобрить ассистента.

- Правда? Я думал, вы будете сопротивляться, как и в прошлый раз. Тогда славно.

- Ассистент Хуан, я бы хотел попросить у вас прощения, - Минсок внезапно сменил тему, не в силах оттягивать разговор, ради которого так долго искал встречи, - Я действительно не знаю, что на меня нашло, и все это меня вообще не касается, поэтому...

- Не понимаю, о чем вы, - тяжелый взгляд ассистента вмиг смирил Кима, предотвращая опасные выражения, которые он мог бы использовать.

- Но...

- Тем не менее, спасибо, - вновь перебил Хуан, откладывая в сторону листы с чертежами, - Все уже наладилось? – Минсок удивленно уставился на ассистента, и тот пояснил, - Должна же быть причина, по которой вы только спустя два месяца решили прийти с извинениями.

- А, да, спасибо... - суматошливо собирая бумаги в папку, архитектор опрокинул стоящую на столе подставку с ручками – те вывалились на клавиатуру, и Минсок, воспользовавшись моментом, подвинулся ближе к собеседнику, - В общем, я просто пришел сказать, что не хотел ставить вас в неловкое положение и не собираюсь никому ничего рассказывать, поэтому надеюсь, что на наши рабочие отношения тот инцидент не повлияет.

- Архитектор Ким, - Цзытао поймал на себе заинтересованный взгляд секретарши, внезапно отвлекшейся от излюбленного пасьянса, - Перестаньте, пожалуйста называть маленькое недопонимание «инцидентом» – иначе коллеги подумают, что мы с вами что-то скрываем.

- Простите, я всегда преувеличиваю, - поняв непрозрачный намек, Ким рассмеялся, но рта больше не раскрывал.

По возвращению домой Минсок наконец-то почувствовал облегчение. Теперь больше ничего не терзало его, не беспокоило и чувство вины, поэтому Ким мог сосредоточиться на заботе о жене, которая к тому времени была уже на шестом месяце беременности. Стресс, связанный с ростовщиками, изрядно потрепал ей нервы, поэтому теперь необходимо было защищать ее от волнений любой ценой.

- С возвращением, - по вечерам Юна любила читать современную прозу, лежа на диване и попивая ароматный травяной чай.

Минсок подбежал к жене и крепко поцеловал ее в губы. Естественно, он пребывал в приподнятом настроении, чего скрывать от Юны не мог и не считал нужным. Девушка, в шутку одарив мужа подозрительным взглядом, спросила:

- Сегодня я разбирала бардак на твоём столе и опять нашла кучу визиток ростовщиков. До сих пор не унимаешься? Все ведь уже хорошо – может, прекратишь поиски?

- Не могу. Не зная причины, почему от нас так внезапно отстали, мы рискуем в один прекрасный день опять открыть дверь странным людям и услышать, что мы должны им денег, уже вдесятеро больше, чем до этого. Я не перестану искать, пока не выйду на тех, кто нас донимал.

- Дорогой, пожалуйста.

- Нет – и это не обсуждается, - твердо заявил Минсок.

- Долг заплачен – мы больше никому ничего не должны.

- Почему ты так уверена? – Ким почувствовал, что Юна чего-то не договаривает.

Она упорно пыталась не смотреть на мужа. Девушка зажмурилась и прикрыла лицо книгой, чтобы уберечься от влияния пытливых глаз, но Минсок выхватил ее и отбросил в угол комнаты, продолжая сверлить жену взглядом.

- Ты как-то с этим связана?

- Никак не связана.

- Но ты что-то знаешь.

- Пожалуйста, не заставляй меня говорить – я пообещала держать все в секрете, - взмолилась Юна, широко раскрыв свои янтарные глазенки.

- Какие между нами могут быть секреты?

- Кое-кто заплатил всю сумму, - все еще колеблясь, Юна попыталась осторожно отразить атаку противника, - Поэтому просто забудь.

- Юна-а-а? – Минсоку пришлось щипать жену за щеки, чтобы добиться правды, - Как это «заплатил всю сумму»? Это что, доллар или десять? Кто это был?

- Твой друг с работы! Оставь в покое мое лицо! – отмахнулась Юна, не выдержав, - Он приходил к нам и сказал, что беспокоится о тебе – в последнее время ты выглядел как ходячий мертвец. Он не знал о долге, и если бы сам не спросил о финансовых трудностях, я бы и не рассказывала ему об этом. Друг твой забрал конверт от ростовщиков, сказал, что все уладит – и попросил, чтобы я не рассказывала тебе о его визите. Все, доволен? У меня теперь щеки болят.

- Как его зовут?

- Я не запомнила, - виновато протянула девушка, - Он китаец. В „Top Green” их много?

- Нет, - Минсок сокрушенно сполз на пол, - Всего один...

Юна продолжала возмущаться по поводу своих растянутых щек и далеко откинутой книжки, до которой ей было трудно дотянуться и в которой она не оставила закладки, а затем принялась нахваливать верного друга, пришедшего на помощь в нужный момент, восторженно щебеча о нем, словно птичка, радующаяся наступлению утра. Для нее, видимо, было большим облегчением рассказать обо всем мужу. Минсок, однако, уже не разбирал ее слов – сидя в неизменной позе на полу и потупленно смотря в одну точку, он лишь думал о том, правильно ли все понял.

V. Сломанные игрушки

Повзрослев мы часто предаемся воспоминаниям о детстве: как бегали по лужам, беззаботно марая сапожки, играли в войнушки с соседскими детьми, лазали по деревьям и исследовали окружающий мир, вспоминаем наивкуснейшую бабушкину стряпню, которая по приходу со школы всегда ждала на столе, пока мы не слопаем ее до самой последней крошки, но мы вредничали и оставляли на тарелке добрую ее часть, как мама дула на наши ранки, обрабатывая зеленкой разбитые колени, и как мы слушали старые добрые сказки о неведомых существах, сидя на руках у дедушки. На ум приходит любимая одежда – то, что мы могли бы носить каждый день в любое время года, но родители не позволяли, игрушки, с которыми мы не расставались. Тепло папиной большой руки и маминой нежной улыбки, от которых все проблемы и обиды испарялись вмиг.

Смутлолицый мальчик, сидя на потертом пакетике с Человеком-пауком, выцарапывал свое имя на сыром песке. Волны едва доходили до его кроссовок, разбиваясь о небольшие камни, однако по пути со школы их уже успел промочить дождь, заставший в тот день врасплох каждого жителя Циндао. Одинокая чайка заинтересованно кружила над пляжем – ее порхающий полет и грациозные взмахи крыльями приковывали внимание мальчишки, он думал, что хорошо было бы так же свободно рассекать небесные просторы и всегда иметь возможность улететь из одного места в другое.

В свой десятый день рождения Цзытао не хотел возвращаться домой – там его не ждали подарки и праздничный ужин.

Он точно знал, что у отца сегодня был особенный повод выпить, и сейчас, в этот самый момент, он изводит мать, а та боится перечесть мужу и принимает все его удары. Маленький Хуан всегда пытался вставать на ее защиту, но в итоге получал сам, а матери доставалось еще больше за «невоспитанного сына». Когда негодяй заснет, женщина умоет окровавленное лицо и, будто бы ничего не произошло, наклеит пластырь на разбитую бровь. Она никому не станет жаловаться, не пойдет в полицию. И соседи не будут совать свой нос в чужие дела. Их дети не позовут Цзытао играть, потому что он из ущербной семьи, в которой папа – спившийся неудачник, а мама – глупая баба, не способная противостоять нападкам мужа.

Раньше, до того, как Цзытао пришел в этот мир, все было по-другому: Хуан Хэй не заставлял жену страдать, напротив, носил ее на руках, а та каждый день озаряла своей счастливой улыбкой, вызывая завистливые взгляды домохозяек в округе – Мингжу и впрямь ярко сияла, словно драгоценная жемчужина. Молодые люди поженились, следуя воле родителей, но, тем не менее, смогли возрастить в своем союзе семя любви. Вместе они не обладали богатством, однако оба зарабатывали как могли. Вскоре после появления на свет Цзытао, завод, на котором работал Хэй, разорился – всех сотрудников повыгоняли, не заплатив за последние месяцы работы. Тогда Хуан Хэй и пошел по наклонной, находя утешение в алкоголе, вместо того, чтобы вновь налаживать свою жизнь.

Непрекращающийся детский плач раздражал его, каждое утро резал слух, разбросанные по всей квартире пеленки и детские игрушки постоянно препятствовали на его пути, а Мингжу в его глазах превратилась в мерзкую тупую корову, которая не была в состоянии поддержать

мужа в тяжелый период, проводя все время со своим сопливым и вечно кричащим отродьем.

Подрастая, Цзытао не мог похвастаться другим детям современными игрушками и модной одеждой, на уроках ему нечего было рассказать о профессии отца, а на больших переменах он всегда довольствовался черствыми магазинными булками, вместо маминых обедов. Мальчика задирали одноклассники и соседские драчуны, часто он возвращался домой в синяках, но, по правде говоря, никому не было до этого дела – мать, и без того измученная работой, домашними делами и скандалами мужа, просто не замечала новых ссадин на теле сына. Что касается отца, он и сам был не прочь поколотить бесполезного мальчонку, потому что только так, по его словам, из маленького сопляка мог вырасти сильный мужик.

Почему-то сегодня, в свой десятый день рождения, Цзытао устал – ему казалось, что прожитая им жизнь уже была слишком долгой.

Осторожно обтрусив от белых песчинок пакет с учебниками, мальчик нехотя зашагал в сторону своего дома, и его маленькие ножки отпечатывались на берегу неглубокими следами, провожая его до самой дороги.

Дворы жилых многоэтажек всегда наполняли голоса: сплетничающих на лавочках женщин, спорящих между собой мужчин и их детей, бегущих между домами. Сырой запах деревьев и мокрого асфальта пропитал воздух, смешавшись с многочисленными ароматами еды из открытых окон кухонь. Цзытао безумно хотелось убежать оттуда, но он понимал, что если не вернется домой – за это отец накажет не его, а мать.

Из квартиры раздавались женские крики. Они отчаянно звали на помощь, но раз за разом глохли под звонкими шлепками пощечин. Когда всякие звуки утихли, мальчик приоткрыл дверь, и в проеме показалась внушительная спина его отца. Подойдя поближе, Цзытао увидел мать, распростертую под мужчиной на обеденном столе – платье женщины было разорвано, а из ее носа стремительно текла кровь, марая скатерть багровыми разводами.

Стоя со спущенными штанами, старший Хуан толкался в тело жены, сжимая одной рукой ее горло. В комнате стоял тошнотворный запах алкоголя. Ни секунды не сомневаясь, мальчик замахнулся тяжелым пакетом и несколько раз ударил им отца по голове что было сил. Тот свалился на пол после четвертого удара, упав на зеленые бутылки из-под эргоуту, обильно усыпавшие пол.

На десятый день рождения, разбившись вдребезги, и без того нерадужное детство Цзытао закончилось.

После этого случая Хуан Хэй попал в тюрьму, а Цзытао с матерью переехали в другой город, навсегда оставив место, в котором оба были несчастны.

Обретя новый дом в Вэйхае, мальчик наконец смог начать нормально учиться, а его мать устроилась на хорошо оплачиваемую работу в гостинице. Цзытао прикладывал немалые усилия, чтобы получать высшие баллы. Все свое свободное от школы время он учился дома, и в конце концов, благодаря своему усердию, подав документы в Сеульский Национальный Университет, смог пройти отбор. Почему парень выбрал своей целью университет в именно Южной Корее не

понимал даже он сам, но люди всегда говорили, что престижное образование гарантирует стабильную работу и богатство в будущем, а Цзытао только и мечтал, чтобы его мать больше не страдала, а жила в уюте и достатке. В возрасте восемнадцати лет он покинул Вэйхай, рассекая волны Желтого моря на пароме, направлявшемся в порт Инчхона.

Выкуривая шестую сигарету за день, Хуан Цзытао опирался спиной на железные поручни и наблюдал за стаей птиц, круживших в небе, раскрашенном алыми лучами заката. Тяжелая дверь протяжно проскрипела, обратив на себя его внимание. Щелкнув шпингалетом, молодой мужчина медленным шагом направился к ассистенту.

- Архитектор Ким, вы вернулись? – удивился Хуан.

На часах время подходило уже к девяти вечера. Минсок остановился в метре от него и опустился на колени, склоняясь в поклоне.

- Что вы делаете, архитектор Ким? Встаньте сейчас же! – но Минсок не поднимал головы, а в следующий миг Цзытао услышал его всхлипы, - Что вы делаете?..

- Уверен, вы сделали это из собственной выгоды... Но я даже не знаю, чем мог бы вас отблагодарить... - речь Минсока была несвязной и тихой.

- О чем вы говорите? – Цзытао опустился к плачущему мужчине, пытаясь поднять его, - Перестаньте пускать сопли, вставайте!

- Юна все мне рассказала. Я обязательно верну вам все до копейки. Не сразу, со временем, но... Спасибо. Спасибо!

Минсок повторял это «спасибо» бессчётное количество раз. Его слезы будто бы лились рекой, оставляя на горячем бетоне мокрые капли. Ким по-детски хлюпал носом и в тот момент несколько не напоминал взрослого мужчину.

«Что ж, он узнал...» - ассистент тяжело вздохнул.

Цзытао не собирался платить Минсоку, когда тот его шантажировал. Нет – иначе это доказало бы, что Ким действительно знал что-то компрометирующее; Хуан был слишком умен, чтобы попасться на эту уловку. Однако, когда жена архитектора, поглаживая свой круглый живот, рассказала ему о ростовщическом долге, для Цзытао все изменилось – он слишком хорошо знал, что могло бы произойти без его вмешательства. Возможно, отождествив ребенка Юны и Минсока с собой в детстве, он побоялся, что малышка будет ждать такая же участь. Хуану бы не было дела до чьих-то личных проблем, но в этот раз им руководила симпатия – Ким Минсок действительно нравился Цзытао. Сложно сказать, с каких пор это началось и по какой причине, однако, совершенно точно, уже несколько месяцев молодой архитектор не покидал его мыслей, а образ Кима возникал чаще всего во время секса.

Парень продолжал плакать, бубня себе под нос слова благодарности, и этот процесс слегка затянулся. Цзытао, выкинув дотлевший бычок, подхватил Минсока под руки:

- Перестаньте уже наконец!

Архитектор поднял голову: его раскрасневшиеся глаза успели опухнуть, ресницы слиплись от соленых слез, а слюна на губах переливалась в свете заката. Выражение его лица, обычно серьезное, но доброжелательное, в тот момент напоминало гримасу плачущего ребенка, глубоко обиженного на родителя, который не дал ему съесть шоколадный батончик с убийственной дозой консервантов.

Маленькие капли не переставали стекать по его щекам, и Цзытао рефлексивно коснулся пальцами влажной кожи. Минсок вздрогнул, почувствовав на своих губах горький вкус табака. Цзытао легко поцеловал архитектора, и на мгновение его всхлипы прекратились, а когда Хуан отстранился, заметил на себе ошарашенный взгляд Минсока и только тогда понял, что сделал.

- Простите... - Хуан был шокирован внезапным импульсом не меньше Кима, - Я не хотел.
- У меня есть жена... - виновато шептал Минсок.
- Я знаю, простите. Это вышло случайно. Я просто хотел, чтобы вы перестали плакать.

Они сидели бок о бок на теплом полу крыши, пока солнце окончательно не упало за горизонт. Цзытао выкуривал очередную сигарету – ему многое хотелось бы сказать, объясниться перед Кимом, однако нужные слова все никак не приходили в его голову, а Минсок смущенно потирал кольцо на безымянном пальце и боялся поднимать свой взгляд. Кто-то два раза пытался попасть на курилку, но, к чьему-то большому огорчению, дверь не поддавалась.

- Минсок, - Цзытао первым нарушил неловкое молчание и повернулся к архитектору, - Я хочу прояснить кое-что. Как уже говорил ранее, я бы никогда не стал платить за бессмысленные угрозы, поэтому с вашим шантажом это никак не связано. Деньги... можете не возвращать. Я изначально не собирался требовать их обратно, поэтому просто забудьте и сосредоточьтесь на жене и ребенке.

- Но ведь это огромная сумма, как я могу забыть о таком? – архитектор возмущенно ударил кулаком об колено, решительно смотря в глаза собеседнику.

- Если хотите отблагодарить – я был бы не против время от времени выпивать вместе, но денег не приму, - не менее твердо ответил Цзытао.

- Тогда, если не из-за шантажа, почему вы помогли мне?

- А вы не поняли?

- Я...

- Вы мне нравитесь, Минсок, - не дожидаясь ответа, констатировал ассистент, - Тем не менее, я не собираюсь ничего предпринимать. Я просто подумал, что раз тогда вы пришли ко мне, а не к директору, то потому что надеялись именно на мою помощь. И простите, что сегодня потерял контроль над своими действиями – больше этого не повторится. Все-таки, я был бы рад, если бы вы иногда составляли мне компанию в баре. Если я вам неприятен – можете отказаться.

- Нет, все в порядке, - Минсок отрицательно закивал головой, - Я не против.

- Вот и славно, - Цзытао улыбнулся, потянув руку в карман за сигаретой, но в пустой пачке больше не осталось ни одной.

- Скажите, - искренне поинтересовался архитектор, - То, что о вас рассказывают в „Тор Green” - правда?

Цзытао издал короткий смешок, а в его глазах появился блеск, которого ранее Минсок не

замечал.

- Чушь собачья.

VI. Язык мой - враг мой

«... Мне не сказать тебе ни единого слова, мне только думать о тебе, когда я сижу, одинокий, или ночью, когда я, одинокий, проснусь, Мне только ждать, я уверен, что снова у меня будет встреча с тобой, Мне только думать о том, как бы не утратить тебя...»

- Уолт Уитмен

Что такого особенного было в заурядном корейце по имени Ким Минсок? Его манера надевать старые кроссовки под деловой костюм, собирать волосы в пучок на макушке канцелярской резинкой, вместо того, чтобы обстричь их, грызть колпачки маркеров во время оформления одного из своих проектов, использовать руки вместо стикеров для пометок, наматывать чайную веревку с биркой на ушко чашки, а затем вытирать нос, замаранный упавшим на него пакетиком; Минсок улыбался во все тридцать два при встрече, а его одежда всегда приторно пахла стиральным порошком и какими-то детскими средствами, рукопожатия его были осторожными и теплыми, а сосредоточенное выражение лица вызывало лишь смех – что из этого всего можно было бы назвать привлекательным?

Цзытао украдкой наблюдал за тем, как Минсок работал: грыз карандаш и поочередно клал в карман рубашки цветные маркеры, как он устало моргал глазами, приподнимая густые брови, как разминал руки, заводя их за голову, как поправлял волосы, перевязывая пучок на голове или распускал их, давая отдохнуть. Архитектор Ким лишь иногда задерживался на работе, оставаясь в опустевшем помещении в компании офисных принадлежностей, крепкого чая и изредка проходящего мимо ассистента гендиректора. Цзытао мог поспорить, что тот ни разу не заметил его присутствия, поскольку Ким был настолько втянут в оформление чертежей, что, казалось, его не способны были бы отвлечь даже пушечные выстрелы под окнами здания. Возможно, именно за преданностью работе и скрывалось его странное очарование? Может, все дело в наивности и простодушии? Или же все из-за внешности? Цзытао неоднократно задавался этими вопросами, однако конкретного ответа на них найти так и не смог, придя к выводу, что нравилось ему в молодом архитекторе все, включая его привычки и даже не столь высокий рост.

Естественно, этой симпатии нельзя было позволять развиваться. Когда любит один – это болезнь, поражающая не только все тело, подобно раку, но и душу. Одна только мысль об их отношениях звучала абсурдно, не говоря уже о том, что архитектор Ким был женат на женщине, вынашивающей его ребенка. Даже не будь он связан узами брака, вряд ли у них с Цзытао что-то вышло бы. Что тогда? Они бы «встречались»? Ходили бы на свидания в дорогие рестораны, в погоне за романтикой слетали бы на Чеджу, целовались бы, встречаясь на работе, занимались бы любовью ночи напролет? Ха. Цзытао вмиг развеял облако мыслей, напоминающих больше диснеевский мультфильм, чем адекватную реальность. Нет. Они продолжают жить каждый своей жизнью, лишь иногда пересекаясь, чтобы выпить или обсудить рабочие моменты, и, возможно, станут друзьями. Хотя до тех пор единственным (в некотором роде) другом Цзытао являлся Чхве Шиван.

Сколько бы ни думал, молодой китаец не смог увидеть для них с Минсоком других реальных перспектив. Для Цзытао были уготованы лишь ярлыки «педика» и «разрушителя»

чужой семьи», однако он не собирался портить жизнь еще одной женщине. К тому же Ким Минсок вряд ли тайно предпочитал компанию мужчин, да даже если и так – совесть бы ему ни за что не позволила изменять жене. Таким был архитектор Ким – человеком с высокими моральными принципами. Одновременно эта черта восхищала Цзытао и вызывала на его губах грустную улыбку.

В конце концов, это были бессмысленные чувства, не способные принести счастье ни их обладателю, ни объекту трепета. Цзытао решил, что лучше будет подавить их, запереть в темном чулане и не вспоминать, пока их сила не угаснет, вместе с воспоминаниями об их первом, последнем и единственном поцелуе, в котором смешались соленые слезы и горечь табака.

После объяснения с ассистентом Хуаном (ну, или из-за того, что архитектор вырвался перед ним, словно девчонка, обрезавшая свои волосы сантиметров эдак на тридцать), все беспокойные мысли, тревожившие Минсока до тех пор, улетучились, не обещая вернуться – теперь уж точно. Почему-то Киму казалось, что в этот раз он узнал что-то гораздо более ценное, чем при их первой встрече, тем не менее, сейчас он не чувствовал взволнованности или обремененности, только спокойствие, подобное безмятежности океана во время штиля.

Он наблюдал за неоновыми вывесками, что отражались в окнах такси, зазывая к посещению самых разнообразных заведений, среди которых любому что-то нашлось бы по душе. Были среди их бесконечной массы и различные бары, минималистично оформленные однотонными надписями и элегантными логотипами. Стоило ли Минсоку первому пригласить в один из них ассистента Хуана или же лучше было не навязываться и ждать, пока тот сам не назначит время и место встречи? Его впервые в жизни целовал мужчина, и, как оказалось, этот жест совсем не вызывал у Минсока отвращения. Губы Хуана были такими же мягкими и теплыми, как и у Юны, с единственной разницей в том, что на них оставался горький вкус сигаретного дыма. Также, Ким впервые получал признание от парня и совершенно не знал, как должен был дальше себя вести, чтобы не обидеть его чувства или не дать ложную надежду. Решив, что с приглашением в бар все-таки стоит повременить во избежание недопонимания, Минсок продолжил свою безмятежную поездку домой, рассматривая светящиеся биллборды за окнами автомобиля.

Юна легла спать, не дожидаясь мужа, поэтому Минсоку пришлось красться на цыпочках, чтобы ее не разбудить. После водных процедур, осторожно забравшись под одеяло, парень легко обнял жену со спины, положив руку на ее округлый теплый живот. Ребенок внутри оживленно затолкался, он будто бы здоровался с отцом, по которому успел соскучиться за время его отсутствия. Прежде чем провалиться в сон, Ким провел языком по высохшим губам, вновь почувствовав уже едва слышный вкус табака, который будто бы навечно запечатлелся в них.

На следующее утро Минсок пребывал в хорошем настроении. Отчасти из-за того, что проект городского парка был почти готов, и оставалось только внести изменения, о которых говорил ассистент Хуан – зеленый лабиринт. Так как архитектору уже приходилось работать с такого рода элементами, добавить его на бумагу не составило особого труда, да и с посадкой не должно было возникнуть проблем. Спустя два часа Минсок нанес финальные штрихи и, окинув взглядом проделанную работу, гордо заявил «Отлично!».

Парень быстрым шагом направлялся в приемную, проходя многочисленные коридоры, ничем не отличающиеся друг от друга – ему не терпелось показать результат ассистенту гендиректора. На мгновение Ким замедлился: теперь, когда проектировка окончена, видимо, у них не будет причин для встреч в компании, ведь остальные заказы не требуют контроля, а по другим пустяковым вопросам также было бы странно обращаться к Хуану.

Что ж, по крайней мере они будут встречаться вне работы, если только ассистент не передумает.

Чего и стоило ожидать, место помощника пустовало.

- Он у гендиректора, - равнодушно отозвалась Сонён, - Будете ждать или мне о вас спросить?

- Спасибо, я подожду, - Минсок прошел к столу Хуана, прижимая к себе папку с проектом.

Через некоторое время дверь в кабинет гендиректора Чхве отворилась, и оттуда вышел молодой ассистент, рассматривая какие-то бумаги. Оторвав от них свой взгляд, Цзытао заметил ожидающего его посетителя и, непроизвольно опустив глаза, попросил:

- Подождите еще немного, я сейчас вернусь, - привычным быстрым шагом парень покинул приемную.

Вернулся он, как обычно, благоухая мятной зубной пастой. Хуан устроился в кресле, разворачивая к себе чертежи городского парка.

- Я все сделал, как вы и просили, - Минсок открыл проект на нужной странице, чтобы во всей красе показать зеленый лабиринт, довершивший парк, - В принципе, это все – осталось только утвердить его с заказчиком и приступить к реализации.

- Отлично. Значит, я могу отчитаться перед директором... - ассистент Хуан задумчиво листал бумаги, - Кстати, он попросил меня контролировать процесс, чтобы не повторилась ситуация с баобабом, поэтому я буду приезжать на участок время от времени, и было бы неплохо, если бы вы вводили меня в курс дела как архитектор, ведущий данный проект. Мэрия полностью доверила парк в наши руки, поэтому согласование не нужно.

- Значит, со следующей недели приступаем! - оживленно подытожил Минсок – новость о продолжении сотрудничества с ассистентом его обрадовала; Цзытао, заметив неприкрытый энтузиазм в голосе Кима, легко улыбнулся, прикрыв рот рукой.

- Я свяжусь с вами позже по корпоративной почте для уточнения деталей.

Ближе к окончанию рабочего дня на экране компьютера появилось оповещение от Хуан Цзытао:

«Вы не против сегодня выпить? Заодно обсудим план работ в парке. Я буду ждать вас в баре „Gold”, через квартал отсюда. Приходите как только закончите.

С Уважением,

Ассистент генерального директора,

Прочитав сообщение, Минсок поспешно вышел из системы. Он заметил направляющегося к нему Джисоба, энергично машущего рукой.

- Архитектор Ким! – Мун положил свою руку ему на плечо, неприлично сжимая его в своей хватке, - У меня для тебя исключительное предложение! Мы сегодня собираемся выпить с соседними отделами, пошли с нами!

- Простите, но у меня уже есть планы, - негромко отозвался парень, наводя порядок на рабочем столе.

- Эй, не расстраивай меня!

- Моя жена скоро родит, поэтому я должен быть с ней в эти месяцы, - Минсок скрипя зубами оправдался Юной, но понимал, что в противном случае Джисоб от него просто не отстанет.

- Просто задержишься на пару часиков! Будет весело! – не унимался собеседник.

- Архитектор Мун, - Минсок глубоко вздохнул, - Если под «весельем» вы подразумеваете унижение и перемывание костей человека, не присутствующего на ваших посиделках, то я лучше воздержусь от посещения корпоративов. Противно по вечерам, вместо того, чтобы приятно проводить время с близкими, слушать, как несколько десятков взрослых людей смеивают кого-то с грязью. Я ходил с вами всего три раза – и мне уже надоело, как вы до сих пор держитесь?

- Да брось, Минсок, - Джисоб, явно не ожидавший услышать такой ответ, потрясенно смотрел на копошащегося с канцелярскими принадлежностями архитектора, - Мы ведь просто стресс снимаем.

- Спасибо за приглашение, но я вынужден отказаться, - Минсок, закончив с беспорядком на рабочем месте, подхватил пиджак, висевший на спинке кресла, - И впредь, пожалуйста, не зовите меня на подобные встречи. С этого момента я буду занят семьей. Всего доброго, архитектор Мун.

Невозможно было описать словами, какие чувства испытывал Минсок в тот момент. Пожалуй, он стал гораздо счастливее, избавив себя от обязанности выслушивать непрекращающиеся жалобы, абсурдные слухи и потоки ругательств, направленные на руководство. Скорее всего, теперь его отношения в частности с Джисобом испортятся, однако Минсок никогда и не считал их друзьями. Как однажды правильно подметил ассистент Хуан, работа – не место для друзей и игр, поэтому архитектора данная «потеря» нисколько не огорчала.

Минсок отворил черную стеклянную дверь в заведение. „Gold” оказался довольно претенциозным и дорогим на вид, в меру просторным, все было выполнено в черно-золотой гамме, а в интерьере помещения смешивались стили барокко и лофт. Освещение падало лишь на бар и некоторые столики у стены, поэтому пройти, не задев ничего по пути, было слегка затруднительно. Минсок увидел Цзытао, сидящего за барной стойкой, и ускорил шаг.

- Ассистент Хуан, - архитектор, вешая сумку на спинку стула, занял место рядом с парнем, - Простите, долго ждете?

- Нет, только пришел, - дружелюбно улыбнулся тот, - Что будете пить?

- Не отказался бы от рома, - без раздумий ответил Минсок (вряд ли в заведении такого

класса разливали соджу).

- Два рома, - Цзытао огласил заказ бармену.

Мужчины молча наблюдали за тем, как бокалы наполнял крепкий напиток.

- Возвращаясь к теме парка, - Минсок взял инициативу на себя, пытаясь избавиться от неуместной тишины, - Вы могли бы приехать на объект в конце следующей недели. Не думаю, что на пустом участке будет что посмотреть, а к тому времени как раз частично подготовят материалы и почву.

- Я сверюсь со своим расписанием и посмотрю, получится ли.

- Да, хорошо... - между ними опять повисло безмолвие, однако было нечто, интересовавшее Минсока уже очень давно, - Ассистент Хуан, можно задать личный вопрос?

- Смотря насколько личный, - Цзытао обнажил зубы, вводя Кима в краску – архитектору все еще было неловко вспоминать свое громкое заявление о «члене директора».

- Как вы попали в „Top Green”? Мне много-чего нарассказывали коллеги, о богатых родителях и блате, но мне бы хотелось узнать все лично от вас.

- Зачем? – Цзытао удивленно поднял брови.

- Мне просто важно знать, как все было на самом деле.

- Правда в том, Минсок, что родителей у меня нет, - парень сделал глоток обжигающего напитка, - Сплетники в компании залились бы то ли смехом, то ли слезами, узнав, насколько все жалко в действительности. Отец уже очень давно умер от цирроза печени, когда сидел в тюрьме, а я жил с матерью до своего совершеннолетия, но и она скончалась год назад в Китае. Они были обычными рабочими, класса ниже среднего, и было время, когда мы едва концы с концами сводили. Поэтому нет, дело не в богатых родителях. В компанию меня привел гендиректор, в качестве стажера, но остался в ней я исключительно благодаря своим заслугам.

- Тогда... вы были знакомы с директором Чхве?

- Я приехал в Корею шесть... нет, уже семь лет назад, - Цзытао крутил в руке стакан с ромом, наблюдая как его содержимое переливается в толстом стекле, - На учебу. Но, как понимаете, жизнь в Сеуле дорога, особенно, для среднестатистического китайского тинейджера. Естественно, мне нужно было найти работу. Я перебивался на подработках в кафе, начал как только приехал, но надолго нигде не задерживался, потому что тогда еще плохо знал язык. Где-то полгода носился из места в место, а потом корейский друг по переписке подкинул место, в котором можно было легко заработать по его словам. Это оказался караоке-клуб, в котором сотрудники разводили клиентов на дорогой алкоголь, а потом еще и обдирали до нитки. Естественно, в напитки там подсыпали волшебный порошок, от которого состояние забытия приходило быстрее. Я был барменом и собственноручно мешал такие коктейли. И, действительно, это были необычайно легкие деньги: не важно – парень ты или девушка – ты просто вставляешь какую-нибудь палку в рот, чтобы улыбка не сходила с твоего лица, убеждаешь клиентов, что, к примеру, Moet (две или три бутылочки) – это именно то, что не хватает сегодняшнему вечеру, а затем ты или кто-то другой поднимает планку и, подсовывая им разбавленную ослиную мочу под видом элитного пойла, умножаете нолики в счете; чем их больше – тем выше и твой заработок, потому что все держалось на процентах. Естественно, в таких местах существовала опасность облавы, но владельцы того клуба вроде обо всем с полицией договаривались, поэтому те захаживали разве что поразвлечься. Да и в общем клиенты уходили довольными, а жлобы, возомнившие себя пупами Земли, после одного посещения не приходили вновь. Гендиректор Чхве был одним из тех, кто всегда возвращался – он часто приводил деловых партнеров в наш клуб, - Цзытао осушил стакан и жестом попросил

бармена повторить, - Так уж вышло, что моим сервисом он был более чем доволен, ну, и прознав, что я учусь в Сеульском Национальном Университете, предложил попробовать себя в его фирме. Собственно, это все.

- Тогда почему вы не расскажете всем правду? – Минсок последовал примеру ассистента, закончив с ромом и заказав еще один стакан.

- А разве она кому-то нужна? – Цзытао развернулся к собеседнику, - Знаете, ложь – не такая уж и плохая штука. Можно себе позволить превратиться человека, являющегося совершенной противоположностью. Люди любят утрировать, в глазах толпы даже самые незначительные мелочи могут создать целую историю. Так и мой загадочный приход в „Тор Green” повлек за собой весьма интересные рассказы. Мне все равно, что говорят наши сотрудники, пока они выполняют мои поручения. Работники боятся, что у меня есть полномочия для их увольнения, и что в случае чего гендиректор послушает мои доводы, а не их, поэтому и делают все безоговорочно. Лучше использовать толпу в своих интересах – в противном случае она будет иметь вас. Чем дольше находитесь под ее влиянием – тем меньше шансов на отступление. Правда – главный враг общества, ведь суть его существования состоит в отрицании действительности. Поэтому сейчас уже слишком поздно что-то менять, пусть все остается как и прежде. К тому же, неужели вам действительно интересно слушать мою биографию? У вас ведь скоро родится ребенок – это куда важнее. Уже знаете: мальчик или девочка?

- Мальчик, - тепло улыбнувшись, ответил архитектор.

- Вам повезло! Уже придумали имя?

- Нет, моя жена считает, что нельзя загадывать заранее...

- Мне кажется, - мечтательно протянул Цзытао, заливая в горло очередной глоток рома, - Как только вы увидите лицо своего сына – сразу поймете, какое имя ему подходит. Было бы неловко заранее окрестить ребенка «тихой рекой», а он родится темпераментом «пламени».

- Да, наверное, - рассмеялся Ким.

К удивлению Минсока, атмосфера разрядилась и поначалу натянутый разговор превратился в абсолютно непринужденный. Три часа пролетели, словно мгновение: они с ассистентом Хуаном разговаривали на различные темы, рабочие, личные и более отдаленные, не прекращая сопровождать беседу алкоголем, много смеялись, и архитектору было непривычно видеть широкую улыбку на лице молодого помощника.

Ким уже давно не пил крепкого алкоголя, да еще и в таком количестве, поэтому довольно быстро дошел до кондиции и совсем потерял контроль над своей речью:

- Знаете... в такой обстановке вы кажетесь другим человеком. Может, это потому, что я уже пьян, но вы замечательный собеседник и совсем не кажетесь плохим, - Минсока не на шутку штормило, поэтому он едва удерживал равновесие, схватившись за край барной стойки, - А эти придурки в компании... Одного я уже поставил на место. Мне надоело, что они поднимают свою самооценку за счет унижения вас, не буду больше этого терпеть! Впредь можете на меня положиться – я буду опровергать все плохие слова, сказанные в ваш адрес! Потому что вы хороший, и я благодарен вам за помощь! И за то, что вы ко мне чувствуете... Простите, что я женат! Мне правда очень и очень жаль! И...

- Минсок, - Цзытао прервал душераздирающий монолог Кима, и, положив свою руку ему на плечо, придвинулся ближе, - Если продолжите в том же духе – я опять вас поцелую.

VII. Dirty little things

Бармен, протирая бокалы, обронил едва слышный смешок, наблюдая за молодыми мужчинами, чей разговор внезапно перетек в нездоровое русло. Парень лет двадцати пяти часто становился свидетелем самых разных встреч, которые для некоторых их участников имели фатальный исход, а для других превращались в судьбоносные. Он заинтересованно выжидал, чем закончится опасный разговор двух коллег.

После услышанного Минсок явно смутился, слова Цзытао его даже несколько испугали, и парень, отрешенно опустив глаза, убрал лежащую на нем руку собеседника, и принялся опасливо нащупывать ногами ровную поверхность пола.

- Простите. Я, наверное, пойду... - Ким бросил довольно громкое заявление, однако на деле же он и стоять был не способен.

Цзытао, наблюдая за тщетными попытками коллеги балансировать без помощи барной стойки, глупо хихикал, также безуспешно стараясь подавлять свой смех, привлекающий внимание других посетителей. Наконец, бармен, не выдержав мучений обоих клиентов, вежливо предложил вызвать такси и помочь довести новоиспеченных приятелей до выхода. Трио молодых мужчин весело раскачивалось из стороны в сторону, в основном, стараниями Минсока, для которого реальность уже преобразовалась в сюрреалистическое измерение, где он мог беззаботно шагать по водам океана, при этом не идя ко дну. На какой-то промежуток времени он даже забыл, что к выдвигению из бара его сподвигла угроза поцелуя от человека, который в тот момент буквально тащил Минсока на себе, вплотную прижимая его к своему телу.

Для себя Ким подметил, что ощущения от объятий ассистента Хуана также не вызвали у него отвращения и, действительно, ничем не отличались от прикосновений Юны, хотя на его памяти не было ни единого раза, когда бы жена вытаскивала его в состоянии «нестояния» из бара.

Дождавшись приезда такси, Цзытао погрузил на заднее сидение архитектора, а затем сел и сам. Парень нашел в смартфоне заметку с адресом Минсока, оставшуюся еще после прошлого посещения его дома, и задал маршрут водителю, недовольно косившегося на изрядно выпивших клиентов.

- Простите, если это было грубо с моей стороны, - виновато протянул Ким, накрывая ладонью руку Цзытао, как только такси тронулось, - Я не хотел обидеть ваши чувства...

- Это была шутка, Минсок, - успокаивающе заверил ассистент Хуан, - Я понимаю, что вам неприятны такие...

- Не-е-е-т, дело не в том, что мне неприятно, - голос Минсока звучал вполне уверенно, - Вы вовсе не неприятный, я просто...

В этот момент, когда архитектор Ким, не способный контролировать свои слова, чуть ли не явил какую-то важную истину в салоне автомобиля, Цзытао заметил в зеркале заднего вида озабоченный взгляд таксиста и, хоть ему и было до жути интересно, что скажет Минсок, поспешил сменить тему – не то чтобы Цзытао волновало чье-то мнение, но в этот раз речь шла

не только о нем, но еще и о чрезмерно чувствительном Киме, которого подпорченная репутация могла и расстроить.

- Брат, ты становишься слишком сентиментальным, когда выпьешь, - Цзытао высвободил свою руку и похлопал ею Минсока по плечу, - Это я сказал глупость – мы ведь семья, конечно же я буду рядом во время родов твоей жены, не переживай, - Цзытао озвучил первое, что пришло в голову, и по отражению глаз таксиста в зеркале можно было предположить, что он почувствовал облегчение, услышав о том, что эти двое – родственники, со спокойной душой продолжив вести автомобиль.

- О чем... - Минсок непонимающе поднял свой взгляд на рядом сидящего коллегу.
- Всё-всё, брат, можешь ничего не говорить – я все понял, скоро мы будем дома.

В силу своего затуманенного разума Минсок решил не вникать в смысл слов ассистента Хуана, оставив этот вопрос на время, когда протрезвеет. Состояние опьянения у Кима было весьма интересным: он в принципе осознавал все свои действия, однако с языком и телом его рассудок не был способен совладать, да и мышление замедлялось в разы – в итоге он, заточенный в собственной голове словно какой-то внутренний голос, со стороны наблюдал за поведением своего неконтролируемого тела. И у прямолинейного Минсока были вещи, которые он не решался говорить или делать в состоянии благоразумия – всем им давала зеленый свет большая доза алкоголя.

Что касается его пламенной речи, обращенной к ассистенту Хуану, Ким чувствовал, что должен был произнести те слова. Раньше он думал, что каким бы ни был образ молодого китайца в компании, для друзей вне ее и семьи Хуан оставался любимым – ведь не существует абсолютно плохих или хороших людей, все лишь зависит от того, как к ним относятся окружающие.

Но узнав, что у Цзытао нет ни семьи, которая могла бы его поддержать, ни, по всей видимости, друзей (поскольку в таком случае он не стал бы проводить свое свободное время с каким-то Кимом), архитектор пришел к выводу: единственное, что приходилось слышать Хуан Цзытао – это нелестные слова и упреки в его адрес. Минсок был уверен, что должен сказать ему что-то хорошее, то, что действительно чувствовал, чтобы парень знал: Минсок не придерживается мнения большинства. В порыве чувств и под влиянием алкоголя Ким мог бы и сам наброситься на Цзытао с поцелуями, но вовремя пришел в себя и торопко засобирался, чтобы этого избежать.

Архитектор проводил аналогию своего странного поведения с материнским инстинктом, который обострялся по мере приближения даты рождения собственного ребенка, хотя вопросами о том, почему в будущем отце проснулся именно инстинкт материнский и по какой причине его объектом стал вполне взрослый человек, Минсок не задавался.

В окнах ослепляюще мерцали огни ночных улиц, заставляя непроизвольно щурить глаза.

Водитель такси, сосредоточенный на вождении, уже давно не поглядывал на своих пассажиров. Двое мужчин сидели плечом к плечу, уже долгое время не говоря друг другу ни слова – один из них неподвижно смотрел на полосы, исчезающие под такси, а другой, заняв

большую часть заднего сидения и также пытаясь наблюдать за дорогой, морщился от яркого света неоновых вывесок. Минск, устав противостоять уличной рекламе, слепящей его, закрыл глаза.

Сквозь тонкую ткань сорочки его плечо грел жар рядом сидящего Хуана, и почему-то от этого тепла Минск чувствовал умиротворение, подобное тому, которое посещает человека во время пребывания в одном из тибетских храмов.

До тех пор Ким не испытывал трудностей в общении, и, обычно, найти общий язык с новым знакомым ничего ему не стоило, однако все это основывалось на элементарной вежливости, а Хуан Цзытао был первым, с кем Минск сам хотел бы сблизиться – не из-за его влиятельности в компании, не из-за денег, не по вынуждению.

Поддаваясь укачиванию плавно едущего такси, парень постепенно погружался в сон, в который красочными картинками завлекал его выпитый ром.

К тому времени как они добрались до пункта назначения, Минск уже полностью подчинился Морфею и совсем не изъявлял желания передвигать ногами, а таксист немедля тронулся по своим делам, поэтому Цзытао был вынужден в одиночку поднимать по ступенькам тяжелое тело коллеги, отчаянно пытаясь и самому не упасть, борясь с предательски подкашивающимися ногами. После трех нескончаемых этажей и звонка в дверь та незамедлительно отворилась, явив Цзытао взволнованное лицо Ким Юны.

- Дорогой! – девушка прикрыла нос рукой, - Боже мой, сколько ты выпил?!

- Простите, это из-за меня, - Цзытао с виноватым видом и Минсоком на плече шагнул внутрь квартиры, - Мы заговорились в баре и...

- Не важно, - махнула рукой Юна, - Отнесите его, пожалуйста, сами, я покажу где спальня – не переносу запах алкоголя.

Цзытао неуклюже бросил архитектора на кровать, и спящий Минск, зацепив своей ногой, потянул Хуана за собой. Парень рухнул на мягкий матрас, но, будто бы ударенный током, резко попытался встать. К сожалению, он был не многим трезвее Кима, поэтому еще долго возился, прежде чем вновь занять вертикальное положение.

- Посмотрите-ка, тоже ведь едва на ногах стоите – как вы его дотащили-то?

- Все в порядке, - с улыбкой заверил Цзытао, поправляя на себе сорочку и осматривая небольшую спальню, в которой основное пространство занимала двуспальная кровать.

- По вам не скажешь, - Юна по-прежнему прикрывала половину лица рукой, однако по ее глазам можно было заметить ответную усмешку, - Хотите пить? У нас есть сок, могу сделать чай или кофе.

- Нет, спасибо. Я уже пойду.

- Серьезно? Это лучшая идея, которая пришла к вам в голову, господин Хуан? – Юна саркастически подняла брови, - Не придумывайте и оставайтесь, я постелю вам.

- Нет-нет, что вы! Все нормально, правда.

- Господин Хуан, - девушка сменила тон, и ее звонкий голос теперь звучал серьезно, - У меня до сих пор не было возможности поблагодарить вас за то, что вы для нас сделали, а это не пустяк какой-нибудь. Позвольте хотя бы угостить вас чаем приютить на ночь. Мне совесть не

позволит отпустить вас одного в таком состоянии.

- Хорошо, спасибо... - против такого аргумента было бы грубо выступать, поэтому Цзытао смиренно склонил голову.

- Только спать вы будете с моим мужем, - крикнула девушка из соседней комнаты, копошась в постельном белье, - Вы оба не чувствуете этого запаха, а я сегодня, пожалуй, заночую на диване.

- Если я вас стесняю, то, может, все-таки, лучше пойду?.. – ошарашенный таким заявлением, Цзытао попытался сдать назад – он и без того весь вечер большими усилиями подавлял в себе желания, произвольно возникающие в его голове, поэтому ясно решил, что целая ночь в том же духе для него будет слишком тяжелым испытанием.

- Господин Хуан, вы никого и нисколько не стесняете – уже ведь согласились, зачем снова сопротивляетесь? – недовольно отозвалась Юна, - Не бойтесь: кровать большая, Минсок спит мирно, даже не храпит – вы и не почувствуете его присутствия.

Занеся в комнату еще одно одеяло, комплект сменной одежды и позже – чашку с ароматным травяным чаем, Юна вежливо откланялась:

- Отдыхайте. Спокойной ночи, господин Хуан, - и покинула комнату.

Смирившись со своей нелегкой участью, Цзытао переоделся в футболку со штанами, принесенными женой Минсока и принадлежавшими, по всей видимости, ему же. Нижняя часть оказалось коротковатой и обнажала ноги выше щиколоток, хоть футболка пришлась в самый раз. Парень еще долго растягивал чаепитие, прежде чем решил под давлением потребностей уставшего организма лечь в постель.

Кровать действительно оказалась довольно просторной даже для двоих, между мужчинами вполне мог уместиться кто-то третий. На гладких стенах ритмично передвигались стрелки часов, разрывая тишину словно в разы замедленная барабанная дробь.

Цзытао пытался справиться с усиленным сердцебиением, в то время как подле него мирно посапывал Минсок, завернувшись в тонкое одеяло. Уголки его губ подрагивали, то поднимаясь, то возвращаясь в обычное положение, а горячее дыхание обжигало кожу Цзытао даже сквозь ткань. Он не мог отвести взгляд от безмятежно спящего Кима, вновь вступив в бой с желанием коснуться его губ – в этот раз они находились за пределами близко, поэтому Хуан от такой близости не был способен управлять своим возбуждением.

Его рука скользнула под одеяло, хоть голос разума смутно советовал парню воздержаться. Неопровержимым аргументом в споре с самим собой для Цзытао стала мысль, что, скорее всего, возможности лежать с ним рядом вот так уже никогда не будет, и раз он не имел права даже поцеловать того, к кому испытывает чувства, то, по крайней мере, мог сделать реальнее одну из своих фантазий. Цзытао гладил свой член, представляя, как они с Минсоком ласкают друг друга; как изумительно сладки на вкус его губы и нежны руки, которыми Ким касался смуглой кожи.

В голове Хуана они целовались страстно, словно в последний раз, тесно переплетаясь разгоряченными телами и несвязно восклицая имена друг друга. Он прикрыл рот свободной рукой, чтобы заглушить произвольные стоны, вырывающиеся из его груди, хоть они были и не

столь громкими. Его захлестнула волна наслаждения, доводя почти до судороги все тело – Цзытао кончил и, почувствовав на руке капли спермы, вытер ее о ткань трусов, перевернувшись на спину.

Парень еще долго не мог привести в норму свое тяжелое дыхание, а голова кружилась, намертво прибивая его к подушке – несомненно, это был самый сильный оргазм в его жизни.

VIII. Его юность

Цзытао понял, что испытывает влечение к мальчикам, когда ему исполнилось тринадцать. Это не значило, что от представительниц женского пола его воротило, а при виде парней он обильно заливал пол слюнями, словно английский бульдог. Когда Цзытао смотрел на очередную школьную красавицу, он, естественно, подмечал, что та обладает привлекательной внешностью, однако чувств при этом никаких не испытывал – девушка была для юноши существом, волнующим его не более, чем собака или кошка.

Став постарше, Цзытао начал засматриваться на нового классного руководителя – молодого парня, который после прохождения практики остался работать в школе, но, к сожалению, у Хуана не было ни единого шанса, потому как тот был уже женат. Собственно, это увлечение было не настолько сильным, чтобы сблизиться с преподавателем и на что-то рассчитывать, но, тем не менее, благодаря ему Цзытао всерьез взялся за изучение английского языка, чтобы блистать перед объектом своей тайной влюбленности на занятиях, а затем таять в сладком сиропе его хвальбы.

На втором году старшей школы у юноши появился новый объект любования – Ли Лонгвей из выпускного класса, капитан школьной футбольной команды. Привлекал Цзытао вовсе не его подтянутый вид, присущий каждому спортсмену. Парень чувствовал, что они с Лонгвеем – братья по духу.

Взять хотя бы обстоятельства, при которых они познакомились: некоторые из учениц становились жертвами издевательств – разовых или регулярных, и Цзытао считал своим долгом им помогать. В таком же направлении мыслил старшеклассник Ли Лонгвей – судьба свела их во время одной из девчачьих разборок в начале года, в которую парни вынуждены были вмешаться. Постепенно, слово за слово – и они уже проводили все время вместе, даже удавалось иногда устраивать совместные тренировки.

Оказалось, что у ребят было много общего – страсть к спорту и боевым искусствам, музыкальные вкусы, а также цели на будущее. Лонгвей, как и Цзытао, собирался перебраться в Южную Корею, но для того, чтобы продолжить карьеру спортсмена. Во все нюансы своей затеи Лонгвей не посвящал даже родителей, поэтому Цзытао тоже многого не знал, но надеялся, что они смогут поддерживать дружеские отношения на расстоянии, а позже – воссоединиться в другой стране. Казалось, Хуан даже позабыл, что изначально вроде как был влюблен в своего товарища. Спустя год Цзытао и Лонгвей распрощались, пообещав вновь найти друг друга в Корее.

С тех пор как Ли уехал, Цзытао вернулся к своему привычному образу жизни. В школьном сообществе массу недоразумений вызывали благородные поступки Цзытао, совершаемые из чувства справедливости, а не из-за намерений завоевать девичьи сердца. В итоге в выпускном классе на него несколько раз цепляли «рыцарский» ярлык и приписывали отношения со спасенными им «принцессами».

Отрицать все было бессмысленно, так как никто не верил ни словам Цзытао, ни девушкам, опровергающим свои отношения с ним, поэтому обе стороны приходили к выводу, что лучше

плыть по течению. Как оказалось, те старшеклассницы были вполне милыми и дружелюбными, да и вообще, гораздо более достойными, чем те, которые их задирали. Проводить с ними время было даже приятно, и Цзытао вновь внезапно обзавелся друзьями, в этот раз женского пола. Таким образом до самого выпуска Цзытао успешно удавалось скрывать свою ориентацию, даже не прилагая к этому никаких усилий.

Свою первую, так сказать, настоящую любовь Хуан встретил поступив в университет – некто, чьего имени он не знал, учился на юридическом факультете – он был высок и хорош собой, хотя внешность и была вполне заурядна: острые скулы, глаза-щелки и короткая стрижка-ёж. Он приезжал в университет на старом велосипеде, большие перерывы проводил в саду, лежа на лавке с книгой на лице, а после занятий часто посещал лапшичную в соседнем квартале, в которой наедался до отвала, после – возвращался домой, хватаясь за живот. По вечерам парень ходил в тренажерный зал, половину времени проводил на беговой дорожке у окна, и Цзытао любил наблюдать за тем, как его смуглая кожа краснела, покрываясь маленькими каплями пота, стекавшими по рельефному телу.

Зимой безымянный носил дурацкий фиолетовый шарф крупной вязки, который совершенно ему не шел, но парень плохо переносил низкие температуры, поэтому закрывал им свои пунцовые щеки, и в холодное время года они были неразлучны. Так уж получалось, что Цзытао каждый день встречал того студента – чаще всего не намеренно, и, как полагал, неспроста.

К тому времени, когда Хуан, все же, решился на знакомство со своей зазнобой, молодой кореец просто пропал. К сожалению, отучившись в университете год, на второй он не остался по неизвестным причинам, бесследно исчезнув из жизни Цзытао. Безусловно, было жаль, но ничего поделать с этим Хуан не мог.

Юношеское сердце в волшебном возрасте жаждало романтики, но с тех пор как начал работать в ночном клубе, Цзытао не мог позволять себе влюбляться и бессмысленно тратить жизнь на такую чепуху. Заведение иногда посещали довольно привлекательные клиенты, однако такие связи стен клуба не покидали – вне его и не было времени, чтобы заниматься личной жизнью.

Тем не менее, девственности Цзытао лишился именно здесь, среди пустых бутылок из-под скверной выпивки и криков пьяных посетителей в соседних комнатах, под громкий хрип измученных жизнью динамиков, выжимающих из себя последний хит корейской волны.

Чхве Шиван отвлеченно листал какой-то экономический журнал, найденный на прикроватной тумбе. Собачонка, больше похожая на игрушечную, шустро бегала по квартире и взволнованно лаяла, гоняясь за невидимой добычей. Гладкие стены лениво нежились в тусклом свете ночной лампы, а часы уже показывали «5:07».

Мужчина за всю ночь не смог сомкнуть глаз – неожиданно для него было прийти в квартиру и обнаружить в ней лишь маленькую лохматую крысу вместо своего подчиненного. На телефонные звонки тот не отвечал, поэтому Чхве решил подождать возвращения Цзытао. Похоже, за годы их отношений у мужчины выработалась зависимость от подопечного – как в личной жизни, так и на работе, а в его отсутствие Шиван места себе не находил.

А ведь начиналось все для Цзытао с притона, претендующего на звание «элитного заведения». В каком-то смысле это было правдой, ведь большинство клиентов были отнюдь не обычными работниками фабрик – без крупной суммы, утяжеляющей карман, или кредитной карты с неограниченным лимитом в клуб и соваться не стоило. Бизнес приносил беспрецедентную прибыль, даже при том, что приходилось отстегивать хорошие деньги полиции за невмешательство, и Чхве в то время не раз задумывался о выкупе или открытии второго заведения. Потом, поразмыслив еще какое-то время, мужчина решил, что лучше уж «Milky way» будет единственным в своем роде, поскольку предоставлял посетителям услуги, нераспространенные в других ночных клубах. К тому же, на новые тяготы с регистрацией и открытием у Шивана времени не было, как и доверенного лица, способного справиться с этими задачами за него.

Впервые увидев Цзытао, протирающего бокалы за барной стойкой, в голову мужчины сразу же пришла мысль, что тот напрасно тратит свое время на коктейли, в то время как мог бы получать плату в разы выше, используя свою внешность. Конечно, что-то подправить в его облике было необходимо, незначительно, потому как выглядел парень простовато, однако в руках профессионала он бы быстро преобразился. На предложение администратора зарабатывать больше китайский паренек с радостью согласился, однако вряд ли имел представление о том, что от него потребуется. Парень был студентом финансового факультета при Сеульском Национальном Университете и, как рассказывал, вынужден был сам оплачивать обучение. Этот факт и то, что Цзытао являлся иностранцем, обеспечивающим мать за границей, играл Чхве Шивану на руку – существовала ничтожная вероятность того, что китаец сможет найти вариант лучше, чем «Milky Way», находясь в Южной Корее, поэтому вряд ли покинул бы клуб. При любых обстоятельствах.

Из коридора раздался звук электронного замка, а белый щенок радостно залаял, пулей рванув к входной двери. Цзытао медленным шагом прошел в спальню, и Шиван почувствовал резкий запах, исходящий от парня.

- Где ты был? – мужчина подошел к ассистенту, помогая ему снять одежду.
- В баре.
- С кем? - Шиван недоверчиво взглянул в безэмоциональное лицо Цзытао, расстегивая пуговицы на его сорочке.
- С архитектором, который проектирует городской парк, обсуждали детали.
- Всю ночь?
- Нет. Он не рассчитал свои возможности и выпил слишком много – пришлось везти домой к жене, а она настояла, чтобы я остался на ночь.
- Ты с ним трахался?
- Нет... - Цзытао стянул с себя нижнее белье, - Я же сказал, что у него есть жена.
- С каких пор тебя это останавливает? – парень замер, подняв недоуменный взгляд на босса,
- Прости, прозвучало грубо. Я просто разозлился, не застав тебя дома.
- Мы просто коллеги, - спокойно заключил Хуан, ступив под холодные струи душа.
- В любом случае, - мужчина прошел с ним в ванную и, облокотившись на раковину, внимательно наблюдал за тем, как парень натирался гелем для душа, - Мне нужно сказать тебе кое-что важное. Моя дочь возвращается из Италии. Хесу хочет вас познакомить.
- Зачем? – Цзытао выглянул из душевой кабины, вытирая мыльную пену с лица.

- А что тут непонятного? Свести вас надумала. Я, честно говоря, тоже этого хотел бы.

- Простите, но не думаю, что получится – вы же знаете, что я гей.

- Это не имеет значения, Цзытао. Я не ищу большой и светлой любви для своих детей. Речь идет о бизнесе, коим, вне сомнения, и является брак. С амурными делами они сами разберутся.

- Не понимаю: какое отношение имею к этому я?

- Буду лаконичен: мне нужно, чтобы в будущем компания перешла к тебе, а не к Джунки. Как ни прискорбно, у моего сына нет таланта к бизнесу, а вместо того чтобы учиться, он зависал в ночных клубах, тратя деньги, которые тяжким трудом зарабатывали мы с тобой. Я не хочу, чтобы он все разрушил, дорвавшись до компании, и отдавать ее кому-то другому я тоже не намерен. Я хочу, чтобы мой бизнес оставался в собственности нашей семьи, но, увы, достойного приемника у меня нет. Кроме тебя, естественно. Но официально ты не являешься членом семьи, а брак с моей дочерью помог бы решить эту проблему.

- Ваш сын об этом знает? – после непродолжительной паузы Хуан глубоко вздохнул, вновь подставляя тело на растерзание бодрящим струям воды.

- Нет. Но если он не полный идиот, то понимает, что я не собираюсь завещать свой бизнес некомпетентному человеку. Не одевайся, когда закончишь, - Шиван покинул ванную, стягивая с себя пиджак.

Цзытао вышел к гендиректору обнаженным, как тот и велел. Кровать под его весом слегка прогнулась, и мужчина обхватил руками бедра парня, позволяя ему плавно насаживаться на свой член.

- Так ты встретишься с Джунгым? – мужчина, тяжело дыша, жадно высасывал воду из маленькой пластиковой бутылки.

- Разве у меня есть выбор? – Цзытао, достав из пачки сигарету, закурил.

- Он есть всегда. Просто за каждым решением грядут не всегда приятные последствия.

Солнечные лучи настойчиво побуждали открыть глаза, щекоча пушистые ресницы под невыносимо громкую трель будильника. Минсок недовольно промычал, вслепую пытаясь нащупать на сенсорном экране кнопку выключения. Комната пропиталась едким и отвратным духом, заставляя парня морщить нос. Он по привычке протянул руку в сторону, однако там она столкнулась с прохладной тканью. Он с большим усилием поднимал свои тяжелые веки, постепенно возвращаясь из царства сна в реальный мир. Вторая половина кровати была бережно застелена одеялом, а сверху на нем лежали сложенные вещи Минсока.

Все еще смутно ориентируясь, Ким вышел из спальни, потирая сонные глаза. Не сразу заметив на себе рабочий костюм, он попытался привычным жестом потянуть край ночной футболки, однако обнаружив, что все еще одет в рубашку с брюками, разочарованно взвыл.

На диване в гостиной мирно посапывала Юна, и было похоже, что она провела там всю ночь. До сих пор расплывчато понимая положение дел, Минсок принялся собираться на работу и, заручившись помощью таблеток, кое-как справляясь с жуткой головной болью и порывами излить душу белому другу.

- Дорогой, - сонно протянула Юна, пробудившись от громких звуков из ванной, - Опаздываешь?

- Да, немного...

- А где господин Хуан? – девушка терла глаза, заглядывая в спальню.

- Скорее всего, уже на работе, - не поняв сути вопроса, уверенно предположил Минсок.

- А-а-а, - Юна разочарованно вздохнула и принялась чистить зубы, устроившись у раковины рядом с мужем, - Я даже не слышала как он ушел...

- Он оставался у нас? – удивленно воскликнул парень.

- Ну да, принес твое бездыханное тело. Или ты думал, что сам до дома дополз?

- Я догадывался...

- Он выглядел не многим лучше тебя, поэтому я предложила твоему другу остаться.

Господин Хуан, конечно, сопротивлялся, но в итоге мне удалось уложить вас обоих в спальне.

Надеюсь, ты к нему не приставал? Я ведь сказала, что...

- Стоп, - Минсок выронил из рук бритвенный станок, сразу же принявшись его поднимать,

- Что ты сделала?

- Что? – недоуменно уставилась на него Юна.

- Он спал со мной?

- Да что такого-то?

- Юна... - Минсок сокрушенно тер рукой лоб, другой безмолвно жестикулируя, однако девушка затруднялась в толковании языка его тела.

- Ты можешь нормально объяснить: в чем проблема?

- Не уверен, что могу тебе это говорить, - по лицу Минсока можно было с уверенностью заявить, что в его голове шла война между двумя противниками, один из которых побуждал парня развязать язык, а другой пытался наоборот заткнуть ему рот.

- А почему это не можешь? Я жена твоя или человек с улицы? – Юна настойчиво сверлила колеблющегося мужа взглядом – не только Минсок умел оказывать психологическое давление на свою супругу.

- Похоже, ассистент Хуан – гей, - замерев, девушка растерянно смотрела в полные раскаяния глаза мужа, и на щеках ее выступил румянец, - И недавно признался, что я ему нравлюсь.

- Вот как, - Юна, пытаясь изображать равнодушие, принялась полоскать рот.

- Он сказал, что ничего не будет с этим делать, но, думаю, твоя выходка могла его как-то обидеть...

- Откуда мне было знать? Да и вообще, чем ты мог ему приглянуться? – между супругами повисла неловкая пауза, разбавляемая шумом льющейся воды из крана.

Закончив гигиенические процедуры, Юна оценила себя внимательным взглядом в зеркало, а прежде чем выйти из ванной, заключила:

- Я уверена: это все из-за твоего дурацкого хвостика.

- Юна!

- Как пить дать, Минсок! – и смеясь удалилась на кухню.

IX. Школа высшего пилотажа

События того дня часто снились Цзытао. Он помнил все настолько отчетливо, будто бы это произошло всего пару дней назад, хотя прошло уже шесть лет.

Трое молодых людей прошли в комнату с приглушенным светом, ведя за собой молодого китаецца, с нетерпением ожидавшего начала стажировки на новую должность. Парни были разных типажей, но все обладали исключительной харизмой, которая приковывала взгляд к их ясным лицам и крепким фигурам, обтянутым шелковыми рубашками. О главном принципе Цзытао знал с самого начала – улыбка, которая никогда не должна была сходиться с лица. Далее, работник клуба не имел права использовать фразы, начинающиеся с отрицательных частиц – в противном случае клиент чувствовал, что властен отказаться от предлагаемых благ, что для заведения было крайне невыгодно. Парни учили новичка стандартным выражениям, пока у того корейские лестные словечки не стали отскакивать от зубов. Правильное обслуживание также являлось немаловажным - к примеру, наливать вино сотрудник клуба должен был как официант в ресторане высшего класса: находясь справа от клиента, держа бутылку правой рукой, стараясь не закрывать этикетку, чтобы тот видел претенциозное название разливаемого напитка, а как только бокалы опустошались – заполнять их вновь. Часто посетители заставляли сотрудников пить за компанию, поэтому важным умением было не давать клиентам наливать в свой бокал напиток, наполняя его собственноручно, и делать вид, что выпиваешь наравне с ними, на деле не беря в рот и капли алкоголя. Конечно, иногда выпивать, все же, приходилось, тем не менее держать себя в руках сотрудник «Milky Way» был обязан во что бы то ни стало.

Осушив в процессе обучения два неполных бокала красного вина, Цзытао почувствовал легкое головокружение и слабость, заставившую его распластаться на кожаном сидении дивана. Тогда один из парней, самый высокий (кажется, его звали Джимин), подсел к нему ближе и принялся раздевать. Хуан был не в состоянии сопротивляться, поняв, что попал в ловушку того самого концентрированного коктейля, который еще прошлой ночью собственноручно смешивал для клиентов. Его язык будто бы распух – Цзытао не мог говорить, он лишь беспомощно мычал в попытках вымолвить хотя бы слово. Кореец уверенными движениями поглаживал его член, в то время как Тэхван и Ёнсоб, выложив на стол какие-то предметы из небольшого кейса, принесенного ранее, начали снимать свою одежду.

- Обычно, - свои действия Джимин сопровождал подробными объяснениями, - Волосы на лобке мы сбрасываем, но не всем клиентам это нравится. Оставлять их в натуральном виде тоже не стоит – лучше всего аккуратно стричь, оставляя половину длины. В конце второго коридора есть душевые – ты должен тщательно вымывать свое тело перед каждым посетителем, а также после них. Хотя мы и используем презервативы и смазку, ты также не должен забывать делать клизмы, хотя бы первое время. Позже ты приспособишься и сможешь обходиться без них, - парень развел в стороны податливые ноги Цзытао и пальцем надавил на маленькое колечко мышц, - Сегодня мы будем трахаться грубо, потому что клиенты, как правило, не щедры на нежности, но так как это твой первый раз, обещаю не скупиться на смазку.

Джимин взял со стола тюбик с прозрачным гелем и, смазав им пальцы, ввел сразу два в напряженный анус парня.

- Лучше расслабься, - он проталкивал их глубже, вызывая в теле Цзытао резкую боль, - Мы не остановимся от твоих воплей.

Ёнсоб встал коленями на кожаную обивку, рукой направляя голову безвольного юноши:

- Первое, что ты должен уметь, - старший надавил пальцем на подбородок китайца, раздвигая его мокрые от слюны губы и прижимая к ним свой член, - Это сосать, словно сама Афродита. Представь, что это самое, блять, вкусное мороженое в твоей жизни! Главное – не пускай в ход зубы. Потому что если поранишь клиента – останешься без них.

Цзытао ничего не оставалось, кроме как сквозь выступавшие слезы терпеть боль и быть ведомым: он послушно обхватывал губами возбужденную плоть, глубоко входящую в его горло, прогибался от резких проникновений Джимина и грубых рук Тэхвана, крепко сжимающих его тело, чтобы придушить остатки слабой воли.

В его памяти навсегда запечатлелись ощущения, когда тело будто бы разрывало на части, когда трое мужчин исступленно толкались в него, не давая и возможности набрать воздуха. Для Цзытао часы в той комнате превратились в мраморную статую – огромную, возведенную на внушительном постаменте, поставленную на видном месте, возвышающуюся над самым центром мегаполиса его воспоминаний, а на табличке изящным шрифтом были выгравированы заключительные слова Джимина:

«Помни: это лучшее, что с тобой когда-либо происходило. Теперь у тебя есть опыт. Да, здесь платят большие бабки, но даже если ты не против втапывать в грязь собственное достоинство за деньги, от тебя всегда будут требовать большего. Клиенты платят за осуществление их капризов, и, уж поверь, лучше быть готовым услышать, что они хотят вывернуть тебя наизнанку».

Цзытао лежал на кожаных сидениях, голый и потный, обессиленно наблюдая за размытыми силуэтами в темном помещении. Тело парня все еще не было ему подвластно – оно будто бы существовало отдельно, где-то там, вне зоны действия сигналов его мозга, однако импульсы, отправляемые нервными клетками обратно, Цзытао чувствовал с лихвой, и они отдавались тянущей болью, заставляя глаза непроизвольно слезиться. Голову, казалось, поднять с дивана было чем-то невозможным, а руки и ноги быстро замерзали, находясь в бездействии.

Дверь в комнату открылась, пролив внутрь луч яркого света из коридора, и в нее вошел человек в строгом деловом костюме. Он о чем-то коротко переговорил с Джимином и остальными, а затем парни вышли в коридор, щелкнув дверным замком снаружи. Мужчина медленным шагом приблизился к Цзытао и, сняв с себя пиджак, накрыл им прозябшего парня.

- Ты, по крайней мере, должен был догадываться, что здесь мы не просто разливаем напитки, - твердое сидение слегка прогнулось под большим весом мужчины, севшем у ног Цзытао, - Встречаешься с кем-то?

- Н-нет... - в ответ парень тихо прохрипел, ослабленными руками поправляя на себе чужой пиджак.

- Хорошо – тем меньше проблем. Завтра можешь отлежаться дома, а в четверг приходи, парни будут ждать тебя к семи вечера. Окей?

Вместо ответа Цзытао лишь шмыгнул носом, безуспешно цепляя пальцами сползающий на пол пиджак. Мужчина наклонился ближе, не давая ему упасть, и в его нечетком облике Хуан смог разглядеть администратора клуба, господина Джереми. Человек, впервые услышав это имя, залился бы смехом при взгляде на низкорослого азиатского мужчину тридцати девяти лет. Но не было ничего удивительного в странно звучащих иностранных именах в „Milky Way”, так как все они были вымышленными. Как, впрочем, и корейские – все они являлись прозвищами, принадлежавшими их хозяевам только в стенах клуба и проводившими строгую черту между работой и их реальной жизнью.

- Эй, чего нюни распустил? – Джереми увидел прозрачные капли, стекающие по щекам юноши, - Взрослый уже. Я в молодые годы некоторое время жил в Москве, и знаешь, что говорят? «Москва слезам не верит». Сеул тоже не станет мягче от чьих-то соплей, а, поверь, здесь их льют немало. Даже если сейчас ты так не думаешь, нам всем несказанно повезло попасть именно в „Milky Way”. Есть места гораздо хуже этого, и ты должен благодарить бога, что не гниешь в одном из них. Ты еще можешь отказаться и вернуться на прежнее место, а, может, и вообще уйти. Мы не звери ведь, никого не принуждаем. Но как только начнешь работать на должности хоста – назад пути не будет. Ты совершенно точно не найдешь заработка лучше, чем здесь. Подумай: возможно, секс за деньги – не такая уж высокая плата за хорошую жизнь. Некоторые отказываются от собственных семей... Прими душ – и ступай домой, - мужчина легко похлопал Цзытао по бедру и, громко выдохнув, поднял свое грузное тело и вскоре скрылся за дверью.

Как и говорил Джереми, Цзытао знал, что за закрытыми дверями отдельных комнат работники клуба занимались проституцией. Даже самый наивный простак мог бы понять, что только на элитной выпивке и невинном эскорте не зарабатывают в подобных местах. Он плакал не из-за страха распрощаться с девственностью подобным образом и не из-за того, что боялся боли. Для Цзытао было неопишимо страшно потерять контроль над своим телом, оказаться заключенным будто в коконе. Часто говорят, что когда человек находится в критическом состоянии на операционном столе, его душа, покидая прежнюю оболочку, наблюдает за всем со стороны, и парень опасался того, что может уже никогда не стать прежним, так и не обретя свое тело.

Что же касалось платы за хорошую жизнь, то он был полностью согласен с утверждением администратора и считал, что нет ничего дороже счастья его матери, поэтому, если проституция могла помочь Цзытао обеспечивать ей беззаботную жизнь, он не имел права воротить нос от этой возможности. Тем более, других предложений у него и не было. Как ни посмотри, работа в „Milky Way” являлась наилучшим вариантом, по крайней мере до тех пор, пока Цзытао не окончит учебу в университете.

Как только эффект от коктейля начал выветриваться, Цзытао смог подняться и начал собирать со стола свою помятую одежду – его все еще шатало из стороны в сторону, но падая, парень вновь становился на ноги и продолжал одеваться. По мере того как тело возвращалось во власть Цзытао, усиливалась тупая боль, сковывая его движения. В тусклом свете настенных ламп Цзытао рассмотрел немаленькие синяки на руках и ногах – что ж, главное, что на лице не осталось отметин. Цзытао вяло прошел к двери и потянул тяжелую ручку на себя. Перед ним открылся знакомый коридор, но почему-то в его глазах выглядел уже совершенно по-другому.

Через день, как и было велено, Хуан вновь открыл двери клуба и приступил к исполнению новых обязанностей под выбранным псевдонимом – Тао.

В перерывах между клиентами, во время встреч и на выходных Джимин обучал его тонкостям работы. Как факт, „Milky Way” не был низкосортным борделем: элегантный интерьер, на вид дорогие отделочные материалы и мебель, безусловно подобранный персонал, состоящий из привлекательных молодых людей, превосходно обученных тонкостям обслуживания, ассортимент напитков и блюд, предлагаемых заведением – все это создавало ощущение помпезности и высококлассного сервиса, присущего разве что местам наподобие „Four Seasons” в Нью-Йорке. Не все посетители приходили ради интимных услуг, предоставляемых клубом, однако, безусловно, они пользовались наивысшим спросом и составляли большую часть прибыли. Парни, девушки – клубу было что предложить клиентам с любыми предпочтениями.

Со временем Цзытао узнавал все больше тайн заведения и понимал, что все в „Milky Way” было продумано до самых мелочей. К примеру, внутри комнат даже обивка мебели была подобрана неспроста: стены, полы, диваны – все они были покрыты материалами, легко очищающимися даже простой водой, поэтому соусы, вино, кровь, в частности сперма – все это быстро и без усилий стиралось из истории клуба после каждого заказа. Зеркала на потолке также не являлись обычным дизайнерским решением расширения пространства – благодаря им работники клуба могли наблюдать за противоположными концами комнаты и оповещать охрану, если вдруг что-то выходило из-под контроля. Ко всему прочему зеркала помогали сотрудникам совершенствовать свои навыки: движения и мимику во время секса – не достаточно было просто подставить посетителю свой зад и ждать, пока он кончит.

Существовало что-то вроде искусства обольщения, целью которого было обеспечить клиенту наиболее приятное времяпровождение, чтобы в следующий раз он и не думал свернуть в какой-нибудь „Ingrid” на соседней улице, кишущий заразой, с дешевыми безэмоциональными шлюхами, по качеству обслуживания сравнимыми разве что с дубовыми бревнами.

Бесспорно: несмотря на то, что претенциозность и элитный класс являлись тонко созданной и искусно поддерживаемой иллюзией, „Milky Way”, все же, не был обычным борделем.

Возможно, во всей Южной Корее не нашлось бы места, подобного ему.

Хозяина „Milky Way” не знал в лицо ни один из его сотрудников: у того человека не было собственного кабинета, он ни разу не появлялся, чтобы проверить состояние дел. Имя тоже нигде не фигурировало. Единственным, кто знал босса и служил его гласом, был администратор Джереми, управляющий клубом. Поговаривали, что хозяин являлся уважаемым бизнесменом, праведником, кто-то даже утверждал, что политиком, поэтому ему нельзя было светиться, да и вообще, иметь какое-либо отношение к подобным местам. Тем не менее, по словам Джереми, хозяин был осведомлен обо всем, что происходило в клубе, не хуже, чем он сам.

Примерно через семь дней на новой должности Цзытао обзавелся постоянным клиентом – им был мужчина около сорока пяти лет (точно сказать было сложно), посещавший клуб еще задолго до того, как туда пришел Хуан. По всей видимости он являлся VIP-персоной, поскольку

сам Джереми бегал вокруг него, словно собачонка, подавал только оригинальный алкоголь, а также лишь самых опытных девушек и парней. Клиент часто приходил в компании подобных ему мужчин – в большинстве своем немолодых, одетых в дорогие костюмы и с крайне серьезными лицами. Лишь в „Milky Way” их каменные физиономии могли сменить довольные улыбки. Спустя неделю работы Цзытао вызвали к VIP-гостю – тот пришел один и, проведя в комнате несколько часов, наконец изъявил желание сделать заказ. Ко всеобщему удивлению он отдал предпочтение новичку и, хоть Джереми убеждал его в том, что парень еще неопытен, настоял на уверенности в своем выборе. Коллеги Цзытао пришли к выводу, что гостем руководил интерес к свежей крови.

От волнения Цзытао трясло, однако парень не колеблясь открыл дверь в комнату, где его ждал клиент. Мужчина сидел, откинувшись на спинку дивана, и неспешно потягивал виски, наблюдая за приближавшимся к нему юноше. Он жестом велел Цзытао встать напротив, оставив стакан на стол. Парень послушно последовал к указанному месту и хотел опуститься на колени, однако мужчина остановил его. Клиент, бросив оценивающий взгляд на Цзытао, поднялся и, шагнув к парню, оказался в нескольких сантиметрах от него – они были практически одного роста, и мужчина заметил маленькие капельки пота на гладком лбу.

- Не нервничай – я ничем не отличаюсь от других посетителей, - елевым голосом произнес он.

Гость принялся расстегивать пуговицы на рубашке Цзытао, затем, отбросив ее в сторону, занялся брюками. Хуан понял, что не должен самовольничать, позволяя клиенту самому писать сценарий вечера. Мужчина, полностью раздев парня, легко коснулся пальцами его ключиц, медленно спустился к соскам, затем его рука скользнула к пояснице. Прижав к себе юношу вплотную, он провел языком по его горячей коже, и Цзытао громко выдохнул, подставляя шею для ласк. Мужчина жадно целовал его податливое тело, а Хуан изгибался от касаний влажных губ и иногда из его груди вырывались едва слышные стоны. Парень вздрогнул, когда его спина коснулась холодной обивки дивана, и он непроизвольно вцепился в тонкую ткань сорочки пальцами.

Тогда мужчина отстранился, чтобы избавиться от одежды и, взяв со стола презерватив, на мгновение замер: китаец по прозвищу Тао лежал перед ним громко дыша, в совершенно естественной позе, не скрывая наготы своего смуглого тела; его глаза были полуоткрыты, и из-под черных ресниц он вожделенно смотрел на клиента, в ожидании дальнейших действий. Его губы блестели от слюны, а член стоял, словно Александрийский столп – безусловно, юноша обладал гораздо более чувственной натурой, чем натасканные шлюхи заведения, которых под званием «Лучшие» Джереми каждый раз подсовывал мужчине и для которых секс за долгое время работы превратился в нечто настолько обыденное, что во время минета они могли параллельно читать какой-нибудь журнал. Все они следовали четким профессиональным схемам, раз за разом повторяющимися, поэтому от них мужчина уже давно устал.

Однако просто смотреть на этого юношу было чем-то волнующим, особенно вживую, а не на экране монитора. О моменте их встречи мужчина не мог перестать думать с тех пор как стал свидетелем стажировки Тао под руководством Джимины и других ребят, наблюдав за происходящим из мониторной. О скрытых камерах в комнатах знали лишь они с Джереми и немой охранник, поэтому ни один из сотрудников не догадывался, что каждое их действие

записывалось. Затем мужчина пересматривал все видео из клуба, на которых фигурировал китаец. Он был с мужчинами, никогда с женщинами, и всякий раз от парня невозможно было оторвать взгляд: он приковывал внимание своей экспрессией, такой яркой и свежей, чувственными движениями и поистине сладкими стонами, от которых член наблюдающего твердел почти моментально. Даже при виде беззащитного и, на первый взгляд, разбитого Тао, отходящего после волшебного коктейля, что-то внутри у мужчины сжималось, вызывая трепет.

Парень многому научился у своих старших товарищей и явно вкладывал весь присущий ему энтузиазм в работу – неудивительно, что не только Чхве это нравилось.

Мужчина ритмично двигал бедрами, заставляя Цзытао выгибаться под ним дугой. По мере того, как усиливались толчки, становились громче и страстные юношеские стоны, а пальцы парня все более цепко впивались в широкую спину Чхве. Он кончил раньше мужчины, обмякнув в его руках, но не разомкнул своих объятий. После того как старший с громким ревом сделал финальный толчок, он небрежно стянул заполненный презерватив и обессилено навалился всем весом на парня, горячо дыша ему в ухо.

Они лежали так еще долго, прежде чем Чхве встал и, налив виски в пустой стакан, сделал глоток. Цзытао пребывал в смятении, так как его клиент не говорил ему ни слова – одевшись, парень не знал куда себя деть: стоило ли ему не нарушать обет молчания, царящий в комнате, и безмолвно выйти или же остаться, ожидая дальнейших указаний? А, может, было бы лучше самому начать разговор? Но в голове Хуана все никак не генерировались подходящие слова, поэтому он молча стоял рядом с посетителем, наблюдая за виски, который тот стремительно заливал в горло. Спустя какое-то время мужчина, все-таки, заговорил первым:

- Ты ведь недавно здесь?

- Да, господин, - смиренно опустив глаза, тихо ответил парень.

- Я уже говорил, что ничем не отличаюсь от остальных твоих клиентов, почему ты так напряжен? Присядь и выпей со мной... Тао.

С того вечера VIP-клиент вызывал только Хуана, и лишь иногда, когда приводил с собой каких-то потенциальных партнеров, просил Джереми подбирать девушек и парней им по вкусу. Цзытао было позволено называть его господином Чхве, а самому получить статус постоянного эскорта, в то время как остальные работники клуба навсегда померкли в глазах особого посетителя. К счастью, китайский паренек Тао был хорош не только в сексе, но и в обслуживании – быстро учился и совершенствовался, крайне редко допускал ошибки, но в подобных случаях быстро находил решения. Для босса в любой отрасли такой сотрудник являлся золотым кладом. Со временем, когда от неловкости между ними не осталось и следа, мужчина мог разговаривать с Тао словно с близким приятелем – о разных вещах, однако ни слова о жизни вне „Milky Way”.

На новый уровень их отношения перешли в один из дней, когда Чхве проверял отчетность клуба, как обычно используя для этого комнату в „Milky Way”. Тогда, среди более весомых цифр затерялись и акты закупок бара, и именно на них пал взгляд Тао, который, ни о чем не подозревая, расставлял перед клиентом заказанные им блюда.

- Вы владеете рестораном?

- Да, что-то вроде того... - мужчина сосредоточенно водил ручкой по ячейкам таблиц.

- Судя по заказам, он огромный...

- Да нет, вполне себе небольшой.

- Сколько посадочных мест?

- Пятьдесят. Около того. Кухней и баром занимается мой заместитель, я не особо хорошо разбираюсь в гастрономических делах.

- Вы уверены, что здесь все правильно? – Цзытао взял в руки акты, настороженно всматриваясь в цифры.

- А в чем дело?

- Столько вина не выпивают посетители на пятьдесят мест, даже если меняются в течение дня каждый час, черный трюфель также не настолько популярен, чтобы каждый месяц заказывать по килограмму. Просто нонсенс. Это – закупки на зал, как минимум вдвое больший, чем у вас, для ресторана, работающего круглосуточно, - парень взволнованно листал бумаги, - Тем более, здесь цены даже не оптовые, а розничные, завышенные в полтора раза. Наш клуб работает с этими же поставщиками, и когда я был барменом, составлял списки закупок для них – цены здесь указаны совершенно другие.

- Хочешь сказать, кто-то крадет мои деньги?

- Лопатой гребет, господин Чхве, - парень насупил брови, и на его лице появилась гримаса возмущения.

- Кто, помимо Джереми, имеет доступ к документации кухни и бара? - мужчина вырвал из рук Тао документы, нервно изучая данные на них, - Между начальником смены и администратором есть посредники?

- Нет... - Цзытао ошарашено смотрел на сосредоточенное лицо Чхве, потому что вмиг многочисленные шестеренки в его мозгу зашевелились, выдав невероятное осознание того, что документы, лежавшие на столе, были связаны с „Milky Way”, а так как человек с улицы не мог иметь к ним доступа, и до сих пор личность хозяина клуба была неизвестной, все эти маленькие кусочки пазла складывали четкую картину, - Простите за вопрос, но... Это ведь наша отчетность?

- Да, - коротко ответил Чхве.

- Тогда, получается... - Цзытао вопросительно смотрел в глаза мужчины.

- Я бы попросил тебя держать это в тайне, - тот тяжело вздохнул и раздосадовано бросил бумаги на кофейный столик, - Тем более, в данной ситуации, черт возьми...

Цзытао вмиг вскочил с дивана, сгибаясь напополам в поклоне перед боссом, которого, как гласила легенда, никто и никогда не видел, однако тот скрывался на самом видном месте, у всех под носом.

- Не выпендривайся, сейчас не время. Сядь, - мужчина потянул Тао за рукав, и тот свалился обратно на красные сидения, - Сможешь достать реальные цифры?

- Разве что, после очередной закупки – не думаю, что оригиналы этих сохранились, - парень поправил на себе черную атласную сорочку, неудобно обтягивающую его грудь.

- Откуда мне знать, что ты к этому не причастен? – Цзытао уставился на босса, растеряно хлопая ресницами, - Ладно. Я свяжусь с поставщиками, а ты постарайся раздобыть для меня оригинальные акты. Если все, что ты сказал, окажется правдой, Тао, и ты сможешь держать свой язык за зубами, пока я с этим не разберусь – моя благодарность не будет знать границ.

Через некоторое время воров все-таки вывели на чистую воду. Как и предполагалось, в

махинациях был замешан администратор, а вместе с ним еще и начальник одной из смен.

Трудно было сказать, с какого времени они начали подсовывать фальшивые отчеты, но за последние два месяца они оба неплохо нажились на доверии Чхве к Джереми. Виновники были отправлены за решетку, благодаря крепким связям хозяина с полицией. Как и обещал, владелец клуба щедро вознаградил Тао, но вместе с круглой суммой, подаренной ему в благодарность, Чхве Шиван возложил на него и новые обязанности, сделав ответственным за документацию бара.

Х. Что-то должно измениться

Трудовые будни окрасились яркими цветами, предвкушая новые встречи за стаканом рома в баре „Gold”. Радость от работы отходила на задний план, а вот ассистент Хуан окончательно завладел мыслями Минсока, затмевая даже приближавшееся рождение сына. Парень уже давно констатировал, что коллега играл слишком важную роль в его жизни: сперва феерично дебютировав при их знакомстве, заставив Минсока волноваться при каждой последующей встрече, далее превратившись в – громко будет сказано – жертву шантажа, затем преобразившись в спасителя, эдакого принца на белом коне из девчачьих сказок, и в конце концов за один вечер эволюционировав в закадычного приятеля, испытывающего к Киму явно не дружескую симпатию.

На самом деле, Минсок не был уверен насчет описания финальной стадии развития их отношений, но, тем не менее, в одном Ким не сомневался: до конца дней он будет не просто благодарен, нет – обязан Хуан Цзытао, ведь не всякий готов так легко расстаться с сотней миллионов вон ради едва знакомого человека, при этом фактически не требуя ничего взамен. Несмотря на это, Минсок чувствовал, что должен как-то отплатить Цзытао за проявленную щедрость.

Существовала еще одна мысль, крепко засевшая в голове Ким Минсока: внимание со стороны ассистента Хуана льстило ему и, чего таить, повышало самооценку. Самому себе признаться в этом было довольно несложно, а вот сообщить жене – стыдно, учитывая, что та и без того подкалывала архитектора. Иногда Киму казалось, что он медленно, но верно перевоплощался в женщину – не внешне, лишь ментально. Не так уж давно он читал о синдроме кувад, однако в нем описывались перенимаемые от жен симптомы беременности, а не характер в целом. И говоря о женском характере, Минсок прежде всего подразумевал влечение к мужчинам, которого он не должен был бы испытывать в нормальном состоянии.

Говоря еще честнее, не к мужчинам в целом, а только к ассистенту Хуану. Казалось бы, симпатия эта была взаимной, однако между ним и молодым китайцем воздымалась незримая стена, которую непосильно было преодолеть. В её фундаменте лежал никто иной как Чхве Шиван. Минсок никогда не обсуждал с Цзытао его отношения с гендиректором, а сам Хуан в корне опровергнул всякие связи, кроме рабочей. Однако Минсок был уверен... нет, он знал, что прав в своих утверждениях. Вся его смелость улетучивалась, когда Ким пытался вновь поднять эту тему. Какой вопрос он должен задать? И каким будет ответ? Может, Минсоку вообще не стоило его знать? Ким поднял свой взгляд: над гендиректором, чуть выше по стене, располагались родители Минсока, которые сочли бы его неправильным, узнав, что их сын увлекся мужчиной, и ни за что бы этого не приняли, а на вершине возвышалась Юна и ребенок, который вот-вот должен был появиться на свет. Минсок понимал: чем выше будет становиться эта стена, тем стремительнее будет расти и желание ее разрушить, пробить хотя бы дыру размером с футбольный мяч, чтобы дотянуться до руки Хуана и крепко сжать его ладонь.

Если углубляться в прошлое, Минсок никогда прежде не задумывался о том, что ему нравится. Начиная с самых ранних лет он всегда находился под опекой матери, отец почти все время пропадал на работе, а свободные дни просиживал на диване, доверяя воспитание сына жене. Мать Минсока всегда руководила его действиями и мировоззрением, не давая времени на

размышления о собственных желаниях, стремлениях и вкусах. Он пошел в школу и хорошо учился, потому что так было правильно, посещал художественные курсы, потому что госпожа Ким решила, что у его детских этюдов есть будущее, начал встречаться с девочками, потому что в его возрасте это было нормально, закончил университет, потому что так было нужно, чтобы в будущем найти перспективную работу, начал отношения с Юной, потому что она была хорошей партией, а позже они поженились, потому что настало время.

Минсок в течение всей жизни находился под давлением условностей, навязанных госпожой Ким, а единственным собственным принятым решением был выбор специальности ландшафтного архитектора из короткого списка, предоставленного, опять же, его матерью.

Тогда, вполне возможно, тот Ким Минсок, которым он привык быть все эти годы, не являлся им настоящим? Жалкий кусок бесформенного пластилина.

Тогда, быть может, не поздно еще все изменить.

«И что ты собираешься менять? - звучал в его голове язвительный голос Юны, - Уйдешь с работы, бросишь беременную жену и подашься заново «лепиться», пластилин ты хренов? Убежишь в красный закат, выучишься на какого-нибудь экономиста и подашься работать кассиром в круглосуточный магазин? А параллельно будешь изучать тонкости гомосексуальных отношений, поскольку, судя по всему, ты решил, что и ориентацию тебе навязала мамочка? А если это просто временное помутнение? Вдруг тебя ввело в заблуждение признание ассистента Хуана, и ты попал под влияние его харизмы? Что же, собираешься вернуться, как только поймешь, что просроченный товар на грязных полках и анальный секс – не для тебя?».

Конечно же, Юна никогда бы такого не сказала, но голос совести Минсока (совести ли?) принадлежал именно ей, и он настойчиво продолжал впиваться своими острыми коготками в мысли Кима.

«И вообще, почему ты уверен, что Хуан не хочет просто затащить тебя в койку на одну ночь? Может, ты для него как трофей – чем тяжелее получить, тем слаще радость победы, а на пути к тебе просто уйма преград, что делают его практически непроходимым! Может, все ваши душещипательные разговоры – его тщательно продуманный план, в котором Хуан заготовил каждый шаг, закидывал крючок с наживкой, а ты раз за разом ее послушно проглатывал? И в действительности Хуан Цзытао уютно устроился в постели с боссом, ведь не зря ассистент гендиректора занимает свою должность в компании. Так зачем ему ты? Идиот, ты действительно собираешься отказаться от семьи и стабильности ради... этого?».

Знакомый голос звучал грубо, его сардонические интонации будто бы резали Минсока, медленно проводя остро заточенными лезвиями, всаживая их глубоко, по самые кости. С другой стороны, он понимал, что "Юна" в его голове была абсолютно права, пытаясь вернуть Кима из мира радужных грез в реальный. Возможно, все это и было игрой, лишь иллюзией, а Минсок в очередной раз доказывал, что из него, бесформенной массы, любые руки могли слепить фигуру себе по вкусу.

«Ну и пусть, - уверенно ответил Минсок на собственные терзания, - Даже если меня держат за дурака, и я буду неправ, продолжив общение с ассистентом Хуаном, это будет моим решением и моей ошибкой – я смогу за них ответить. Я не брошу Юну и нашего сына».

«И, все же, ты уже стар для таких радикальных изменений...».

Новый рабочий день начался для Цзытао как нельзя скверно: он практически не смог поспать, проведя в легком дреме всего около трех часов, и даже несмотря на то, что пить Хуан умел, все утро его мутило – не существенно, но это препятствовало нормальному следованию распорядку дня. Но отнюдь не только плохое самочувствие делало тот день отвратительным. В последние месяцы Цзытао стал замечать нестыковки в финансовых и других отчетах с производства, также поступали жалобы от заказчиков на продукцию по уходу за садом, предоставляемую „Тор Green” – те, кто покупал ее давно, жаловались на снижение качества, а новоиспеченные клиенты уверяли, что это самое качество не соответствует заявленному, как и высокой цене. Эти сведения не доходили до гендиректора около полугода, и только месяц назад Цзытао принял прямой звонок с жалобой от японского клиента.

Это уже не было похоже на один из розыгрышей сотрудников – самый глупый работник компании мог бы понять, что репутацией „Тор Green” нельзя пренебрегать ради простой забавы. Не трудно было догадаться, что кто-то начал закупать дешевое сырье и сокращать расходы на производство, при этом не меняя цены продукции, а бережно сэкономленные деньги клал в свой карман. Утром парню пришло сообщение от начальника службы безопасности, в котором говорилось, что нашлась вероятная причина всего этого, и тогда догадки Цзытао подтвердились. Это, в свою очередь, значило, что проблема заключалась не только в крысах на производстве, но и в работе офиса.

Цзытао решил не говорить ничего гендиректору Чхве, пока не раздобудет точную информацию и доказательства преступления. Похоже, история вновь повторялась. Теперь проблемы настигли не скромный клуб в несколько комнат, а огромную фирму, в которой и без того у Цзытао не было союзников, не говоря уже о людях, которые могли бы помочь ему разобраться с махинациями преступников. Трехдневные поиски решения возникшей проблемы пошли насмарку, раздражая ассистента своей безуспешностью. Видимо, самостоятельно он, все же, не сможет разобраться с таким крупным делом.

Цзытао достал из полупустой аптечки какие-то таблетки со стершейся надписью, предположительно от боли в желудке, и, запив водой, проглотил горькие зеленые драже, которые ощутимо чувствовались внутри до тех пор, пока не добрались к месту назначения. Заваленный работой и выполнением дополнительных обязанностей, Цзытао перебивался кимбапом и сендвичами с кофе, не прерываясь на обеденный перерыв в фирменной столовой (вполне приличной, к слову сказать). Иногда и вовсе забывал поесть, а по вечерам возвращался слишком уставшим, чтобы ужинать.

Приближалась и судьбоносная встреча с Джунгым, дочерью гендиректора, с которой ему предстояло заключить брак. Цзытао понимал, что ему не предоставили выбора ни в личной жизни, ни в карьере, и что с момента, когда на бумагах появится его подпись, каждая последующая минута жизни Хуан Цзытао перестанет принадлежать ему; что любой другой на месте Цзытао сопротивлялся бы, отстаивал свои права и желания, однако молодой китаец уже давно привык верить себя в чужие руки. Что ж, это даже можно было бы назвать наименьшим

из зол, поскольку брак вызывал у Цзытао лишь незначительный стресс. В отличие от частого составления компании господину Чхве за стаканом виски, рома перед непродолжительным сном – алкоголь чудесно отыграл свою партию в его самочувствии, окончательно убедив Цзытао в том, что он не железный человек, которому все нипочем.

- Да, слушаю, - голос в трубке звучал мягко и успокаивающе.

- Здравствуйте, я не помешаю? - Цзытао все не мог отыскать в памяти клочок времени – момент, когда они с архитектором Кимом обменялись номерами.

- Нет-нет, все в порядке, - заверил Минсок, пытаясь скрыть легкую дрожь в голосе.

- Как продвигаются дела в парке?

- Все идет по плану.

- Хорошо.

В трубке повисло непринужденное молчание. Шум прерывистого ветра настойчиво прорывался к динамику, а по другую сторону раздавалось негромкое дыхание, не изменяющее своему ритму.

- Вы не против сегодня выпить? – Цзытао вновь заговорил первым.

- Да, конечно.

- Во сколько вы заканчиваете?

- Как обычно, около шести.

- Хорошо, тогда буду ждать вас там же, где и в прошлый раз. Согласны?

- Да, конечно.

- Тогда до встречи, Минсок.

- До встречи... ассистент Хуан.

XI. Всего лишь человек

Около семи вечера двери бара вновь распахнулись перед Кимом. В помещении с приглушенным светом Минсок рассмотрел знакомый силуэт – его ровная словно натянутая струна спина выделялась среди сторбленных фигур за барной стойкой. Ассистент Хуан перекинулся парой слов с барменом, а затем залпом опустошил содержимое своего стакана.

Однако не успел Минсок приблизиться и на два метра к нему, как Хуан внезапно рухнул на барную стойку, будто бы машина, которой щелчком кнопки отключили питание. От неожиданности бармен ахнул, едва удержав в руках мокрый бокал. Парень испуганно подбежал к Цзытао и потянулся к нему рукой через столешницу. Стакан, который Хуан сжимал в руке, издав непротяжный звон, разбился о напольную плитку, и его осколки слегка задели лаковые туфли сидящей рядом посетительницы – на вид ей было около сорока, дорогое леопардовое платье чрезмерно обтягивало искусственную грудь, норовившую вытиснуться из декольте, а на безымянном пальце блестел огромный бриллиант в золотой оправе, подчеркивая вызывающий видок дамы. Она недовольно хмыкнула, одернув ногу:

- Свинья, - картинно, оттопырив мизинец, женщина отпила шампанского из своего бокала, - Если собирался нажраться – шел бы в уличную забегаловку, нечего соваться в приличные места.

- Да он выпил всего один стакан, - бармен обеспокоенно тряс клиента за плечо, пытаясь пробудить.

Минсок ускорил свой шаг, и когда его лицо попало под свет ламп стойки, работник бара узнал его, оживленно заметив:

- О, вы же в прошлый раз были вместе!

- Д-да... - Минсок замялся, растерянно кладя руку на плечо Хуана, - Что произошло?

- Парень где-то час сидел, смотрел бумаги. Я заметил, что он иногда кривился, будто бы от боли, а сейчас выпил всего один...

- Надо вызвать скорую! - Ким судорожно рылся в кармане, пытаясь ухватиться за свой смартфон.

- Простите, но не могли бы вы его сами по-тихому увезти? - парень за баром виновато поджал губы и склонил голову, - Скорая распугает всех клиентов, нельзя, чтобы они чувствовали себя некомфортно. Я вызову для вас такси.

Минсок крепко сжал зубы, преодолевая желание как можно сильнее ударить бармена, даже понимая, что тот ни в чем не виноват и наоборот пытался помочь, а заодно Ким был бы рад врезать даме, которая то и делала, что с надменным видом закатывала глаза на соседнем стуле и фыркала. Вспомнив, что его удар уступил бы даже кулаку Юоны и взяв себя в руки, Ким сквозь зубы процедил:

- Не будь меня здесь, его бы выкинули на улицу, чтобы не портил другим настроение? – Минсок стащил со стула ассистента Хуана, закидывая его руку себе на плечо, - Я только что видел у входа свободное такси.

Бармен бросился на помощь Минсоку, которому в одиночку явно было не справиться с транспортировкой ассистента Хуана, о чем говорили его тщетные попытки сделать хотя бы несколько шагов с парнем на спине.

По дороге в больницу, сидя в тихом салоне автомобиля, Минсок опасливо поверял лежащего у него на коленях Цзытао: вслушивался в его дыхание, наблюдал за тем, как вздымалась грудь. Ким не отрывал взгляда от его губ, бледных и сухих, источающих едва уловимый запах алкоголя – в голове Минсока поселился страх, что он больше никогда не увидит, как они размыкаются, выпуская очередную струйку дыма, как шевелятся и меняют свою форму за обсуждением чертежей; что уже слишком поздно ломать стены, потому как эти бледные губы больше не смогут вновь ошарашить Минсока поцелуем, оставляющим за собой горький вкус табака.

Просидев в приемной - как казалось Минсоку - целую вечность и заполнив все необходимые бланки, он, все-таки, дождался доктора, принявшего Хуана – Сон Сонмо, как тот сам представился. К счастью архитектора, в кожаном дипломате Цзытао нашлись все необходимые документы, включая номер страховки, благодаря которому молодого ассистента поместили в отдельную палату. Минсок редко бывал в больницах, все визиты к врачам пришлись преимущественно на детское время, а будучи взрослым мужчиной Минсок уже и не помнил, когда в последний раз появлялся хотя бы на проверке состояния здоровья, да даже с Юной ему не приходилось посещать докторов – посему парень чувствовал себя потерянно в белых стенах прямых коридоров и приемной с кучей разных очередей, упорядоченных по непонятным ему критериям.

Доктор с доброжелательной (или правильнее сказать «вежливо натянутой») улыбкой проводил Минсока к палате, пролетев десятки одинаковых дверей быстрым шагом, за которым Минсок с трудом успевал. Мужчина лет сорока с первой сединой на висках и сам тяжело дышал, поэтому следовал целый путь до палаты молча. Только когда они с Минсоком оказались внутри маленькой комнаты, в которой на белых простынях лежал Цзытао, обмотанный различными трубочками, мужчина заговорил:

- На рецепции вы сказали, что работаете вместе с пациентом. А могу ли я поговорить с его семьей? Кто-то уже приехал?

- Н-нет, у него никого нет, - Ким запнулся, царапая отросшими ногтями кожаный дипломат.

- Уверены? Совсем никого? - доктор недоверчиво поднял взгляд на Минсока, поправляя на переносице очки в тонкой оправе.

- Я уверен, - на какое-то мгновение Минсок подумал о гендиректоре Чхве, которому необходимо было доложить о случившемся, однако какая-то шестеренка в его голове саботировала, и собственническая натура Минсока одолела чувство справедливости (или чего-то там), заставив его так же скороспешно выбросить Чхве из своей головы, - Никого. Я буду его опекуном.

- Хорошо, - громко выдохнув, доктор Сон включил планшет, - Страховка пациента покрывает абсолютно все расходы на обследование и дальнейшее лечение – на этот счет можете быть спокойны. Но отныне господину Хуану нужен уход, даже после выписки.

- Что с ним?

- Скажу так: настоящее свинство – довести себя до такого состояния. На данный момент мы

знаем, что пациент упал в обморок вследствие сильного переутомления. Его организм истощен, к тому же, у меня есть подозрения на острый гастрит – очень на то похоже. Господин Хуан в последнее время злоупотреблял алкоголем? Он, вообще, нормально питается?

- Я не знаю...

- Тогда скажите, - доктор бегло делал пометки на экране планшета, - Наблюдались ли у пациента следующие симптомы: слабость, головокружение, тошнота, рвота, резкие боли в животе?

- Не уверен... - стыдно, Минсоку было неопишимо стыдно за свое незнание, и он виновато опустил глаза.

Ким поджал губы, мельком глянув на Цзытао, а затем вновь отвел свой взгляд – смотреть на него казалось физически болезненным; обычно ассистент Хуан просто подавлял своей сильной энергетикой и ослеплял безупречным внешним видом, а сейчас он лежал в больничной койке, больной и слабый, накачиваемый медикаментами.

Минсок почувствовал себя в какой-то мере виноватым, ведь если бы они с Хуаном не договаривались о встречах в баре, ассистенту не приходилось бы заливать в себя лишние дозы алкоголя. Киму ранее и в голову не приходило, что Цзытао мог проводить время с выпивкой и вне этих встреч – получается, Минсок стал причиной ухудшения состояния молодого парня.

Ким понимал, что, возможно, лишь накручивал себя, однако быть совершенно безучастным в судьбе Хуан Цзытао уже точно не имел права. Минсок в очередной раз сослался на обострившийся материнский инстинкт, пока доктор копошился с планшетом – мужчина сделал еще несколько движений по экрану, листая страницы больничных форм и набирая текст, и в безмолвной тишине раздавались только звуки больничной техники и приглушенные голоса из коридора.

- Во всяком случае, - доктор Сон вновь поправил очки, спадающие с его низкой переносицы, - Когда господин Хуан очнется, мы проведем обследование, которое подтвердит или опровергнет мои догадки. Если это, все же, гастрит, пациент будет вынужден придерживаться строгой диеты. Есть рестораны, которые составляют для клиентов меню, в соответствии со списком разрешенных продуктов, и курьер доставляет ваши завтрак, обед и ужин либо с утра на весь день, либо в течение дня строго в определенное время. Если, как вы утверждаете, у него нет родных, то этот вариант почти идеален. Почти – потому как недешевый, и не все могут себе его позволить. Также господина Хуана стоит оградить от стрессов и переутомления – все это наисильнейшим образом сказывается на здоровье. И я бы рекомендовал оставить его под нашу опеку минимум на неделю. То есть, господину Хуану придется здесь задержаться.

Оставив еще несколько рекомендаций, доктор Сон вышел из палаты, негромко щелкнув дверным замком. Минсок медленно опустился в кресло рядом с кроватью, сжимая в руках кожаный дипломат, но все никак не решался осмотреть Цзытао. Хоть и отрицал, Ким все еще боролся с мучающим его чувством невыполненного долга и раздумывал о том, стоит ли ему звонить гендиректору. Как оказалось, ассистент Хуан использовал два телефона – один из них был защищен паролем (по всей видимости, корпоративный), а в списке контактов второго были записаны всего два номера: «Гендиректор Чхве» и «Архитектор Ким».

- Слушаю, - когда в трубке раздался голос гендиректора, Минсок осознал, что, все-таки, набрал его номер вопреки своему нежеланию.

- Здравствуйте... - смущенно заговорил Ким.

- Кто это? – поняв, что голос принадлежал не хозяину телефона, мужчина явно не обрадовался, - Где Цзытао?

- Меня зовут Ким Минсок, я архитектор в „Тор Green“. Ассистент Хуан потерял сознание, сейчас он в больнице и еще не очнулся. Доктор говорит, что это из-за сильного переутомления и, возможно, серьезных проблем с желудком. Он должен остаться здесь на лечение, поэтому не сможет появляться на работе минимум неделю. Ассистенту Хуану также потребуется уход, было бы хорошо, если бы его кто-нибудь навещал... - в ответ Минсок услышал лишь громкое, но ровное дыхание и решил заранее ответить на возможные вопросы со стороны Чхве, - Простите, мне не стоило вас беспокоить, но я не нашел никого, кому еще можно было бы позвонить – у ассистента Хуана только ваш номер в телефоне.

- Знаете что? - выдержав благородную паузу, за время которой Минсок успел расслышать негромкие женские голоса на заднем плане, мужчина тяжело вздохнул, - В ближайшее время я не смогу приехать. Позаботьтесь о нем.

С этими словами директор Чхве закончил звонок, и Минсок еще долго смотрел на экран, прежде чем закинуть телефон обратно в дипломат. Что ж, видимо, Ким изначально завысил свои ожидания насчет отношений Цзытао с гендиректором, и на самом деле они не были настолько возвышены, как предполагал архитектор. Почему-то осознание этого факта его разочаровывало, ведь до тех пор Минсок считал Чхве основой преграды между ним и Хуаном.

«Если узнаёшь, что близкий тебе человек находится в больнице без сознания, то должен хотя бы сделать вид, что волнуешься, правильно? Это ведь чрезвычайная ситуация – можно ведь бросить свои дела, чтобы приехать к тому, у кого кроме тебя больше никого нет, правильно?» - в поисках ответов на свои вопросы, Минсок повернул голову к кровати. Его взгляд наконец скользнул на белые простыни, под которыми медленно то поднимался, то опускался впалый живот. Ким недолго наблюдал за ним, а затем встал с кресла и приблизился к больничной койке. Теперь, когда отважился посмотреть на Цзытао, он уже не мог оторвать взгляда от истощенного лица парня: кожа была необычайно бледной, в свете больничных ламп стали заметны темные круги под глазами, мелкие морщины, а его сухие губы давно потеряли здоровый оттенок, приобретя холодный.

Минсок смотрел на беззащитного Цзытао и не мог сдержать слез. Соленые капли неприятно жгли глаза, а затем, будто воды реки, вышедшие из берегов, разливались, стекали вниз, разбиваясь о ткань одежды – и им будто бы не было конца. Минсок легко коснулся его лица, проведя пальцами по бледной щеке. Парень и не шевельнулся, его черные ресницы не дрогнули – вне всяких сомнений, его сон был слишком глубок, чтобы почувствовать, как в этот самый момент менялся Минсок.

Ким и не заметил, как уснул, проведя всю ночь в кресле у больничной кровати, в которой, словно отравленная ядовитым яблоком Белоснежка, спал Цзытао.

Субботнее утро в госпитале началось так же рано, как и любое рабочее. В восемь утра бодрствовали уже не только медсестры и врачи (некоторые из них выполняли свои обязанности и ночью, не смыкая глаз), но и многие пациенты. В основном, это были пожилые люди,

выходившие из своих палат, чтобы поздороваться друг с другом, а некоторые из них проверяли состояние приятелей фразой «Вот те на! Еще не помер?». Их энергичности стоило позавидовать, ведь в то же время более молодые обитатели больницы угрюмо и обессилено плелись по коридорам, не обращая внимания даже на опекающих их медсестер.

Но никакие звуки из коридора не смогли заставить Кима пробудиться. Мысленно он взмаливался над самим собой «Ну, пожалуйста, еще немного, еще часик...».

Минсок проснулся от того, что кто-то легко гладил его волосы. Открыв глаза, он заметил взгляд ассистента Хуана, с нежной улыбкой смотрящего на него и перебирающего пальцами локоны распущенных волос архитектора.

- Вы проснулись... - архитектор потирал глаза, борясь с позывами вновь пустить слезу, вместо того, чтобы ответно улыбнуться.

- Вы были здесь все время?

- А, да... Как вы себя чувствуете?

- Кажется, если приму вертикальное положение – меня вырвет прямо на вас, - голос Цзытао был хриплым и тихим, - Но я рад.

- При всем уважении, вам нечему радоваться в данной ситуации.

- Знаете, Минсок, неправильно так говорить, но... Если бы это помогло держать вас подле себя все время, я бы предпочел не вылезать из больничной койки.

- С каких пор вы начали обращаться ко мне по имени? – слова ассистента одновременно смутили Минсока и заставили мысленно возликовать, словно маленькая девочка.

- С тех самых, когда мы провели ночь в одной постели... - больной попытался рассмеяться, но из-за пересохшего горла закашлялся, а, увидев на лице Минсока смятение, поспешил реабилитироваться, - Простите, неудачная шутка...

Не ответив, Минсок встал с кресла и пошатываясь прошел к столику, на котором стоял графин с водой. Он наполнил пластиковый стаканчик и протянул его Цзытао, приподняв уровень кровати:

- Что ж, это была наша вторая ночь вместе, - не скрывая улыбки произнес Ким.

ХII. Ожившая скульптура

За окном рой автомобилей неустанно воссоздавал внушающую какофонию на улицах Сеула. Погода радовала теплым солнечным сиянием, пробивавшимся сквозь пушистые облака, что спокойно плыли по лазурной глади неба. Ленты яркого света прокрадывались в больничную палату, щекоча ресницы Цзытао, который, буквально прикованный к кровати, никак не мог скрыться от докучливых лучей – он жмурился и пытался оградиться от них руками, но настойчивое солнце раз за разом ломало барьер, находя себе путь для вторжения в личное пространство Хуана. Видя его страдания, Минсок оттянул в сторону кровать, что очень кстати была снабжена колесиками. Однако Цзытао не успел его поблагодарить, поскольку в следующий момент дверь в палату открылась, и внутрь шагнул мужчина в белом халате.

Доктор Сон отчитался о результатах обследований, подтвердив свои опасения насчет недуга Цзытао. Мужчине пришлось изрядно попотеть, чтобы убедить его остаться на некоторое время в больнице – Хуан рьяно сопротивлялся, однако доктор одержал в этом споре победу над больным. Мужчина с самодовольным видом откланялся и убежал к следующему пациенту.

Минсок, кусая булку с кремом, укоризненно смотрел на ассистента Хуана, который без особого удовольствия постигал все прелести больничного ужина, принесенного медсестрой, похожего скорее на результаты жизнедеятельности человека, чем на что-то съедобное.

- Вы вообще не собирались обращаться к врачу? Как долго думали тянуть? Доктор сказал, что так себя запустить еще уметь надо, - желая указать Цзытао на серьезность его плачевного состояния, заметил Минсок.

- Я принимал лекарства – думал, что боли скоро пройдут, - серьезный вид архитектора не мог не вызвать на лице Хуана улыбки, - Тем более, у меня совсем не было времени на походы в больницу.

Минсок, конечно же, не считал это оправдание весомым, однако решил не пререкаться с больным.

- Знаете, - Ким отложил в сторону булку, - Я сделал кое-что, что могло бы вас разозлить.

- И что же?

- Когда доктор спрашивал о ваших близких, я хотел найти кого-то... В общем, я позвонил гендиректору Чхве, потому что у вас был только его номер, и сказал, что вас госпитализировали...

- Ясно, – коротко ответил Цзытао, безразлично собирая ложкой остатки рисовой каши со стенок тарелки.

- ... но он ответил, что не приедет, - завершил свою мысль архитектор.

- А с чего бы ему приезжать? – удивленно подняв брови, ассистент отставил в сторону поднос с пустой посудой и повернулся к Киму, - Минсок, я говорил вам ранее, что гендиректор привел меня в компанию, но почему вы так уверены, что мы с ним близки? Настолько, что он должен играть со мной в мамочку, когда я болею?

Взгляд Минсока выражал двусмысленность: архитектор смотрел Хуану прямо в глаза, безмолвно пытаясь то ли на что-то намекнуть, то ли запугать грозно сдвинувшимися густыми

бровями. Цзытао, поняв, что так отчаянно в очередной раз рвался сказать ему Ким, глубоко вздохнул, но, все же, решил проигнорировать немые доводы Минсока.

- Он не обязан навещать меня в больнице. К тому же, у меня есть вы, - губы Цзытао вновь растянулись в знакомой ухмылке.

Минсока до жути выводила из себя эта манера сменять серьезную тему разговора какими-то кокетливыми репликами, которые всегда оказывали на Кима необходимый Хуану эффект, чтобы закончить обсуждение. Он сжал руки в кулаки, и ногти неприятно впились в кожу – как долго еще ассистент Хуан будет уходить от ответа? Сколько времени должно пройти, прежде чем они расставят все точки над «і»? И когда уже ему, Минсоку, наконец хватит духу спросить обо всем напрямую, не вдаваясь в отвлеченные намеки, чтобы не получить такие же отдаленные ответы? А до тех пор, конечно же, ассистент Хуан будет продолжать выставлять Минсока дураком.

- Но, Минсок, лучше поезжайте домой. Я слышал, как ваш телефон издал предсмертный сигнал и выключился – жена, наверное, места себе не находит. Вы правда можете идти – со мной все будет в порядке и без вас.

«И без вас» - эта фраза больно кольнула Минсока, как если бы это были не слова, а заточенное острие копья. Архитектор встал с кресла и, пытаясь изображать спокойствие, натянул пиджак.

- Моя жена – не ваше дело, - грубо отозвался Ким, - И что для меня будет лучше я тоже могу решить сам.

Ким, удостоверившись, что вернул на место все содержимое своей сумки, надел ее на плечо. Цзытао ошарашено наблюдал за сборами Минсока, не зная, что сказать на его импровизированный бунт – впервые архитектор говорил с такой дерзостью, что не могло не сконфузить.

- Я приеду завтра. Отдыхайте, - гордый, но уставший силуэт Минсока скрылся за дверью.

Путь домой казался ему необычайно долгим – ближе к бесконечности, и виной тому были не пробки, сопровождающие обратную дорогу чуть ли не после каждого поворота. По приходу домой Минсок сразу же рухнул в постель, не объясняясь с Юной. Она, похоже, уже была осведомлена о том, что муж провел прошлую ночь в больнице, поэтому не донимала его расспросами.

Конечно же, это был ассистент Хуан – тот, кто предупредил ее – заботливый, вечно переживающий о семье Минсока, всегда помогающий в трудные моменты. Он считал в порядке вещей вмешиваться в их отношения с Юной, однако стоило Минсоку заикнуться о директоре Чхве, как Хуан спешно менял тему либо делал вид, что ничего не слышит и не понимает. Естественно, такое отношение выводило Минсока из себя. А Юна? Тоже хороша – такое беспрекословное доверие к ассистенту, будто бы он архангел Михаил, сама святость (хотя, наверное, сам Хуан ассоциировал себя скорее с Люцифером).

Юный китаец считал, что вправе вмешиваться в чужие отношения, но его личная жизнь должна быть покрыта мраком и тайной, высшей степенью секретности и неприкосновенности – в ней не должно быть никого, кроме него самого. Ким это считал крайне несправедливым – по отношению к себе в первую очередь. Черта с два Минск заслуживал такого отношения.

В конце концов, после долгих раздумий перед сном, он пришел к выводу, что с новым днем станет более настойчивым, а Хуан больше не сможет им помыкать, не посмеет затыкать ему рот и вводить в заблуждение. Кто-то из них должен был начать двигаться в правильном направлении, вместо того, чтобы биться спиной об бетонную стену.

- ... поэтому, пожалуйста, не сердитесь. Простите, это все из-за меня.
- Я все понимаю, господин Хуан. Спасибо, что позвонили. Скорейшего вам выздоровления!
- Спасибо.

Закончив телефонный разговор с женой архитектора, Цзытао будто бы сбросил с себя тяжелый кольчужный хауберк, избавившись от одной из проблем. Он провёл рукой по растрепавшейся челке, пытаясь уложить её назад. Все, что могло пойти не так, шло не так – в итоге Цзытао пролеживал бока в больнице, вместо того, чтобы заниматься своими обязанностями. На расстоянии, конечно же, он не мог ничего сделать, к тому же, доктор Сон угрожал сожжением всех бумаг компании, которые Хуан попытается пронести в палату на время госпитализации. Вряд ли бы он действительно так поступил, однако, в любом случае, работа находилась под запретом. И не было никого, кто бы мог заменить ассистента гендиректора в «Top Green» - смешно или грустно, во всей компании не было никого, кому можно было бы доверить ее дела. Все еще более усложняла кража средств компании – ее уж точно не стоило оставлять, останавливаться в поисках. Помощь полиции также не рассматривалась как вариант – ее привлечение отпугнуло бы преступников, заставило бы затихнуть, а это усложнило бы их выявление, к тому же огласка (которой в таком случае было бы не избежать) могла пагубно сказаться на репутации «Top Green».

И гендиректор Чхве... В последнее время он неважно себя чувствовал, хоть и притворялся, что здоров и бодр, словно семнадцатилетний юноша. Ему уж точно ни к чему стрессы, но, наверное, придется ему, все же, рассказать о случившемся.

Вновь взяв в руки телефон, Цзытао нажал на кнопку вызова.

- Да? - недоверчиво ответил Чхве Шиван.
- Это я, - хриплый голос ассистента развеял его сомнения, и мужчина громко выдохнул в трубку.
- Как себя чувствуешь?
- Не хуже, чем обычно.
- Вчера вечером прилетела моя дочь – я не мог к тебе приехать.
- Все в порядке. Я хотел вам кое-что сказать... - Цзытао замер, в то время как его сердце колотилось словно бешеное, и он молился, чтобы гендиректор не заметил волнения в его голосе; в какой-то момент скорость ударов разогнала до предела, однако горло Хуана будто бы преградил какой-то ком, не давая ему озвучить то, что собирался, - Я не смогу появляться на

работе какое-то время. Неделю или две – точно не знаю.

- Мне давно стоило отправить тебя в отпуск, - тяжелый вздох Чхве Шивана позволил Цзытао также облегченно выдохнуть, - Похоже, вашу встречу с Джунгым придется отложить.

Гендиректор первым сбросил звонок, и Цзытао обессилено упал на подушки, сжимая в руке свой смартфон. Он все убеждал себя, что не струсил, а решил в очередной раз доказать компетентность – себе или гендиректору – потому как должен стоять места преемника Чхве Шивана, и разобраться со всем самостоятельно.

Следующим утром дверь в палату, как и обещал, отворил Минсок. В руках у него был гладкий пакет из какого-то брендового магазина и контейнеры с едой. Он молча прошёл к креслу и аккуратно поставил боксы на сидение. Цзытао приподнял уровень своей кровати, потому как чувствовал себя незащищённым со всеми этими капельницами, к тому же лежа пластом под слоями больничной постели.

- Юна приготовила это для вас. Попробуйте – гораздо вкуснее больничной стряпни. На целый день должно хватить.

- Спасибо, Минсок.

- Поблагодарите мою жену, когда в следующий раз решите поболтать с ней по телефону, - Ким опустошил второй пакет, и простыни усыпала одежда, от которой исходил запах новых покупок, - Ещё я принёс для вас сменное бельё и теплую одежду – вдруг решите выйти вечером на прогулку. Мерял по себе, поэтому должно быть и вам по размеру.

- Спасибо, - улыбаясь, Цзытао продолжал непрерывно наблюдать за действиями Кима, который прятал свой взгляд под длинной челкой, явно пытаясь оградить себя от влияния усмешки ассистента, - Простите, если вчера вас задела мои слова.

- Нисколько, - архитектор развернулся к Цзытао спиной, и в следующий миг почувствовал его руку на своем запястье.

- Мне нужна ваша помощь, Минсок. Это очень серьезное дело, поэтому, пожалуйста, оставьте свои обиды и послушайте внимательно. Присядьте, - ассистент Хуан жестом указал на кресло, и когда Минсок, легко высвободив руку, выполнил его просьбу, продолжил, - Кто-то ворует крупные суммы у „Тор Green”. Кто-то жрет компанию изнутри, прямо у меня под носом, и пытается ее уничтожить.

Ким наконец решился поднять свой взгляд, и он почему-то был полон сочувствия, однако в его лице также читалось непонимание и вопрос «Чем же я, какой-то архитектор, смогу помочь в таком серьезном деле?», и Хуан продолжил:

- У вас ведь хорошие отношения с коллегами, насколько знаю.

- Да нет, вполне посредственные, - Минсок растерянно потирал свое кольцо, и Цзытао вновь узнал в нем прежнего архитектора Кима.

- Во всяком случае, лучше, чем мои с ними. А мне не на кого больше положиться, некому доверять.

- И вы решили довериться мне? Почему вы уверены, что это не я ворую у компании? Я ведь мог специально втереться в доверие, а сам бы по-тихому проворачивал свои делишки.

- В таком случае, полагаю, вы бы не рассказывали мне об этом сейчас.

- Может, я хочу вас еще больше запутать.

- Мне нравится, что в вашей голове появляются такие сложные сценарии. Поэтому и хочу,

чтобы вы помогли мне, Минсок.

Ким подпер лоб руками, облокотившись на колени. Он перебирал пальцами волосы, задумчиво выжигая взглядом дыру на шероховатой поверхности пола. Ассистент Хуан все это время молчал и смиренно ждал ответа, понимая, что в данный момент Минсок принимал весьма трудное для него решение. Наконец, после тщательного обдумывания, архитектор вновь выпрямил спину, выпуская из копын спутавшихся волос пальцы:

- Что вы хотите, чтобы я сделал?

- Пока ничего сложного: понаблюдайте за людьми, с которыми работаете, сдружитесь с кем-нибудь поближе, порасспрашивайте о том да о сём. В крайнем случае, вам придется изображать заинтересованность в махинациях, чтобы войти в круг доверия тех, кто затеял все это.

- То есть, преступника.

- Именно.

- А если обо мне узнают те, кто не имеет никакого отношения к кражам? Если я ошибусь с выбором мишени и совершенно непричастному сотруднику буду рассказывать о своих планах на фирму? Он подумает, что я – Я! - и впрямь обворовываю компанию и сообщит в полицию. Тогда, получается, единственным преступником окажусь я! Даже если вы потом и объясните полиции, что это у вас такой «план по разоблачению», а я ваш «тайный агент» – полицейские в первую очередь решат, что вы тоже причастны к кражам и пытаетесь что-то скрыть. Тогда они начнут расследовать факт преступления – и все это предадут огласке! Это может автоматически разрушить компанию не руками махинаторов, а по нашей с вами вине! Даже если в итоге полиция оправдает неких Хуан Цзытао и Ким Минсока, нас с вами все равно будут какое-то время подозревать, а это значит, чт...

- Минсок, притормозите, - Цзытао положил руку на плечо разнервничавшегося архитектора, - Вы, несомненно, правы. Но мы с вами постараемся избежать такого исхода. Повторюсь: я рад, что вы думаете о подобных вещах. Я обратился к вам с этим делом, потому что больше не у кого было просить о помощи, но теперь я хочу сотрудничать именно с вами, потому как оказалось, что вы неплохо соображаете, - ассистент на мгновение запнулся, а затем прикрыл лицо ладонью, - Простите, это прозвучало, будто бы раньше я считал вас идиотом... Я совсем не это имел ввиду.

- Я польщен, - Минсок осторожно отряхнул руку ассистента, - Но все равно не хочу принимать в этом участия. Вы ведь знаете – Юна и ребенок...

- Уверяю вас: вы ничем не рискуете. Я буду направлять вас двадцать четыре часа в сутки. У меня, можно сказать, уже есть опыт в подобных делах, поэтому вам действительно не о чем волноваться. К тому же, вы будете делать это не за «просто так».

- Я больше не приму от вас ни воны, - категорически отрезал Минсок.

- А что примете? – Ким будто бы окаменел, смотря в темные глаза ассистента, - Хочу напомнить, что вы и ваша семья обязаны мне – настало время вернуть долг.

- Но ранее вы сами сказали, что я ничего вам не должен, - скорее чтобы подколоть ассистента Хуана, Минсок вспомнил его слова на крыше, хоть и осознавал, что тот несомненно прав.

- Да, но я подумал, что мог бы на вас надавить, - Цзытао усмехнулся, обнажая ровные зубы, - В любом случае... Вы можете попросить о чем угодно – я все сделаю.

- Я хочу знать, какие у вас отношения с гендиректором, - не раздумывая ответил Минсок.

- Серьезно? – Цзытао с издевкой сдвинул брови, - Я же сказал: что угодно.

- Я вас услышал. Это то, чего я хочу, - Ким встал с кресла, показывая свою готовность уйти, если его условия не будут приняты.

Цзытао устало закрыл лицо руками, нервно водя по щекам ладонями – ему бы не помешало сейчас умыться ледяной водой, чтобы сбавить раздражение, которое вызывала у него в сотый раз повторенная фраза «отношения с гендиректором».

- Да какого черта, Минсок?! Зачем?! Я не могу понять!

Вот она, та самая лазейка, с помощью которой Минсок мог воспользоваться своим положением, силу которого он явственно осознавал. Проблемы в компании – это не шутки, и, по всей видимости, отчаяние ассистента Хуана достигло апогея, раз он решил обратиться за помощью к рядовому архитектору. Это был тот самый переломный момент, в который Минсок мог сменить свою роль с ведомого на ведущего.

Другого шанса могло и не быть, поэтому Ким решительно наклонился к Цзытао, обхватив его затылок рукой, и притянул к себе. Для Хуана этот жест был настолько неожиданным, что он не успел даже как следует отреагировать, когда почувствовал на губах уверенный поцелуй архитектора. Цзытао слишком давно мечтал о нем, слишком сильно хотел, чтобы прерывать. Он податливо отвечал на ласки мягких губ, боясь в следующий миг проснуться ото сна и обнаружить, что все это было лишь его очередной фантазией. Когда Цзытао открыл глаза, перед ним по-прежнему стоял Минсок, лицо его находилось всего в нескольких сантиметрах, и от твердого взгляда по телу ассистента пробежала дрожь.

- Если хотите продолжать общаться со мной, а уж тем более вовлечь меня в свои детективные приключения – вам придется рассказать все, о чем я захочу.

- Мин... - Ким прервал Цзытао, вдругорядь неожиданно наклонившись к его губам, и новый поцелуй шокировал Хуана не меньше, чем первый.

Архитектор разомкнул их губы, но продолжал все так же пристально смотреть в глаза Хуана, придерживая его затылок рукой, чтобы не смог отвернуться. Тот ошалело пялился на него, словно на мифическое существо, внезапно оказавшееся действительно существующим, и не говорил ни слова. Тогда Минсок снова поцеловал его, в этот раз прижимаясь еще сильнее, обхватывая рукой обнаженную больничным халатом поясницу и чувствуя, как последние капли воли покидают тело Цзытао, а затем резко отстранился:

- Вы не справитесь один, потому как нынешнее положение явно дало понять, что вы не сверхчеловек. И я буду мучить вас так до тех пор, пока не получу ответа. Почему вы спите с гендиректором?

Цзытао, закрыв глаза, тяжело вздохнул – он слишком устал убегать от вопросов напористого Кима и его навязчивого желания «знать правду».

- Это моя работа, - слова Цзытао звучали тихо, а его покрасневшие губы слегка подрагивали, - Гендиректор платит мне за это. Иногда мне кажется, что и в компанию привел только для того, чтобы трахать в любое удобное ему время. Вы можете сейчас сходить прополоскать рот, потому как этими самыми губами я отсасываю ему каждый день.

Цзытао опасливо открыл глаза, предвкушая реакцию Минсока на его слова, однако его лицо не выражало ничего и было похоже на фарфоровую маску, застывшую в отсутствии каких-либо эмоций.

- Не вижу радости – это ведь то, что вы хотели услышать.

Ну вот, в который раз он все испортил – не словами, самым своим существованием. Похоже, те, кто утверждал, что «китайский мусор» отравляет даже воздух, которым дышит, всегда были правы. А теперь единственный, кто был хоть немного дорог Хуан Цзытао, узнав правду, проникнется к нему отвращением и уйдет, не обронив с этого момента ни слова – возможно, они и не встретятся более. Однако вместо того, чтобы скривить лицо в брезгливой гримасе и убежать к ближайшей раковине, Минсок снова наклонился к нему и легко коснулся его губ своими.

- Да. Именно то.

Коридоры больницы всегда были наполнены множеством чужих голосов: взволнованными и спокойными, веселыми и полными отчаяния, безэмоциональными голосами врачей и надрывистыми криками посетителей, плачем и детским смехом. Днем звуки за дверями палат напоминали внушительную Пятую симфонию Бетховена, а ночью превращались в Лунную сонату, ни на секунду не утихая.

Минсок медленно опустился на край кровати. Он чуть подвинул Цзытао и развернул его на бок, не столкнувшись и с каплей сопротивления, а сам прилег сзади, подстраиваясь под изгибы его ног и спины. Их тела соприкасались сквозь одежду и тонкую ткань белых простыней, но сами они не решались нарочно коснуться друг друга. Ким изводил Цзытао своим молчанием, он не давал объяснений своим действиям – просто лежал, впитывая жар смуглого тела, и горячо дышал ему в шею, щекоча мелкие волоски на коже. Что бы ранее ни говорил, сейчас Минсок действительно избавился от всего того груза, что был вынужден тащить на своих плечах. Всегда прежде оставалась невесомая тяжесть, которой вроде и не существовало, однако ее давление не позволяло вдохнуть полной грудью. Нет, не близки – они не любовники, их связывает только работа. Он подчиненный. Не потому что хочет, не потому что нравится – просто так надо, и он выполняет прихоти того, кто за это платит.

Безусловно, у него есть свои причины на то, Минсок узнает о них позже. Он не станет плевать, не будет осуждать Цзытао за то, как он живет. Главное – они с гендиректором не близки. Нет, для Минсока это не близость. Пропась, разделявшая с Хуаном, которую архитектор себе навоображал, оказалась всего лишь мелкой трещиной, переступить которую можно было сделав всего лишь шаг.

- Как вы узнали? – тихие слова осторожно доносились из-за плеча.

- Сперма, - архитектор едва касался губами шеи, и Цзытао вздрагивал от легкой вибрации его голоса на своей коже, - У вас на лице была сперма, когда мы впервые встретились.

Комната вновь заполнилась молчанием и размеренным дыханием, будто вакуум, отбивая

стенами голоса, доносившиеся снаружи.

- Вы обещали, что перестанете мучить меня, когда я вам все расскажу, - Цзытао почувствовал, как дыхание сзади на мгновение исчезло, а затем вновь вернулось в прежний ритм, но ответа, все же, не последовало, - Я вас не понимаю.

Ким несмело обхватил рукой грудь Цзытао, прижимая его к себе.

- Ваша жена...

- Не ваше дело, - повторил Минсок ранее сказанные им слова.

В бесперебойном цокоте стрелок настенных часов, Цзытао вновь и вновь начинал разговор, однако каждый раз Минсок прерывал его короткими фразами или отмалчивался. Конечно же, ассистент чувствовал себя в подвешенном состоянии, парень был напуган внезапными действиями Кима, и в его голове крутилась масса вопросов, ответов на которые Минсок и сам не знал.

- Давайте просто полежим так. Молча.

Ким уткнулся носом в теплую кожу шеи Хуана. Она была пропитана фантомом порошка, которым стирали больничное белье, горьким запахом медикаментов, которые Цзытао принимал, и его собственным ароматом – сладко-солонатым, он выделялся больше всех, его можно было почувствовать на кончике языка. Минсок умиротворенно вслушивался в ровное дыхание Цзытао, сквозь ткань чувствуя, как предательски громко бьется его сердце.

Звуки, доносившиеся из коридора почему-то утихли, а, быть может, Минсок перестал обращать на них внимание – все, что окружало его ранее растворилось в беспросветной дымке. Казалось, выйдя за дверь, можно было бы провалиться в пустоту – не было ничего за пределами палаты, не существовало никого, кроме двоих в комнате с белыми стенами; эта квадратная коробочка парила где-то в воздухе, не имея направления и цели. Под аккомпанемент блеклых звуков тишины, веки Минсока необратимо тяжелели, а жар тела, которое он продолжал прижимать к себе, покрывал его языками своего пламени, забирая в мир снов – вместе с Минсоком засыпал и Цзытао.

Почувствовав, что кто-то легко трясет его плечо, Хуан лениво открыл глаза. В палате находилась лишь медсестра, что принесла ему противные пилюли, которыми он вынужден был давиться все время госпитализации. На прикроватной тумбочке Цзытао заметил миску, в которой вкусно благоухала приготовленная Юной рисовая каша – она все еще была горячей, а значит, Минсок еще несколько минут назад был здесь. Рядом лежала сложенная записка на тонкой просвечивающей бумаге, почерк в ней был неровным, будто бы писали в спешке – явно недобрый знак. Записки всегда оставляют, когда не могут сказать чего-то в лицо, когда слова настолько тяжелы, что выдержать их могут лишь чернила. В груди громко заколотилось сердце, оно будто бы неистово стучалось в запечатанную дверь темницы, выхода из которой не существовало.

«Значит, это был конец?» - Цзытао развернул клочок бумаги, готовясь к худшему в его содержании.

«Вы рассказали не всё. Я приду завтра, отдохните. Минск».

ХІІІ. Смятые простыни

Пожалуй, это впервые. Да, впервые. До тех пор людям в жизни Цзытао было свойственно уходить, но никогда – возвращаться. Это было настолько невероятно, как если бы внезапно на Землю высадились пришельцы, какие-нибудь марсиане, но сошли бы не с борта летающей тарелки, как было принято считать до тех пор, а просто с неба, шагая по воздуху, словно по ступенькам; внешний вид их не напоминал бы ни одно живое существо, живущее на нашей планете – скорее какую-нибудь горную породу, а, может, и вовсе сэндвич с джемом. И такое сравнение вовсе не казалось Цзытао преувеличением.

«Ты романтизируешь!» - тем не менее, пытался разубедить себя Цзытао, - «Чхве Шиван был первым. Он каждый раз возвращается – где бы ни был и с кем. И ты всегда в конечном итоге будешь приходить к нему, потому что только он знает тебя настоящего и способен принять таким. Тем более, скоро вы с гендиректором породнитесь – и тогда тебе уж точно больше не к кому будет вернуться», - на лице Хуана появилась насмешливая улыбка.

Ким Минсок взял на себя обязанности доверенного лица Цзытао и стал ежедневно посещать его в больнице в течение следующих двух недель – в будни по вечерам, а в выходные приходил с утра и покидал госпиталь уже в темное время суток. Архитектор отчитывался о результатах своей шпионской деятельности в обмен на ответы, которые хотел получить от ассистента Хуана. Естественно, Цзытао не обязан был на них отвечать – мог бы даже и врать, а Минсок верил бы каждому слову, однако что-то внутри мешало ему обманывать беспрекословное доверие Кима, поэтому правдивые ответы сами по себе вырывались наружу. Так Цзытао рассказал пытливому архитектору о родителях, о том, что послужило переломным моментом в их жизни; о том, как покинул Китай, чтобы обеспечивать мать и по той же причине согласился на предложение гендиректора спать с ним за деньги, а когда мать скончалась, все равно продолжал работать на этих условиях, потому что привык жить в роскоши.

К счастью, Ким не задавал вопросов о карьере бармена, поэтому эту тему удавалось обходить стороной – прошлое в “Milky Way” ни при каких обстоятельствах не должно было всплыть. Пусть даже по каким-то непонятным Хуану причинам Ким Минсок принял факт его не совсем стандартных рабочих отношений с гендиректором, вряд ли в его светлой голове когда-либо сможет прижиться факт, что до Чхве Шивана и помимо него были еще десятки мужчин, от которых Цзытао принимал деньги и позволял себя трахать, выполняя любые прихоти и напроочь забывая о своем достоинстве (кого в самом Минсоке было в избытке).

В кругу обычных людей проституцию принято считать грязным занятием, низшей из профессий. По мнению высокоморального общества «Ты можешь заниматься чем угодно, только не продавай свое тело – оно храм, ни одна проблема в твоей жизни не стоит того, чтобы марать в грязи святыню» - говорят люди, ни разу не побывавшие даже на грани бедности, им-то уж точно не приходилось выбирать между моралью и собственной жизнью, между положением в обществе и благополучием близких. Тем не менее, если на кого-то вдруг обрушатся все беды земные, не останется ничего, кроме собственного тела, и не будет иного выхода, кроме как продавать его каждому, кто может заплатить – этот кто-то должен быть готов к тому, что бедность в этом обществе не является оправданием. И, не дай Бог, он будет получать удовольствие от своей греховной профессии, дитя Сатаны – тогда уж его точно клеймят до

конца жизни, а путь обратно, в полноценный социум, будет заказан.

В конце концов, есть вещи, о которых даже самые близкие друг другу люди не говорят – тому пример хотя бы семейство Чхве, погрязшее во лжи во благо (?).

В привычку архитектора Кима при общении с Цзытао вошло молчание – рассказав о последних новостях в “Top Green”, он внезапно прерывал свою речь, а затем ложился рядом с пациентом на кровать и безмолвно смотрел в потолок. Иногда они засыпали под убаюкивающие звуки тишины, иногда Минсок позволял себе немного больше, однако все заканчивалось лишь объятиями, в которых Цзытао время от времени находил себя, пробуждаясь; изредка – поцелуями, инициатором которых выступал Хуан, тем не менее, близости большей архитектор сторонился, как и разговоров об их неопределенных отношениях. Поняв, что бесполезно пытаться что-то предпринимать, Цзытао решил отложить всякие беседы и действия до тех пор, пока не покинет больничные стены.

Тем временем тихий и застенчивый Ким Минсок превратился в искусного интригана, и такие изменения еще больше восторгали Цзытао. Хоть и утверждал, что является неважным актером, Минсок успешно справлялся со своими задачами шпиона во вражеском окружении – можно было бы даже сказать, что продуктивно. Не секрет, алкоголь развязывает языки даже самых хитрых злоумышленников – бухгалтеры До Мёнсу и Им Джебом, а также пресловутый Мун Джисоб были достаточно рассудительными, чтобы тайно и безнаказанно проворачивать грязные дела прямо под носом у начальства, однако ума им не хватало, чтобы во имя сохранения этой самой секретности не злоупотреблять средствами, служащими яко облегченный вариант «сыворотки правды». Какая глупость!

Хотя Минсок не был уверен до конца, что преступниками являлись именно они, скорее склонялся к обратному. Да, взрослые мужчины разбрасывались агрессивными высказываниями в сторону гендиректора, и – куда уж без него – его верного ассистента Хуана, более того, именно эта троица возглавляла «отдел справедливости», который занимался, с их точки зрения, невинными розыгрышами над ассистентом. Между делом они пытались внедрить Минсока в свое сообщество ненавистников режима и богатых ублюдков, даже намекали на какой-то гениальный план, однако неопровержимых доказательств их вины в кражах все еще не было. Возможны были два исхода: первый заключался в том, что если покрутиться внутри «отдела справедливости» в течение еще некоторого времени, доказать свою верность – тогда злоумышленники выложат все, что так интересовало Минсока и было необходимо ассистенту Хуану. Второй же вариант гласил, что Минсок тратил свое время впустую на трех озлобленных идиотов – оставалось лишь ждать, настойчиво двигаться в том же направлении, чтобы, в конце концов, раздобыть доказательства вины или безвинности.

Цзытао аккуратно сложил больничную одежду на край заправленной кровати и, убрав со лба прядь, выбившуюся из небрежно зачесанных назад волос, неторопливо надел пиджак. Минсок стоял в углу палаты, держа в руках кожаный дипломат и пакет с личными вещами ассистента, и смотрел в окно, за которым солнце лениво пряталось за горизонт.

- Я вызвал для вас такси, - слова Кима едва можно было расслышать из-за гула в коридоре.

Они спустились к выходу из здания, и напротив уже ожидал клиентов желтый автомобиль.

- Встретимся завтра, - Минсок решительно протянул пакет с вещами уже сидящему в салоне Цзытао, склоняясь к открытой двери, но не ступая внутрь.

- Подождите, - ассистент отвел его руку в сторону, - Вы должны поехать со мной. Нам нужно обсудить кое-что.

- Я...

- Это важно, - Хуан настойчивым взглядом призывал Минсока расположиться в салоне такси, - Садитесь.

- У вас очень просторная квартира, - заметил Минсок, проходя по коридору.

- Слишком, - Хуан направился на кухню, провожая взглядом архитектора, умащивающегося на графитовом кожаном диване у изножья кровати, - Заварить вам кофе?

- О чем вы хотели поговорить? – архитектор, как обычно, когда нервничает, тер свое кольцо – он явно чувствовал неудобство находиться с Хуаном наедине, теперь, когда никто вроде медсестер, врачей и случайных маленьких пациентов не мог внезапно забежать в комнату и прервать линию контакта, - Кофе не буду, спасибо – не нужно прелюдий.

- Я хочу поговорить с вами крайне откровенно. Как подобает двум взрослым мужчинам, - ассистент прошел в комнату с бутылкой минеральной воды в руке и разместился в кресле напротив, - Но, боюсь, тогда вы опять сбежите.

- Даю слово, что нет.

- Чего вы хотите? – поймав на себе непонимающий взгляд, Цзытао продолжил, - От меня. Чего вы хотите? У меня уже голова болит от догадок. Я бы подумал, что вам просто захотелось попробовать секс с мужчиной, ради интереса, но не похоже на то – иначе не стали бы сопротивляться. Тогда что? Если у вас нет намерений быть со мной – прошу, перестаньте дразнить. Даже если ваши поцелуи были жестом сострадания – пожалуйста, не стоит, такое сочувствие доставляет больше боли, чем его отсутствие. Это не корка хлеба для голодающего. Или вы до сих пор думаете о деньгах? Я знаю, вы благодарны, но я не просил отдавать долг таким способом. Просто скажите, - Цзытао глубоко вздохнул, откручивая крышку бутылки, - Планируете ли вы продолжать этот «больничный роман»? Потому что если нет – мне не нужны поцелуи, я бы предпочел вообще обходиться без физического контакта. Так будет легче и быстрее избавиться от никому не нужных чувств. Я не хочу безответно страдать. А если вы найдете в себе силы продолжить – в таком случае, поцелуев мне, опять же, будет недостаточно. Так же, как между мужчиной и женщиной, в однополых отношениях принято заниматься любовью. Вы наверняка знаете, что когда к кому-то неравнодушен – возбуждаешься от любой мелочи рядом с ним, и порой очень сложно держать себя в руках.

Минсок сидел, уткнувшись взглядом в пол, словно ребенок, которого отчитывали родители за разбитое окно в школе. Казалось, он вот-вот взорвется, поскольку явно хотел о чем-то поведать в ответ, но все никак не мог найти в себе смелости – опять превратился в нерешительного тихого Кима, которого ассистент знал пару месяцев назад. Хуан усмехнулся, запуская пятерню в копну беспорядочно зачесанных волос.

- Скажите прямо, не молчите, - Цзытао откинулся на спинку кресла, заводя ногу за ногу и

поднося бутылку с водой к сухим губам.

- Вы мне не безразличны, - Минск поднял свой взгляд к сидящему напротив, тот удивленно поднял брови, не успев сделать глоток.

- Я вам нравлюсь? – уточнил Цзытао, усомнившись, что правильно услышал.

- Да, - уверенно заявил архитектор.

- Даже учитывая тот факт, что я личная шлюха гендиректора и трахаюсь с ним за деньги? – Цзытао нарочно сказал это грубо, чтобы атаковать Минсока сомнениями, позволившими бы ему еще раз задуматься, прежде чем дать ответ на заданный вопрос.

- Я не вправе осуждать – это ваша работа.

- Вы хотите быть со мной? – в ответ архитектор кивнул, - Так почему вы каждый раз сдаете назад?

- В отношениях мужчины и женщины, во всяком случае, ясно кому какая роль предопределена...

Несколько секунд хозяин квартиры молчал, осознавая смысл прозвучавших слов, а затем ее стены наполнил звонкий хохот, отдающийся эхом в просторном помещении. Цзытао громко смеялся, словно ребенок на карусели, сгибаясь пополам и прикрывая покрасневшее лицо руками, и в истерике хватался за мягкие подлокотники. На его глазах выступили слезы, и он открыл бутылку с водой, жадно глотая ее в попытках успокоиться. Наконец он смог облегченно вздохнуть и, улыбаясь, подошел к сконфуженному Киму.

- Я уже столько всего напридумывал, - все еще подавляя смешки, ассистент склонился над Минсоком, - А вы, оказывается, в буквальном смысле просто не знали, с какой стороны подступить.

Ким, было, хотел возразить, что для него это не шутки, что пойти на такой серьезный шаг удалось ему с большим трудом, что не без борьбы противоречий Минск признался самому себе и Цзытао в своих намерениях, однако тот не дал ему и вдохнуть, чтобы начать монолог, и, положив руку на шею архитектора, притянул к себе. Хуан жадно вбирал поцелуем его губы, прижимался с такой силой, словно пытался слиться с ними. Минск чувствовал движения мягкого языка, и те опьяняли его, вызывая головокружение – он неуклюже пытался подхватить поцелуй, однако был слишком напряжен. Цзытао, заметив, что архитектор по-прежнему нервничает, разомкнул их губы.

- Это ваш последний шанс уйти, - горячо шепнул Цзытао в его ухо, и от тяжелого дыхания, обжигающего кожу на шее, по телу Минсока пробежала дрожь, - Потом я не смогу остановиться.

В памяти Минсока всплыл день, когда ассистента Хуана госпитализировали. Тогда он по кусочкам собирал воспоминания о ночи, которую Цзытао провел в его доме. Казалось, что ему это привиделось во сне, однако с каждым новым фрагментом Минск убеждался, что все происходило наяву.

Он помнил, как проснулся ночью – просто оттого, что сон внезапно прекратил рисовать перед глазами свои красочные картинки. Веки тяжело давили на глаза, поэтому он даже не пытался их открыть. Ресницы щекотало чье-то дыхание, остро режущее нюх запахом крепкого алкоголя, смешиваясь с его собственным, а сквозь одеяло ощущались вибрации ритмичных

движений. На какое-то мгновение Минсок испугался, ему хотелось вылететь из комнаты, из дома – бежать до тех пор, пока не покинет границы мегаполиса, но это желание быстро сменилось странным ощущением, тянущем в паху. Он слышал, как глухие стоны время от времени становились громче, но их всеми силами пытались заглушить, и перед глазами возникала картинка, на которой Хуан прикрывал рот рукой. Минсок будто бы смотрел на лежащего рядом Цзытао сквозь прозрачную кожу век: видел, как он прижимает ладонь к искусанным губам, как закатываются его глаза от удовольствия, как он, возбужденный до предела, отчаянно трет мокрой ладонью свой пах. Отзываясь на представление, член Минсока ответно пульсировал, и это состояние начинало необратимо сводить его с ума.

Чем мужчина может возбудить другого мужчину, человека, имеющего идентичное тело? Что может сделать такого, что показать, отчего второй в исступлении будет наминать свой пенис, будто бы сама Афродита раздвинула перед ним ноги?

Минсок вспомнил, как болезненно было лежать в ту ночь в постели с Цзытао – даже дождавшись пока тот не провалился в глубокий сон, Ким не решался так же запустить руку под тугую резинку трусов, чтобы снять напряжение, вызванное аналогичным зрелищем.

- Нет, продолжайте, - с придыханием ответил Минсок, хватаясь руками за ткань дорогого пиджака.

Хуан, одобрительно улыбнувшись, отстранился и запустил пальцы под лацканы, освобождая себя от верхней части гарнитура. Руки Минсока соскользнули вниз, ударяясь о кожаную обивку. Цзытао не торопясь расстегивал пуговицы рубашки, не сводя взгляда с Кима, который, в свою очередь, не отрываясь наблюдал за грациозными движениями его рук.

- Скажите, Минсок, - Цзытао обнажил смуглую грудь, отбрасывая в сторону рубашку, с которой так долго возился, и опуская руку к пряжке брюк, - Я возбуждаю вас? Что бы вы хотели, чтобы я сделал?

- Просто продолжайте...

- Знаете, - Цзытао наклонился, поставив ногу на диван рядом с архитектором, и его уже расстегнутые брюки болтались на бедрах, в любой момент готовые соскользнуть вниз, - Кажется, я кончу, если произнесете мое имя – вы ведь никогда прежде этого не делали.

- Я... - увесистая пряжка ремня жалобно прозвенела, столкнувшись с полом.

Сидение дивана прогнулось под весом второго тела, и Хуан сел верхом, зажимая между голыми ногами колени Минсока.

- Пожалуйста, назовите меня по имени, - влажные пальцы коснулись щеки, вызывая у Кима новую волну пульсации в паху.

Цзытао вновь коснулся языком дрожащих губ, в этот раз осторожно, чтобы Минсок раскрепощался сам, а не пересиливал себя. Архитектор неуверенно провел руками по его животу, медленно впуская Хуана в свои объятия, и тот сладострастно выдохнул, не прерывая поцелуя, едва пальцы коснулись его кожи. Цзытао нетерпеливо освобождал его от раздражающих шмоток, разбрасывая, казалось, бесконечные их слои. Он приподнял Кима за поясницу, чтобы тот мог стянуть нижнюю часть одежды, и вмиг оттолкнул его назад так, что лопатками Минсок коснулся кровати.

- Лучше там.

Минсок послушно поджал ноги и взобрался по дивану на прохладные простыни. Он смотрел на Цзытао снизу, шумно дыша, осматривал его подтянутое тело и очертания твердого члена под трусами, которые уже давно стали слишком тесными – их необходимо было убрать.

Ассистент в тот момент был похож на ожившую скульптуру Апполона - крепкую, идеально отточенную и выразительную каждым сантиметром своей бронзовой кожи, и Минсок был готов поверить, что Цзытао также обладал божественными способностями. Хуан опять перекрыл ему доступ к кислороду очередным поцелуем, устраиваясь верхом; целовал его губы, водил языком по тонкой коже шеи, заставляя Минсока вздрагивать с каждым прикосновением, осыпал влажными поцелуями его живот, нежно поглаживая грудь. Он намеревался использовать это тело сполна, поэтому когда коснулся теплым языком изнемогающего от возбуждения члена, Минсоку ничего не оставалось, кроме как судорожно хвататься руками то за простыни, то запускать пальцы в мягкие волосы, что щекотали прядями его кожу. Перед его глазами стреляли вспышки темных фейерверков, в голове будто бы бушевало торнадо, закручивая все его мысли и чувства там, где ласкал его Цзытао.

- Скажите мое имя, - он отрывал губы от розовой кожи, и от них тянулась тонкая паутинка слюны.

Минсок, однако, не был в состоянии произнести ни слова, он лишь неразборчиво мямлил, смешивая подобия слов со стонами, непроизвольно вырывающимися из его груди. Цзытао выпустил его из теплого плена своего рта и вновь прильнул к губам, смешивая со слюной впитанный им солоноватый привкус.

- Мое имя, - он отстранился и сжал ладонями лицо Кима, выжидающе смотря в его затуманенные глаза, - Назовите его.

- Ц-цзытао... - хрипло протянул Минсок, кладя руки на упругие бедра.

Хуан растянул губы, блестящие от слюны, в широкой улыбке и, прикусывая нижнюю, обхватил скользкой рукой все еще эрегированный член Минсока. Парень медленно насаживался на него, жмурясь и сводя вместе густые брови, а из его рта вырывались шумные вздохи. Выражение его лица завораживало Кима, словно гипнотическая картинка, ему нравилось наблюдать за тем, как оно менялось, являя широчайший спектр эмоций, когда Минсок сжимал ягодицы Цзытао, когда обхватывал рукой его крепкий член и гладил в такт движениям его бедер.

Цзытао впускал в себя возбужденную плоть так глубоко, насколько это было возможно – чтобы их тела соприкасались полностью, чтобы бились друг о друга, наполняли комнату звуками звонких шлепков. Он откидывал голову назад, будто бы демонстрируя изящность длинной шеи, покрытой блестящими каплями пота, словно мелкой бриллиантовой пылью, и впрямь напоминающей работу искусного ювелира. Его стоны играли свою дивную мелодию, используя Минсока словно музыкальный инструмент - цепляли своими проворными пальчиками натянутые струны его души, а те зазвонисто отдавались покалываниями по всему телу.

Минсок почувствовал, как сжимаются от оргазма мышцы Цзытао, влеча за собой волну экстаза, накрывшую их обоих, и в следующий момент на его живот брызнула вязкая сперма. Цзытао наклонился, облизав горячие губы Кима, и обессилено рухнул на смятые простыни, прижимаясь щекой к его плечу.

- Могу поспорить, вы впервые кончаете с кем-то одновременно, - обнажив зубы, он зажмурился, вытирая со лба соленый пот, - Это был мой первый раз.

Минсок перевел взгляд на Цзытао, не поняв смысла сказанных им слов, пребывая все еще в полусознательном состоянии.

- Не за деньги. Мой первый раз с тем, кого люблю.

Комната пропахла жженым табаком крепких сигарет. Электронный замок трижды отказал в доступе кому-то за дверь, отчаянно пытавшемуся попасть внутрь квартиры.

- Я закрыл дверь изнутри – снаружи ее теперь не откроешь, - Цзытао лежал на впалом животе архитектора, зажимая между тонкими пальцами сигарету, - Это гендиректор. Он уже ушел.

- Господин Чхве хороший человек, раз вы столько лет ему преданы, - Минсок перебирал пальцами мягкие пряди его волос, слипшихся от пота.

- Хороший? – Цзытао глубоко затянулся сигаретным дымом, а затем медленно выпустил его из плена своей груди, - Гендиректор – самый безжалостный человек из всех, кого я когда-либо знал. Выдавать дочь замуж за свою шлюху для того, чтобы отобрать право на наследство у собственного сына – что может быть более жестоким?

- Поймите, что?.. – Минсок привстал, ошарашено смотря на Цзытао, - Что вы имеете в виду? Замуж?

Цзытао рассмеялся, прикрывая лицо руками. Его смех больше походил на всхлипы, и совсем не было похоже, что ему весело.

- Видимо, мы еще это не обсуждали. Поздравьте: я женюсь на дочери гендиректора Чхве. Свадьба через два месяца. Судя по всему, тогда же, когда ваша жена должна родить. У нас с вами будет только два месяца, Минсок. Потом каждый должен будет заняться своими семьями, - Цзытао прикрыл руками лицо, и струйка сигаретного дыма хлестнула по его глазу, - Черт!.. - он зажал между зубами дотлевающий окурочок, вытирая слезы, - Будете моим шафером? Вы – единственный, кого я могу об этом попросить, так что, пожалуйста... Я буду рад, если вы согласитесь.

XIV. Последнее вступление

Помещение тонуло в удручающей тишине, беспощадно давящей на уставшие соленые виски. Воздух пропитался солоновато-сладким ароматом; Цзытао глубоко вдохнул его, смешивая с горечью сигареты, и на конце дымящей палочки вновь вспыхнул оранжевый огонек, едва слышно шипя.

Минсок знал, что это не продлится вечно; что конец априори мертвого детища, именуемого их близостью, наступит очень скоро. Всего два месяца – оно не успеет вырасти, сделать свои первые шажки. Он сам эгоистично – что было совсем ему не свойственно – планировал все закончить, как только настанет день «икс», но все же, можно сказать, что в глубине его души теплилась надежда на то, что они с Хуаном не разорвут отношений, продолжая хотя бы время от времени видеться. Но тогда Минсок не знал о свадьбе, после которой, как пить дать, Чхве станет держать ассистента на коротком поводке. Точнее, поводок станет еще короче, а за него будет тянуть не только гендиректор, но и все члены его семьи. Ким неоднократно задавался вопросом, мучаясь в раздумьях: а стоит ли вообще начинать, если заранее знаешь, что отношениям очень скоро придет конец? «В таком случае, людям нет смысла и рождаться, потому что в итоге каждого ожидает смерть» - давал вполне логичный ответ голос разума. Но, черт возьми, как же приятно иногда не думать о будущем – отбросить все мысли о последствиях, наплевать на окружающих и просто наслаждаться настоящим, происходящим здесь и сейчас!

- Почему вы женитесь на ней? – Минсок вырисовывал пальцем на лбу Цзытао замысловатые узоры, видимые лишь ему самому.

- Потому что так сказал гендиректор, - шепотом ответил Хуан; казалось, эта фраза была его жизненным кредо, повторенным уже более тысячи раз.

- Но вы могли отказаться. Это из-за денег?

- Да, из-за денег... Из-за денег, которые позволили моей матери провести остаток жизни, ни в чем не нуждаясь, а мне – из мусора превратиться в человека.

- И сколько же он заплатил за вашу жизнь целиком? – язвительные нотки прорывались в тихих словах Кима.

- Дело не в том, сколько он платит, - Цзытао повернулся на бок, ловя на себе внимательный взгляд архитектора, - Просто у меня нет других перспектив. Я не из тех педиков, которые на каждом шагу орут о своих правах, якобы ущемляемых, которые требуют узаконить однополые браки по всему миру, лижутя под каждым фонарем со своим бойфрендом, мечтают работать в радужном кафе гей-квартала. Не из тех, как и вы. Я учился, вкалывал до потери пульса в университете и на работе, затем здесь, терпел все это дерьмо, которым меня обливали напыщенные суки с завышенной самооценкой. Я могу по листочкам разобрать нашу компанию, потому что последние несколько лет отдавал ей все свои силы – да вы в каждой мусорной корзине найдете кусок моей плоти. Я сплю по пять часов, но у меня есть квартира, автомобиль...

- Автомобиль? – переспросил Минсок, так как еще ни разу не видел, чтобы ассистент ездил на личном транспорте.

- Да, чудный BMW Z4! А еще несколько счетов в банке и собака, - Минсок завертел головой, пытаясь взглядом найти в квартире животное, - Дочь гендиректора ее забрала на время, пока я болею. Я не бахвалюсь, Минсок. Я всем обязан господину Чхве и даже представить уже не могу, как бы жил без него. Вы бы на моем месте что делали? Трудно уйти от воли человека,

который вытаскивал тебя из помойной ямы, невозможно отказать, когда он говорит тебе сделать какую-то мелочь взамен на все то, что дал.

- А как же ваши собственные желания? – Цзытао обронил смешок, прикрыв глаза рукой, но Минсока не смутило такое явное указание на свою наивность, - Вы хотите этой свадьбы?

- А вы хотите ребенка? – лукавая улыбка растянулась на лице Хуана, - Его рождение неизбежно так же, как и моя женитьба. Нельзя хотеть или нет – это случится, и мы должны смириться с тем, что нас ждет. Вы не откажетесь от своего дитя, от женщины, на которой женаты, ради... чего? Если задаете кому-то подобные вопросы, то, по крайней мере, должны сперва спросить об этом самого себя. Вы ведь понимаете, что будь все по-другому... Боже, я даже не могу представить, чем все тогда обернулось бы. В голове просто пустота, когда думаю об этом. Все так, как и должно быть. Во всяком случае... Я не хочу тратить наше время на разговоры о будущем, которое никогда не настанет.

- Да уж, - Минсок откинул голову назад, закрыв глаза.

Цзытао сполз на простыни, укладываясь рядом с Кимом на мягкие подушки. Их плечи соприкасались, не прекращая телесный контакт. Несколько минут они молчали, слушая, как воздух врывается и вновь покидает грудь друг друга.

- Люди не так, обычно, представляют свои отношения, - Минсок повернул голову к ассистенту, и тот, почувствовав горячее дыхание на своей коже, повернулся ответно, приготовившись слушать собеседника, - Все строят планы, обещают друг другу долгую и счастливую жизнь... Как-то так.

- Вы хотите, чтобы я вам врал, Минсок? Даже притом, что сами знаете правду? – привстав, Цзытао нежно коснулся рукой щеки архитектора; в карих глазах, где-то глубоко в них, отчаянно металась скрытая грусть, не чуждая и самому Хуану, - Я не могу обещать вам любви до гроба, но, по крайней мере, на это время... Давайте проведем его... максимально.

- Устроим что-то вроде медового месяца? – Минсок обнажил белые зубы, и печальный огонек в его глазах, казалось, угас.

- Да, - громко рассмеялся Цзытао, - Медовый и сладкий, чтобы аж челюсти сводило! С перерывами на работу, подготовку к свадьбе и рождению ребенка.

- Вам не нужно было в лишний раз напоминать об этом... Давайте просто представим, что не знаем, когда все кончится.

- Я согласен.

Юна вертела в руках статуэтку Будды, привезенную в качестве сувенира одной из своих университетских подруг. Покрытый позолотой, Будда умиротворенно сидел в позе лотоса, глаза его были прикрыты, а в руках он будто бы держал целый мир – посему должен был находиться в непрекращающейся гармонии с самим собой, чтобы тот не рухнул.

- Да, мам, - Юна глубоко и часто вздыхала, потому как многочисленные вопросы, которыми осыпали ее при каждом телефонном разговоре родители, всегда ее выматывали, - Да, мам. Да. Нет. Минсок... Тот человек, который заплатил за нас долг ростовщикам, помнишь? Господин Хуан. Он какое-то время лежал в больнице, и нет никого, кто бы мог за ним ухаживать, так что это делал мой муж. Ну, не знаю... Сегодня господина Хуана выписывают – так что, думаю, на днях вы с папой сможете встретиться с ним и Минсоком. Только они всегда

заняты, так что вам придется подстраиваться под их расписание, если хотите увидеться. Да, да. С ребенком все хорошо, мы оба в хорошем настроении. Да, мам, конечно.

Чтобы стать членом чьей-то семьи, не обязательно быть одной крови или оформлять какие-то документы. Достаточно погасить ее долги и уверить, что это безвозмездно – и старшие автоматически воспринимают тебя как сына, а остальные – как родного брата, а, может, и любовь всей жизни. Юне казалось, что даже ее семья попала под чары Хуан Цзытао. Смешно, но они ни разу с ним не встречались, не видели даже на фотографии, понятия не имеют сколько ему лет, да и имя вряд ли запомнили. Тем не менее, начали относиться к благодетелю как к сыну, который давным-давно потерялся и только сейчас наконец смог вернуться.

Воспитанность – невежливо даже не повидаться с тем, кто спас все твоё семейство от нищеты и смерти, это вполне очевидно. Однако за гранью понимания Юны находилась чрезмерная озабоченность ее мужа господином Хуаном. Ким всегда был добрым, человеком с высокими моральными принципами – девушка об этом знала. Но ее муж никогда раньше не сблизился с людьми до такой степени, что проводил с ними почти все свое свободное время. Даже в его студенческие годы не было таких закадычных друзей, и вот, приближаясь к тридцати годам жизни, Минсок нашел себе такого приятеля. И угождал ему не потому что тот являлся выше Кима по должности, что заплатил за него огромный долг – Минсоку действительно было не все равно, и показывал он это настолько очевидно, что Юна, не будь его женой, подумала бы, что Ким влюблен в того китайца. Глупо, но эти мысли сложно было прогнать, и они заставляли Юну не на шутку ревновать мужа.

Из коридора послышался щелчок замка. Юна подвела итог в своих размышлениях, списав все на бушующие гормоны в организме, и, выпустив из рук умиротворенного Будду, подбежала к двери, где ее улыбкой встретил Минсок.

- За тобой нет хвоста?

- Нет.

- Уверен?

- Я не впервые этим занимаюсь, меня никто не видел.

- Хорошо. Принес?

- Да, - рука, обтянутая тонкой кожей перчатки, скользнула за пазуху, вытягивая стопку сложенных пополам бумаг, - Кажется, служба безопасности что-то подозревает. Они начали совать свой нос везде куда не лень – теперь мониторят каждую операцию копирования и отправки документов. Чувствую себя под мушкой все время. Эти распечатки должны были уничтожить, но я сохранил их.

- Ясно.

- Но за мной точно никто не шел.

- Я верю, - черные глаза впились изучающим взглядом в текст, - Можешь идти.

- Я хотел узнать...

- Да?

- Мы и дальше будем продолжать эту муть с поставщиками? В смысле... Когда все закончится? Будет какой-то финальный удар или типа того? Спрашиваю, потому что не хочу влипнуть. Мне нужна подстраховка.

- Ты все узнаешь своевременно.

- Да, но я хочу...

- Это не твое дело. Какая в жопу подстраховка? Тебе уже заплатили. Будь у тебя хоть дюжина детей – тех денег хватило бы, чтобы их вырастить. Так что вали, пока я тебе твой пытливый рот бетоном не нафаршировал.

Узкие губы скривились, показывая недовольство. Мужчина ступил назад; широкая, но сторбленная спина медленно отдалялась, и вскоре его силуэт растворился во мраке узкого переулка.

- Подстраховка, блять... Нет, Джимин, ты слышал? – парень, получатель вопроса, солидарно растянул рот в насмешливой улыбке, и стопка бумаг в его руке зашуршала, скрываясь в спортивном рюкзаке, - Кому и нужна подстраховка – так это мне. От дебилов в деле. Напомни, чтобы я потом от него избавился.

- Напомню, - Джимин надел кепку, закрывающую половину его лица, - На сегодня все?

- Да. Не забудь о четверге. Пришлю за тобой кого-нибудь. Это приличное мероприятие, так что оденься понарядней. Ну, чтобы похож был на меня, ясно? Черт, уже не терпится увидеть радость на его лице!

XV. Приятель

Удивительно, как может все измениться в один миг, словно по щелчку пальцев. Повседневность стала похожа на одну из диснеевских сказок, когда каждый день ярко светит солнце, животные поют песни о том, как же хорошо жить, а сам ты, как главный герой, утопаешь в счастье вместе с любовью всей своей жизни. Конечно, в действительности все происходило совсем не так, но наедине с Цзытао Ким чувствовал себя словно принцесса из детского мультфильма.

Даже родители Минсока и Юны стремились встретиться с «легендарным спасителем», господином Хуаном, поэтому знакомства с ними, можно сказать, было не избежать. Несмотря на опасения Цзытао, обе семьи во время семейного ужина в скромном доме родителей Минсока, что находился в Ансане, приняли его вполне радушно с широкими улыбками на лицах и, видя их, на душе становилось ладно – это были те люди, которым Цзытао помог своим вмешательством, и приятно было осознавать, что оно пошло на пользу. Деньги, которыми он выплатил их долг, изначально предназначались для Мингжу, матери Хуана, но после смерти женщины они остались без назначения, поэтому Цзытао нисколько не жалел, что избавился от денег таким образом. Находясь среди родных Минсока, Цзытао чувствовал себя более, чем уютно, в отличие от пребывания в доме семейства Чхве, где всегда царила напряженная атмосфера.

Тем не менее, ассистент был вынужден терпеть боль от навязчивых уколов совести, ведь Минсок держал их отношения в тайне от близких (еще бы), и вряд ли они догадывались, что на самом деле происходило между мужчинами. Это было лицемерием в чистом виде, однако выхода не оставалось. В конце концов, человек вправе быть эгоистом и ставить свое счастье выше интересов других.

Так как ассистенту Хуану было противопоказано пить, они с Минсоком стали встречаться у Цзытао дома – почти не вылезали из постели, бывало, просто разговаривали ночи напролет, не испытывая необходимости выпускать друг друга из жара объятий. Трудовые будни – некоторые из них, когда Цзытао мог себе позволить оторваться от бумажной работы касательно других проектов и оставить гендиректора без дополнительной помощи – проводили в парке, над которым полным ходом шли работы по озеленению; неторопливо гуляли по еще несозданным аллеям, и казалось, что мира вокруг них не существовало. В таком размеренном темпе несправедливо быстро пролетели двадцать восемь дней – почти месяц – половина уготованного им времени.

Минсок увлеченно объяснял ход дел на площадке – что, как и когда было произведено в каждой из зон. Ким говорил без остановок, взгляд его был прикован к чертежам и заметкам, и всякий раз, когда блеск его темных глаз сверкал в сторону ассистента, ловящего этот взгляд, Минсок скороспешно вновь прятал его, отчего-то смущаясь, словно девица. Цзытао, в свою очередь, не мог перестать смотреть на губы архитектора, которые от потока слов быстро высыхали, и тот каждый раз облизывал их, смачивая слюной – в памяти Хуана всплывал каждый момент, когда он смаковал их, ловил безрассудные движения мягкого языка и наслаждался сладостью сумбурных ласк; как Минсок жмурил глаза от дуновений ветра, как его ресницы блестели в ярких солнечных лучах. Цзытао не слушал Кима, его абсолютно не интересовали

дела парка, хоть такое отношение к работе было абсолютно ему не свойственно, ассистент лишь думал о возможности снова обнять его, спрятаться в стенах зеленого лабиринта и целовать до тех пор, пока не кончится воздух. А Минсок, похоже, замечал это, поэтому без устали болтал, чтобы самому не сорваться и не прижать Хуана к первому же встречному дереву.

Он никогда и подумать не мог, что станет снова вести себя как подросток, пребывающий в перманентно возбужденном состоянии: когда прячешься от родителей и всего мира, придумываешь отговорки, чтобы встретиться с тайной пассией, украдкой целуешься с ней за углом, а от риска попасться кому-то на глаза происходящее кажется еще более волнующим, поэтому все, чем заполнена твоя голова – это мысли о поцелуях и занятии любовью. Да и вообще, влюбленность – такое глупое состояние, психическое расстройство, опасное для окружающих. Человек становится неконтролируемым, одержимым, пренебрегает своими обязанностями и здравым смыслом. Впрочем, даже понимая это, Минсок наслаждался присутствием Цзытао, а когда они расставались, был вынужден, казалось, бесконечное количество раз исправлять все косяки, что допускал на работе из-за отвлеченности Хуаном, но при этом все равно не переставал думать о нем.

- Ассистент Хуан, - Минсок наконец оторвал взгляд от чертежей переведя его на рядом идущего собеседника.

- Просто зовите меня по имени, - Цзытао растянул губы в улыбке, кладя руку архитектору на плечо.

- Кто-то может увидеть, - Ким раздраженно отряхнул ее, сжимая бумаги, - И услышать. Вы... Завтра ведь у вас помолвка?

- Точно! Уже завтра?.. – ассистент сказал это так праведно удивившись, что Минсок и впрямь готов был поверить, будто бы Хуан забыл о ней, потерявшись во времени, однако архитектор прекрасно знал, что Цзытао не провел и минуты, не думая об этом дне на протяжении всего месяца, - Госпожа Чхве хочет устроить торжество в кругу ближайших родственников. Я никогда не вписывался в их семейные празднества – тем более, это и не моя семья вовсе.

- Вы справитесь, - Минсок поднял руку к груди, сжав кулак в поддерживающем жесте.

- Ну, выбора-то особо и нет, - усмехнулся Хуан, - Мы могли бы встретиться после этого.

- Не думаете, что будет уже слишком поздно? – каждая клетка в организме Кима стремилась выкрикнуть «Да! Да!», однако Минсок стал замечать, что общение с Цзытао сделало его слишком покорным и совершенно безотказным, словно собачонку, что, несомненно, подрывало его достоинство мужчины, поэтому Ким пришел к выводу, что было бы уместно воспротивиться воле молодого ассистента (или хотя бы попробовать это сделать).

- Пожалуйста, хотя бы на час, - просьба Цзытао погранично походила на мольбу, - Мне сложно находиться среди тех людей – будто все время под пушечным прицелом, и я, наверное, умру, если не увижу вас после такой моральной пытки!

- Хорошо, я постараюсь незаметно улизнуть, - вздохнув, Минсок слегка закатил глаза, что должно было показать его якобы неохоту; тем не менее, актер из Минсока, как и прежде, был никудышный (или же все его артистические способности сходили на нет под влиянием молодого ассистента).

- Знаете, одна мысль не дает мне покоя... Лабиринт, он уже готов?

- Да, я же говорил об этом пару минут назад, - возмущенно заметил Ким.

- Пройдем к нему, у меня есть несколько вопросов.

Мужчины не спеша шагали вдоль незаконченной аллеи молодых деревьев багрянника, где-то позади громкие мужские голоса, отдаваясь, не переставали напоминать о присутствии рабочих, однако Цзытао изо всех сил старался их игнорировать, не думать о том, что кто-то, помимо них с Минсоком, разделял те благодатные минуты наедине.

- Хочу посмотреть как обстоят дела внутри, - Цзытао шагнул вглубь зеленого коридора, не оставляя архитектору выбора, кроме как следовать за ним.

- Так о чем вы хотели спросить? – поинтересовался Минсок, когда ассистент остановился в середине лабиринта, где располагался небольшой уютный пятачок с тремя деревянными скамейками, расставленными по кругу.

Цзытао развернулся, бросив шальной взгляд на Минсока, и тот понял, что ассистент собирался сделать что-то глупое и абсолютно безрассудное, самим Кимом страстно желанное, однако совершенно неподобающее в данной ситуации, поэтому приготовился сделать несколько шагов назад, дабы уберечь их обоих от ненужных проблем. К счастью или сожалению, реакция Хуана оказалась быстрее, поэтому в следующий миг Ким уже оказался прижат к стене лабиринта, чьи ветки не больно, но ощутимо впивались в спину архитектора.

- Нет, что вы делаете?! Кто-то ведь может увидеть! – руки Минсока напряглись в попытке вытеснить ассистента из своего личного пространства, однако приложенная к толчку сила была превратно мала.

- Крики привлекают гораздо больше внимания, - прикрыл ему рот Цзытао, и Минсок тут же смолк, осознав, что тот прав; руки, недавно пытавшиеся его остановить, ослабленно сползли вниз.

- Они так отросли... - Цзытао наклонился к Минсоку, пропуская между пальцев мягкие локоны волос архитектора, и тихо прошептал ему на ухо, - Вам следует уже подстричься.

Раз, два, три – и они, уже не в силах сдерживать себя, терлись телами, жадно поглощая друг друга. До исступления, до боли – Цзытао закусывал губы архитектора, вожаденно теребил их мягким языком, страсть сменялась нежностью, невесомыми касаниями; прижимался с такой силой, словно нимфа Салмакида, возжелавшая навеки слиться воедино с Гермафродитом. У этого поцелуя был вкус отчаяния. Он въедался горькой сладостью в губы, будто бы они соприкасались в последний раз – словно на прощание. Минсок чувствовал это и, несмотря на свое беспокойство, что кто-то сможет застать их – двух мужчин, преступно прильнувших друг к другу среди коридоров зеленого лабиринта – позволял Цзытао ласкать себя, полностью вверяясь его власти.

Все происходило чересчур быстро, опустились даже все свадебные традиции. Слишком многое говорило о том, что планируемый брак собирался превратиться в очередную папку среди документов бизнеса Чхве. Сделав глубокий вдох, Цзытао решительно переступил порог дома гендиректора. Госпожа Чхве, наряженная в ханбок, традиционное одеяние, встретила его, приветливо поклонившись жениху дочери и обнажая красивую, убивающую своей добротой, улыбку. Хуан ответно усмехнулся, в следующий миг почувствовав теплые ладони, мягко заточившие его руки в плен.

- Я рада, Цзытао, - глаза женщины напоминали сверкающие молодые месяцы, - Рада, что ты скоро станешь частью нашей семьи.

- Я тоже, - не колеблясь соврал парень.

- Гости еще не съехались, - объясняла Хесу, провожая Цзытао в просторную комнату, - А вот Джунгым уже на месте. Сказала, что ей не терпится с тобой познакомиться.

В гостиной, сидя на диване рядом с Чхве Шиваном, ожидала своего жениха дочь гендиректора – Цзытао понял это сразу же, потому как та удивительным образом походила на мать, а на руках у нее сидела болонка Хуана, о которой девушка заботилась некоторое время – Джунгым встала, как только заметила вошедшего в комнату незнакомца.

Чхве Джунгым была высокой, внешности традиционно азиатской, с черными волосами до плеч; девушкой, подходящей больше под западные стандарты красоты, которая не стремилась выбеливать лицо до тех пор, пока на нем не останется и малейшего оттенка натуральной кожи, не обращалась к пластической хирургии, чтобы сделать двойное веко и подпилить подбородок, не рисовала мешки под глазами, чтобы те казались больше. Румяна подчеркивали ее и без того выразительные скулы, брови были густо наведены карандашом, на глазах из косметики была лишь тушь, губы блестели от помады естественного оттенка. Одета она была в короткое платье без бретель из грубой ткани, облегающее стройную фигуру, и своим золотистым свечением поистине ослепляя. Пожалуй, Джунгым можно было назвать настоящей красоткой, ведь она действительно была способна надолго приковать к себе чей бы то ни было взгляд.

- Знакомьтесь: Джунгым, моя дочь, - гендиректор с улыбкой на лице подвел девушку за руку.

- Приятно познакомиться, - она поклонилась, выпуская из рук щенка.

- А это Хуан Цзытао, мой личный ассистент и твой будущий муж.

- «Твой личный шут», ты хотел сказать? – появившийся словно ниоткуда Джунки встал рядом с сестрой и с презрением улыбнулся, скрестив руки на груди.

- Брат, ты чего? – пнула его в плечо Джунгым, видимо, еще не введенная в суть негласного конфликта между молодыми мужчинами.

- Ты мог бы хотя бы сегодня не портить всем нам вечер? – Шиван смирил сына тяжелым взглядом.

- Да я же просто шучу. Простите, ассистент Хуан... - парень смеясь развел руками, а затем дружественно протянул правую Цзытао, - ...Если задел вас. Мой юмор довольно специфичен. Отец не понимает его, как и моего образа ведения бизнеса. Может, потому что уже стар. Но у нас-то с вами разница в возрасте всего ничего – должны лучше понимать друг друга, не так ли? Ассистент Хуан, вы же не обижаетесь? – слова Джунки звучали наигранно вежливо, сквозь каждый произнесенный им звук сочилась желчь, уголки его губ подрагивали в улыбке, в то же время норовя скривиться в отвращении (замечал ли это только Цзытао среди всех присутствующих?); молодой мужчина застыл в ожидании рукопожатия, пристально смотря Хуану в глаза.

- Нисколько, - так же фальшиво дружелюбно заверил его ассистент, ответным жестом протягивая руку, - Меня не так легко обидеть.

- Вот и славно, - младший Чхве нарочито сильно сжал кисть Цзытао, без слов давая понять, что это представление для семьи, игра в друзей, ограничится лишь сегодняшним вечером, - Так что? – Джунки обратился к сестре, выпуская из захвата руку Хуана, - Как тебе он? Сойдет на роль жениха?

- Да, он привлекательнее, чем я ожидала, - смеясь заметила Джунгым.

- Ну, по крайней мере, подружки не будут подкалывать тебя по поводу мужа-урода, как, обычно, случается при браке по расчёту, - младший Чхве, заметив на себе очередной неодобрительный взгляд отца, поспешил объясниться, - Да шучу я, расслабьтесь. Скоро должен подъехать мой друг, я пригласил его на ужин, так что палить своими шуточками буду в него. Ну, а пока я вас оставляю.

- Это мои друзья, - Джунгым представила молодых людей, смуглых черноволосых парня и девушку европейской внешности, стоящих рядом с ней и мило улыбающихся, но, судя по всему, мало что понимающих из корейской речи, - Моника и ее парень Гаспар, мы учились вместе во Флоренции, а это Раим, - девушка указала на остроскулую азиатку с короткой стрижкой, - Моя подруга со школы.

Когда наконец все присутствующие представились, молодых жениха и невесту госпожа Чхве отправила в сад, заботливо прощепетав, что хочет, чтобы те наедине пообщались друг с другом – видимо, женщина хотела создать для них романтическую атмосферу. Похоже, она вообще не догадывалась о том, что ассистента не привлекают девушки.

- Я могу на «ты»? – не медля обратилась к нему Джунгым, - Прожив в Италии, я поняла, как эти формальности усложняют жизнь и общение с людьми... - Цзытао утвердительно кивнул головой, - Перейду сразу к делу. На самом деле, у меня есть парень во Флоренции, - без тени стеснения призналась она, - Мы любим друг друга, и я не собираюсь бросать его после нашей с тобой свадьбы.

- Ты и не обязана.

- Да, только вот все равно не смогу открыто встречаться с другим мужчиной. Не так давно отец говорил, что ничего не имеет против, но сейчас настаивает, чтобы я бросила любимого человека. Бред. Но я собираюсь с ним видеться тайно. И ты будешь меня прикрывать. Будешь ведь? А я – тебя.

- Меня незачем прикрывать.

- У тебя нет девушки? – недоверчиво спросила Джунгым, пристально всматриваясь в лицо Хуана, - Или парня? – Цзытао, ничего не ответив, опустил взгляд на носки своих туфель, - Ты ведь гей, я права?

- Это ничего не меняет.

- Так и знала! – в саду благоухающих растений прозвучал звонкий хлопок маленьких ладош, - Знаешь, я так обрадовалась, когда тебя увидела. Твой внешний вид, голос, манера речи, жесты, взгляд... Ты смотришь на меня, но ничего не ёкает – я вижу это. В Европе люди более открыты, у меня есть друзья нетрадиционной ориентации, так что я легко могу это распознать. Звучит странно, знаю. Я отношусь к этому «умению» как к суперсиле, которая, на самом деле, почти ни в чем мне не бывает полезна, - Джунгым хихикнула, вызывая непроизвольную улыбку на лице Цзытао, - Во всяком случае, ты ведь не собираешься оставшуюся жизнь провести в монастыре – так что наше сотрудничество должно быть взаимовыгодным, договорились? Поможешь мне?

- Ну, думаю, с будущей женой лучше дружить, - Цзытао обнажил белые зубы.

- Окей, тогда заключим наш договор рукопожатием – мама наблюдает из-за окна.

Неожиданное появление союзника не могло не сконфузить ассистента – вдруг Джунгым сотрудничала заодно со своим братом, и это была какая-то хитрая ловушка, в которую, как рассчитывалось, должен был угодить Цзытао? Он был бы рад узнать, что младшая из Чхве еще

не успела попасть под влияние Джунки, который, судя по всему, мечтал увидеть ассистента распятым на кресте посреди горящего поля. Побеседовав с девушкой еще немного, Хуан остановился на варианте, что, возможно, Джунгым была достойной доверия. Во всяком случае, до тех пор, пока он не понял, в чем мог заключаться подвох.

После непродолжительной прогулки в саду пара молодых людей вернулась в дом. К тому времени приехали еще три не знакомые Хуану семьи, среди которых были и маленькие дети – резвые и шумные, они не стеснялись в открытую пялиться на жениха, пред ними представшего также впервые. Цзытао казалось, что их глаза были полны страха и презрения более, чем интереса к новому персонажу.

Вся семья прошла к столу, усаживаясь на стулья, обтянутые кремовым хлопком с нежной вышивкой. На ослепительно белой скатерти яркими красками пестрили праздничные блюда корейской и европейской кухни. Когда все присутствующие заняли свои места и уже приступили к трапезе, в дверном проеме показалась горничная, приведя за собой человека. Он вежливо поклонился, громко здороваясь.

- Простите за опоздание, - он расстегнул свой пиджак, раскрепощенно улыбаясь незнакомым людям.

- Джимин, ну наконец-то! – младший Чхве выбежал к нему, встречая дружеским объятием, затем развернулся к семье и представил прибывшего гостя, похлопывая его по спине, - Это Ли Джимин, мой лучший друг и коллега!

Когда Цзытао поднял голову, все его тело будто бы оцепенело: рядом с Джунки стоял тот самый Джимин, с которым они работали в „Milky Way”, пока Чхве Шиван не решил распустить всех сотрудников и прикрыть заведение. Он, точно он – из плоти и крови, здесь и сейчас, стоял и надменно улыбался, смотря Цзытао прямо в глаза, а затем, увидев еще одно знакомое лицо, перевел свой взгляд на главу семьи и, казалось, был также несколько удивлен.

Старший Чхве замер, радость с его лица медленно стиралась, растворялась, словно восковая маска, он побледнел, а руки начали труситься, стуча столовыми приборами по тарелке. Гендиректор не посвящал семью в дела „Milky Way” и о роде его деятельности, жена и дети вообще не знали, что помимо компании, у него был бизнес на стороне. Точнее, не должны были знать.

Ничего не подозревающие гости ответно улыбались Джимину, принимая его в свой круг, но между тремя мужчинами царило напряжение, из глаз их едва не сыпались искры. При таком раскладе и кусок в горло не лез, однако Цзытао, переступая через себя и подавляя рефлексы вернуть содержимое желудка на тарелку, подносил к губам очередной кусок праздничного лакомства, и тот лениво скрывался у него во рту с надеждой больше не возвратиться на блюдо. Гендиректор также старался поддерживать невозмутимое выражение лица, не подавать виду свое беспокойство и, казалось, удачно проворачивал данную авантюру.

Минута тянулась словно час, а пребывание в кругу радостно чавкающих незнакомцев, жадно пожирающих содержимое многочисленных блюд, становилось для Цзытао все более невыносимым.

Отулыбавшись остаток вечера на полжизни вперед, Хуан едва смог дожидаться, когда все гости отправятся восвояси. Мать с дочерью удалились в одну из спален, а на радостях изрядно выпивший Шиван закрылся в своем кабинете, перед этим сообщив ассистенту, что тот останется на ночь в его доме. Помимо Цзытао, в нем остались лишь его постоянные жители и особый друг, именованный «Ли Джимином». Он, как и прежде, не сводил глаз с ассистента, оставшись сидеть за столом и переговариваясь о чем-то с подвыпившим Джунки (Хуан заметил, что в этом состоянии он до ужаса напоминал отца, схожесть с которым так рьяно старался отрицать), а когда младший Чхве, едва стоя на ногах, отлучился в уборную, парень подошел к Цзытао и торопливо вручил ему клочок бумаги.

- Через час, - шепнул он, отскакивая от ассистента на прежнее место будто бы теннисный мяч, а когда Джунки вернулся, Джимин обреченно потащил его на второй этаж, чтобы уложить в постель.

Как и было велено, спустя час Цзытао уже стоял у садовой альтанки, ожидая собеседника.

- Простите Минсок, все изменилось. Встретимся завтра на работе, - Хуан закончил разговор, наспех пряча телефон в кармане брюк, - Давно не виделись, Джимин.

- Да уж, давненько, - парень встретил старого знакомого с ухмылкой, - С тех самых пор как вы с Чхве всех кинули.

- Всё было не так. Если бы клуб не закрылся – мы все оказались бы за решеткой, не было другого выхода.

- Да? А ходили слухи, что был, - Джимин достал из кармана пачку сигарет и, закурив, блаженно затянулся горьким дымом.

- Хочешь сказать, мне стоило стать куколкой прокурора? Позволить ему медленно убивать себя, отрезать по пальцу, чтобы все вы дальше могли спокойно продолжать отсасывать у чиновников?

- Почему бы и нет? Разве сейчас ты не этим же занимаешься? С директором. Скажи: ты как-то по-особенному его трахал... нет, трахаешь, «ассистент Хуан»? Настолько классно, что этот мудака Чхве предпочел променять на твою задницу „Milky Way” и выкинуть нас как мусор? Ты что, блять, особенный?

- Повторяю: все было не так, - Цзытао выбил изо рта Джиминына сигарету, схватив его за пиджак, - На клуб готовилась облава – это был единственный способ всех уберечь! Ты, сукин сын, «спасибо» говорить должен директору, что он вообще подумал о своих подчиненных!

- О, огромное спасибо, – парень грубо убрал руку Цзытао, однако лицо его не выражало никаких эмоций, - Мне любопытно просто: ты его яйца вместе с ногами заглатываешь, что ли? В чем так хорош, в чем твоя особенность? Какова причина, по которой он отказался отдать тебя прокурору?

- Думай что хочешь. Я не обязан перед тобой оправдываться.

- Ты не обязан, - шумно выдохнул Джунки, вновь поджигая табачную палочку, - Я знаю, что не в твоих силах было что-то изменить, ты был тогда всего лишь шлюхой своего босса, как и остальные. Я тебя не осуждаю и не ненавижу, но из всех нас, получается, один ты остался в шоколаде после того, как „Milky Way” распустили. Только посмотри на себя: как Золушка... сраная китайская Золушка с членом. Я все задаюсь вопросом: чем ты лучше меня? Хотя сейчас уже не важно, я вполне счастлив. У меня есть стабильная работа у Джунки, девушка, мы вместе снимаем небольшую квартиру... В некотором смысле благодаря тебе. Не думаю, что мог бы жить как нормальный человек, все еще работая в „Milky Way”.

- Я рад, что у тебя все хорошо, - Цзытао взял безмолвно предложенную Джимином сигарету.

- Да, но... - парень умолк, все не решаясь озвучить то, ради чего назначил тайную встречу, но, сделав пару глубоких затяжек, вновь заговорил, - Скажу это только потому, что когда-то мы были друзьями: тебе пиздец, Тао. Просто будь готов. Уж не знаю, какие у Джунки терки с его батей и тобой, но лучше завтра же вали куда подальше – тебе нельзя оставаться в компании.

- Вы с Джунки ведь в одной лодке, зачем рассказываешь мне об этом?

- Сказал же, блять: из-за былых времен! – нервно струсил пепел Джимин, - Хоть и работаю на него, я против таких методов. Просто знай, что те, кто когда-либо переходил ему дорогу, лежат сейчас где-то глубоко под землей – хорошо, если целиком. И нихрена я тебе не рассказываю, просто даю дельный совет.

- Что ты имеешь ввиду, говоря, что мне нельзя оставаться в компании?

- То и имею, - отрезал Ли, явно не желая углубляться в подробности.

- Так, значит... за кражами в „Top Green” стоит младший Чхве? – Цзытао боялся, но давно уже понял, что ответ на этот вопрос будет положительным.

- Это твои слова, - Джимин ковырял землю носками отполированных туфель, глубоко затягиваясь ароматным табаком, - Джунки позвал меня сегодня, чтобы заставить тебя понервничать, но он многого не знает. Только то, что мы работали вместе и разводили клиентов на бабки в сомнительном заведении. Я больше ничего ему не рассказывал, потому что сам не горжусь прошлым, но он мог сам пробить, чем еще мы там занимались. Я, кстати, понятия не имел, что наш бывший босс – его папаша. Неожиданно было увидеть его здесь.

- Как Джунки, вообще, нашел тебя?

- Мы познакомились, когда он набирал людей в свой ночной клуб, спустя где-то полгода после закрытия „Milky Way”, а о тебе Джунки узнал случайно, когда мы выпивали вместе – увидел наше с тобой совместное фото на телефоне. Вот так: Сеул, получается, тесен как щель монашки, черт ее дери.

- Ясно.

Старые приятели молча превращали в пепел остатки табака. Его запах смешивался со сладкими цветочными ароматами, витавшими в воздухе, и щекоча наполнял грудь. Почему-то было странно видеть Джимины при естественном освещении, в нормальной одежде – казалось, он был совершенно другим человеком – возможно, успел измениться за время, что они не виделись, а, быть может, был таким всегда. Когда-то они дружили. Когда-то. И однажды Джимин почувствовал себя преданным, узнав личность директора клуба перед самым его закрытием. Цзытао было сложно понять причину этой обиды, он не раз пытался добиться от Джимины правды, однако тот предпочел сохранить все в тайне от глупого китайского предателя.

- Спасибо, что встретился со мной... Ли Джимин, значит? Не думал, что это твое настоящее имя, - выбросив окурок, Цзытао протянул правую руку парню, зная, что, скорее всего, они больше не встретятся.

- А оно и не настоящее, – холодно улыбнувшись, парень сжал его кисть в рукопожатии, - Или за идиота меня держишь?

Впрочем, отдаляясь, со спины он выглядел точно как *тот* Джимин из „Milky Way”.

XVI. Феерия

Увесистая дверь едва скрипнула, впуская в кабинет Цзытао. Директор расслабленно развалился на диване, претенциозно обитом крокодильей кожей, откинув голову на спинку и прикрыв глаза. В руках он держал стакан с виски, без которого Чхве Шивана уже сложно было себе вообразить. Со стороны выглядело, будто бы тот уснул, однако стоило Хуану подойти поближе, он увидел, что глаза мужчины распахнулись, как только тот услышал его шаги.

- Гендиректор... - неуверенно начал Цзытао, - Мне нужно с вами поговорить, это насчет „Тор Green”.

- Дела компании будем обсуждать в рабочее время, - Чхве пренебрежительно махнул рукой, а затем в очередной раз отпил из стакана.

- Это важно, - настоял ассистент.

- Я что, неясно выразился? Не видишь, что я, мать твою, пьян? У меня нет сил говорить о работе.

- Я бы не беспокоил вас, если бы это могло подождать.

Гендиректор удивленно поднял брови – Цзытао впервые воспротивился его воле; в его глазах читалось беспокойство, и он не намерен был сдавать назад. Шиван провел рукой по губам и, шумно выдохнув, выпрямил спину и поставил стакан на журнальный стол перед собой; удар толстого стекла о древесину издал громкий звон.

- Говори, - рассредоточенный от алкоголя взгляд Чхве устремился на ассистента.

Цзытао, глубоко вдохнув, принялся посвящать гендиректора в происходящее в „Тор Green”. Он уже слишком долго оттягивал этот разговор, о чем безгранично жалел – теперь рассказывать обо всем было еще сложнее. За все время накопилось слишком много информации, каждая деталь имела значение, и упущение хотя бы одной могло повлиять на дальнейшую судьбу всей компании. Цзытао не стоило оправдывать свое затянувшееся молчание беспокойством о здоровье директора, как и нельзя было пытаться разобраться со всем самому. Хоть он и воспользовался помощью старых знакомых из полиции, Хуан, все же, переоценил свои возможности, за что, как пить дать, вскоре поплатится – не только он, но и Чхве, всецело доверившийся своему ассистенту.

- Ты должен был сообщить мне немедленно! – в кабинете раздался крик гендиректора, однако он быстро взял себя в руки и вновь понизил голос, - Чем ты, мать твою, думал?!

- Они хорошо замечали следы и...

- Ты узнал кто они?! – зло шипел Чхве.

- Да, есть люди и на производстве, и в офисе. Также я получил небольшую наводку, но... - Цзытао достал из кармана брюк свой телефон, - Вам не понравится то, что сейчас услышите.

- Не тяни, говори уже.

- Я подумал, что это стоит записать. Вот, с этого места, - после нескольких движений пальцами по экрану, включилась голосовая запись: «...тебе пиздец, Тао...».

Гендиректор сосредоточенно вслушивался в каждое произносимое слово, нервно вытирая со лба выступавший пот. Его лицо еще сильнее покраснелось, словно спелая вишня, а дыхание

участилось.

- В этом замешан Джунки, - заключил Цзытао, когда запись закончилась, - Судя по словам Джимины, он и является заказчиком.

- Это прикол такой? – Чхве рассмеялся, теребя золотые запонки на манжетах своей рубашки, - Херовато у тебя юмором. И вообще, как получилось, что он знаком с моим сыном? Этот придурок – заказчик? Ха!

- Видимо, вы его недооценили. Он владеет клубом...

- Да, я знаю, - гендиректор нервно потирал шею, - Джунки числится владельцем, но заправляют в нем мои люди, потому что этот щенок ни хрена не умеет, кроме как транжирить чужие деньги! Думаешь, я не знал о его якобы самостоятельном бизнесе? Я ведь не идиот, чтобы не проверять, куда идет мое бабло! Судя по всему, этот олух и не догадывается, что все еще работающее предприятие – отнюдь не его заслуга.

- И, все же, я верю Джимину – ему незачем просто так подставлять своего босса.

- И с чего бы тебе ему верить, мальчик мой? – в голове гендиректора проскакивали саркастические нотки, - Потому что раньше вы с ним были подружками? Не разочаровывай меня, Цзытао! Не хочу слышать от тебя подобного вздора!

- И, все же... - Цзытао смиренно склонил голову, заведя руки за спину, - Теперь вы знаете, что происходит в компании, и знаете, что ваш сын к этому причастен... Во всяком случае, мы не можем наверняка сказать, что нет. Если ничего не сделать – все может закончиться плачевно. Простите, это моя вина. Нужно было сразу вам обо всем доложить.

В кабинете повисла тишина, разбавляемая, разве что, шумным дыханием гендиректора.

- «Простите, моя вина», - с издевкой повторил Шиван и, крепко сжав губы, потянулся к графину с виски и заполнил свой стакан почти до краев.

- Гендиректор, может, вам не стоит...? – Хуан попытался остановить мужчину, прежде чем тот выпьет ударную дозу алкоголя.

- Заткнись! – рявкнул он и, оттолкнув Цзытао ногой, жадно влил в себя крепкий напиток, - ... Щенок! Он думает, что в силах со мной тягаться? Вот же ублюдок неблагодарный! Как этот идиот только додумался...? Недоумок...

Чхве откинул голову на спинку дивана, тяжело и часто вдыхая затхлый воздух непроветриваемой комнаты, и, расстегнув ширинку, подозвал рукой Цзытао к себе.

- Делай свою работу.

- Гендиректор, здесь же ваша семья и... - Чхве замахнулся стаканом и, разбрызгивая вокруг капли оставшегося в нем виски, бросил им в Цзытао; тот пролетел мимо, не задев его, но стекло с громким звоном разлетелось по сторонам, ударившись о письменный стол, и осколки едва коснулись ног Хуана.

- Ты что, блять, не понимаешь, что *мне это сейчас нужно?!*

После этих слов Чхве схватился за сердце, в следующий момент мужчина согнулся пополам, тихо хрипя. Его рука с силой сжимала грудь, кожа покраснелась до предела, а лицо исказила уродливая гримаса боли. Он издавал какие-то звуки, подобия слов, но ни одно из них Цзытао не мог разобрать.

- Генд... Что с вами??? – Хуан испуганно подбежал к мужчине, не понимая, что происходило в тот самый момент.

За обеспокоенным стуком дверь в кабинет отворилась, и в ней показалась жена гендиректора – видимо, ее испугал звук бьющегося стекла. Она в ужасе бросилась к Шивану, не обращая внимания на его расстегнутые брюки.

- Дорогой! – ее руки хаотично бегали по телу мужа, Хесу не знала, могла ли чем-нибудь помочь, она также была в растерянности, как и Цзытао, застывший на месте, - Цзытао, ну что ты стоишь??? Вызывай скорую! Звони! Боже мой, дорогой...

От оцепенения все мысли в голове будто бы затихли, заглохли и звуки вокруг: отчаянные женские крики, беззаботный лай мелкой собачонки, сирены с улицы и голоса медицинской бригады – все они превратились в сплошной гул, затмевавший своим пронзительным протяжным звоном изображение происходящего. Внутри у Цзытао все сжалось... нет, выжало из себя все соки, словно мякоть фруктов. Он, смутно осознавая происходящее, набирал номер такси, затем сел в салон автомобиля – предположительно, следуя в больницу за гендиректором вместе с его женой – медленно волок ноги по бесконечным коридорам и слушал указания медработников, не понимая и слова из того, что они пытались ему сказать.

Цзытао сидел в кресле больничного коридора, бессильно подпирая голову руками. Рядом с ним, вытирая нескончаемые потоки слез, сидели Чхве Хесу и Джунгым, сжимая в объятиях друг друга. Джунки так и остался в доме, не в состоянии даже открыть глаза, погрязший в своих пьяных красочных сновидениях. Люди в белом мельтешили перед глазами, кто-то не торопясь прогуливался, другие поспешно забегали в кабинеты – никому из них не было дела ни до Цзытао, ни до женщин Чхве – в этом месте находились те, кто действительно нуждался в помощи.

Доктор, виновато склонившись, вышел из реанимационного отделения. Его лоб блестел от мелких капель пота, а отдельные волоски выбились из-под стерильной шапочки и прилипли к смуглой коже. «Вот и все» - читалось в глазах мужчины.

Цзытао замечал, что здоровье Шивана ухудшилось: он все чаще глотал какие-то таблетки, сильно похудел за последние полгода, лицо приобрело желтоватый оттенок; гендиректор отменял деловые встречи, оправдывая это более важными, о которых никто не знал – вряд ли они и действительно были. Доктор сказал, что сильное эмоциональное потрясение спровоцировало сердечный приступ, но Чхве и без того оставалось жить недолго – из-за запущенного цирроза печени, который мужчина только подпитывал с каждой дозой своего неизменного наркотика, виски. Похоже, он и сам об этом знал – иначе не спешил бы женить Цзытао на своей дочери.

Он знал - и ни о чем никому не говорил. Гендиректор ничего не сказал ни семье, ни, что задевало Хуана больше всего, ему. А теперь его не стало.

Нет, Чхве Шиван не был при жизни плохим человеком.

Бизнесменом; уверенным в себе, властным, настойчивым.

Со своими слабостями - к деньгам, которые можно заработать, к дорогому алкоголю, к

своей семье... и к Цзытао.

Он был понимающим, хоть и считал чрезмерное проявление "человечности" недостойным мужчины, он был способен на нежность, пусть и та имела свой особенный окрас.

Странно, но Чхве в некотором роде заменил Цзытао отца, стал для него личным Богом, которому тот поклонялся и был готов выполнить любую его волю.

Нет, Чхве Шиван не был негодяем.

Он был дорог Цзытао. Они не были ни друзьями, ни партнерами, ни любовниками - их связывало особенное чувство, которое в жизни каждого прибережено лишь для одного человека. Не любовь - это нечто иное.

Быть может, поэтому, когда Цзытао осознал, что Чхве Шиван умер, что-то в его душе разбилось, разлетелось на тысячи мелких осколков, но одновременно он почувствовал легкость, коей не ощущал уже много лет.

Завещание огласили через неделю после смерти Чхве Шивана, как он сам того пожелал. Собрались даже самые дальние родственники – каждый надеялся урвать кусочек сочной вырезки. Каково же было их разочарование, когда завещание, все же, озвучили; все присутствовавшие пришли в ужас – никто не ожидал, что компанию отец семейства Чхве предпочтет оставить не сыну, а своему ассистенту. Было много недовольных, несогласных с этим решением. Точнее, никто не был согласен. Прежде всего Джунки, что, кинув гневный взгляд на Цзытао и громко выругавшись, поспешно покинул помещение, нервно одергивая свой черный пиджак под сопровождающие его взгляды родственников. Хуан понял, что младший Чхве не намеревался оставлять все как есть.

Цзытао сидел в кресле гендиректора, просматривая файлы на его ноутбуке. Спустя два дня он все еще ждал хода со стороны Джунки и, как по зову, внезапно дверь кабинета отворилась. Джунки уверенным шагом прошел внутрь, не потрудившись прикрыть за собой дверь и оставив ее нараспашку. Он приблизился к столу, положив на него свой портфель.

- Буду краток. Я не согласен с завещанием отца, так что будет лучше, если ты передашь компанию мне. У меня с собой все необходимые документы, я все устроил, чтобы обойтись без лишних формальностей, так что, будь любезен...

- И что же ты будешь с ней делать? – Цзытао встал и, обойдя стол, приблизился к собеседнику.

- Не твое дело. Просто отдай то, что принадлежит мне по праву – и вали, ты здесь больше не будешь работать. Я сам во всем разберусь.

- Джунки, ты сам знаешь, что не сможешь управлять компанией, тем более, в одиночку. У тебя нет ни опыта, ни знаний для этого. Кроме того, ты сам же поставил ее в дерьмовое положение. Твой отец оставил свое дело мне, потому что не хотел, чтобы его бизнес рухнул, чтобы вы с матерью и сестрой продолжали жить в достатке. Он сделал это не из-за личной приязни, гендиректор хотел лучшего исхода для компании и своей семьи. Ты волен распоряжаться что делать дальше, но не позволяй глупой гордыне лишить тысячи сотрудников работы, ты также потеряешь все, что имеешь сейчас, если не одумаешься. Я в курсе всех дел, которые вел гендиректор, и невозможно будет передать всю информацию в электронном виде, поэтому для тебя же лучше, чтобы я пока оставался в компании. Гендиректор говорил, что ты некомпетентен, но, все же, всегда считал тебя рассудительным, - от этой лжи у Цзытао почти

сводило скулы, - И если это действительно так, то ты должен следовать примеру отца и прислушаться к его последней воле.

- То есть, мне нужно поступать как он? – Джунки задумчиво поднес руку к подбородку, - Задом твоим мне тоже заняться?

- Что? – опешил Хуан.

- Удивлен? Знаешь, я много чего интересного нашел, когда разбирал вещи в его кабинете. Оказалось, отец хранил все, что было связано с его прошлым бизнесом: договоры, финансовые отчеты, акты закупок, даже записи с видеокамер. Некоторые из них он часто пересматривал, судя по всему, - парень достал из портфеля несколько DVD-носителей в потертых бумажных конвертах и вставил один из них в привод ноутбука, - Как видишь, их часто мяли в руках, да и сами диски поцарапаны. Знаешь, где он их хранил? В сейфе. Естественно, мне стало интересно, что же на них такого увлекательного, чтобы старик до сих пор их пересматривал, и тайного, чтобы он хранил их под замком.

Цзытао оцепенел, он не мог заставить свое тело двигаться, не способен был пошевелить и пальцем. Ноутбук оживленно зажужжал, воспроизводя видеозапись на диске. Через пару секунд послышались невнятные голоса и звуки какой-то отвратительной музыки.

- Тихо, да? Я сделаю громче, - Джунки провел соответствующие манипуляции с клавишами громкости.

«Первое, что ты должен уметь – это сосать, словно сама Афродита...» - раздалось из колонок ноутбука.

- Ой, - Джунки наигранно изобразил удивление, прикрывая рот рукой, - Кажется, старик многого не рассказывал о специфике своего заведения. Глянь-ка: вижу знакомое лицо. Постой-постой, это ведь ты? Или...? Ну-ка, попробуй так же постонать, чтобы я точно понял: ты это или нет. Хах, странно, я всегда думал, что камеры наблюдения, обычно, не регистрируют звук.

- Выключи, - Цзытао сжал руки в кулаки, не в состоянии двинуться с места.

- Нет, - насмешливо улыбнулся Джунки.

- Сейчас сюда сбежится весь офис, ты в своем уме?

- А пусть! – взмахом руки младший Чхве задел бумаги, лежавшие на письменном столе, и они воспарили в воздухе, будто бы белые голуби, - Пусть все идут сюда – со зрителями интереснее! Мне скрывать нечего, а тебе? Знаешь, мне лично похер, что там было в прошлом. Но тебе придется объяснить мне многие моменты из настоящего.

Джунки нескромно уселся на угол стола, закидывая ногу на ногу и вынимая из портфеля папку с документами. Его лицо искривилось от напыщенной надменной улыбки – парень был так собой горд, что это самодовольство, казалось, вот-вот полезет у него из задницы.

- Мы с моими друзьями проверили отцовские банковские счета, операции и обнаружили, что три карты оформлены на твое имя, - он водил пальцем по данным на бумаге, - А еще у отца есть какая-то квартира в нескольких кварталах от офиса, о которой он никогда не упоминал. Могу поспорить, ассистент, в ней тоже ты греешь свою задницу. И тут я подумал «Это что, типа помощи нуждающимся?», а потом «Нет. Если бы Хуан Цзытао страдал от финансовых трудностей – он бы легко смог заработать своей дыркой». Затем я еще немного пораскинул мозгами и вот к чему пришел: «Если Хуан – шлюха, а мой отец тратится на него больше, чем на

собственную семью, то, стало быть, деньги, которые ассистент Хуан получал все это время, моей отец засовывал ему прямо в жопу?». Это так, ассистент Хуан?

- Я не собираюсь выслушивать...

- Да мне похуй, - Джунки что было сил ударил папкой о стол, от неожиданности чего Хуан вздрогнул, - Так что, он тебя трахал? В этом весь секрет?

Цзытао молчал, опустив свой взгляд. До сих пор он был влиятелен в стенах компании, но так бессилён в тот самый момент.

Офисные работники окружили вход в кабинет, робко заглядывая внутрь. Среди толпы проглядывались и охранники, которые, совсем затихнув, пристально наблюдали за происходящим из дверного проема, боясь пошевелиться или отвести взгляд.

- Эй, пидор. Не говори мне что делать. Знаешь, даже если компания разорится, я смогу дохрена заработать, продав эти фильмы с тобой в главной роли. Или нет. Первым делом я разошлю копии всем твоим коллегам. Потом это увидит Джунгым, а когда моя мать поинтересуется, почему та плачет – я покажу записи и ей. Какой же будет ее реакция? – Джунки пристально смотрел Цзытао в лицо, победно наблюдая за жалкими эмоциями, невольно показывающимися на нем, - Ты мне, блять, противен, клоун Хуан. Ты улыбался моей семье, моей матери, тем самым ртом, которым сосал хер этого старого лицемера. Как ты, вообще, посмел появиться в нашем доме? Что, стыдно? Тебе наконец стало стыдно? Поэтому забирай свои манатки и вали нахер отсюда, чтобы я смог спокойно играть в папкиной песочнице – иначе эти фильмы увидят все, - Джунки положил рядом с собой пару листов бумаги, уже заполненных и заранее заверенных нотариусом, указывая на них Хуану.

- Делай с ними что хочешь – продавай, рассылай. Мне все равно, - уверенно заявил ассистент.

За этими словами последовал залихватистый смех Джунки.

- Если все равно, то ты не такой уж и мозговитый. А ты задумывался о последствиях? Здесь дело уже во всей компании. Уверяю тебя: видео пойдет дальше этих стен. А какова тогда будет реакция общественности, когда люди узнают, что нынешнего молодого президента „Тор Green” трахал предыдущий, и благодаря, собственно, этому он занял новый пост? Мало того, есть видео, на котором «президента» Хуана ебут как сучку – не только экс-гендиректор, но еще и стадо каких-то других мужиков? Какой удар по имиджу компании! Никто больше не захочет с ней сотрудничать! Люди потеряют свои рабочие места, а ты, мразь, отправишься за решетку – ты же шлюха, а это вроде как незаконно. Хотя в тюрьме для тебя, наверное, рай. Ох, и тут-то я постараюсь, чтобы тебя уpekли по высшему разряду. Придумаю что-то, пусть на тебя повесят парочку убийств. А какими будут заголовки статей! Это моя компания, и хрена с два я позволю распоряжаться ею какой-то падали!

В комнате раздался громкий смех. Публика за дверью опешила, люди непонимающе переговаривались между собой – похоже, для них все происходящее являлось не более, чем сценкой одного из многочисленных шоу на корейском телевидении. Цзытао не удивило бы, если кто-то из сотрудников компании действительно ожидал, что из-за закрытой двери появится оператор с камерой и Кан Ходон, весело заводящий зрителей. От мыслей об этом смех Цзытао становился еще громче.

- Все-таки, ты еще тупее, чем тебя считал отец, - сказал он, все еще веселясь.

- Че сказал? – Джунки враждебно раздул ноздри и стал походить на быка, готовящегося к атаке.

- Раз уж мы заговорили по душам, срать я хотел на тебя, а, уж тем более, на эту компанию. В ней меня держал только гендиректор, но теперь его нет. Да с чего ты вообще взял, что я буду цепляться за место, в котором каждый желает мне поскорее сдохнуть? Стану гендиректором, вместо твоего папаша? Ха-ха. Или продолжу работать на нынешней должности на такого недалекого и избалованного сосунка? Ты чересчур преувеличиваешь ценность денег. Это правда, что я мог наплевать на гордость и делал все, что говорил твой отец и за что платил, однако он, по крайней мере, уважал меня и ценил. По-своему, конечно. Он, вообще, был своеобразным человеком. И ты дебил, если думаешь, что гендиректор назначил меня на нынешнюю должность лишь потому, что трахал. Он выбрал меня, а не тебя, потому что у меня и в мыслях не было его предавать. В отличие от тебя, его собственного сына.

Теперь уже Цзытао наблюдал, как краснело лицо Джунки, как белели его костяшки на сжатых в кулаки руках, как его взгляд исподлобья наполнялся гневом, – все больше и больше, через край – как его зубы впивались в тонкие губы, оставляя на них почти кровавые следы. О, младший Чхве не был рад слушать подобные вещи. Довольно улыбнувшись, Хуан продолжил, медленно шагая по периметру кабинета:

- Я и сам собирался уйти, но из уважения к гендиректору и его семье хотел сделать это как полагается, но тебе, видимо, принципиально не нужна моя помощь. И, кстати, о свадьбе теперь тоже не может идти и речи – компания и без того уже моя. А ты не получишь ее. Я передам права лишь госпоже Чхве, пусть сама решит, как будет лучше; в отличие от тебя я понимаю, что слишком молод для управления большим бизнесом. Может, ты привык жить по-другому, но я не буду выполнять твои капризы. Обязан я был, повторяю, лишь твоему отцу. Хочешь распространить записи с камер наблюдения – пожалуйста, распорядись ими как хочешь. Только учти, что в ответе за это будешь только ты – вся информация о сотрудниках фальшивая, „Milky Way” был местом темнее, чем ты можешь себе представить, а работавшие там шлюхи, которых ты так неистово презираешь, имеют большое влияние на разной важности чиновников, даже по сей день. Как ты думаешь, кто посещал тот клуб? Туристы? Провинциальные работяги? О, туда приходили люди гораздо влиятельнее самого гендиректора Чхве. Попробуй пойти на поводу у собственной глупости – и пострадает вся твоя семья. Я лично знаком с прокурором Сеула, несколькими министрами, а также с людьми из полиции. Если по твоей вине скандал затронет кого-то из публичных людей – а он обязательно затронет, если попытаешься слить видеоматериалы – тебе не жить, их люди быстро избавятся от такого сосунка как ты. Если попытаешься подгадить жизнь мне или кому-то из бывших сотрудников „Milky Way” – будь готов к тому, что этим откроешь ящик Пандоры. Лучшее, что я могу сделать для гендиректора в благодарность за все – оставить его компанию в надежные руки, чтобы ты не превратил ее в пепел... Что уже начал. Как думаешь: может, мне тоже стоит опубликовать кое-что? Посмотрим, кто из нас первым окажется за решеткой.

- Ты меня, блять, уже достал, - Джунки резко ударил Хуана кулаком по лицу.

Нельзя сказать, что Цзытао совсем не ожидал такого, учитывая выражение лица младшего Чхве, однако удар, все же, застав врасплох, свалил парня с ног. Джунки сунул руку за пазуху, и в следующий миг в его руке блеснул пистолет:

- Завали хлебало, пидор! – он направил его на Цзытао, который, впрочем, не думал, что тот решится выстрелить.

- Оглянись, Джунки: вокруг зрители, которых ты сам же собрал, а теперь размахиваешь перед ними оружием? Одумайся, пока еще не поздно, ты роешь себе могилу.

- Ты сейчас же возьмешь ручку и поставишь свою ебанную подпись на этих сраных бумагах, хуесос!

- Нет, - твердо ответил Цзытао, смотря Джунки прямо в глаза – он улыбался, обнажая свои окровавленные зубы.

Даже видя в руках одного из мужчин пистолет, никто из наблюдавших даже не спешил на помощь. Они напоминали зомби, безвольных кукол, которые не способны сдвинуться с места, пока не пошлет соответствующую команду их владыка. Однако, когда все закончится, их рты не перестанут смолкать еще очень долгое время. Похоже, они и впрямь воспринимали все как представление.

Джунки вновь замахнулся, и спустя миг раздался звук от очередного удара, что пришелся на лицо Хуана.

Кто-то из приемной ахнул, какая-то слабонервная девушка – остальные же продолжали безмолвно пялиться на то, как некто избивал их «мучителя» – в душе они празднично ликовали долгожданному возмездию за все страдания, на которые «обрек» их ассистент Хуан. Впрочем, кто-то, все-таки, выбежал из приемной.

Цзытао лежал на полу, его дорогой костюм измазался кровью и пылью офисного пола. На раскиданных по кабинету бумагах появились алые брызги.

- Подписывай – иначе я буду лупить тебя, пока не сдохнешь, а затем отрежу твой палец и поставлю отпечаток сам. Давай, от тебя требуется совсем немного. Или че, - Джунки развернул Цзытао на живот и прижал головой к полу, - Поговорим на твоём языке, а?

Хуан попытался встать, но Джунки ударил его тяжелой рукояткой пистолета в спину, и тот распластался на полу, закашливаясь от крови.

- Знаете, кто я? - младший Чхве обратился к немой публике, резким движением стянув с Хуана брюки, - Сын гендиректора. А знаете, что это за дерьмо на полу? Его шлюха. Я неспроста его так называю. Можете подойти ближе, не стесняйтесь – у меня здесь очень интересный фильм. Ассистент Хуан получил эту должность, потому что подставлял вот эту самую жопу моему отцу, - в кабинете раздался оглушающий шлепок руки Джунки по голой коже, - А теперь оказалось, что и компанию от него унаследовал. Мне, что же, тоже нужно было трахаться с собственным отцом, чтобы получить то, что полагается мне по праву? Вы, уважаемые, хотите, чтобы этот гандон управлял всеми вами?

- Лучше, чтобы ими управлял неуравновешенный идиот, размахивающий оружием, если ему что-то не нравится? – насмешливая улыбка Цзытао вызывала в Джунки новый приступ гнева; он приставил ствол к обнаженной ягодице Хуана, больно вдавливая в мягкие ткани.

- Посмотрим, на сколько еще тебя хватит.

Публика затаила дыхание, ожидая очередного действия со стороны сына гендиректора. Каждый смутно понимал, что было в его намерениях: на лицах некоторых появилось отвращение, кто-то наконец почувствовал сожаление и стыд; одни отвернулись, другие замерли в предвкушении, пристально наблюдая сквозь дверной проем за мужчинами.

Гробовую тишину разорвали шаги крепких мужчин. Они торопливо проникли в приемную и, растолкав застывшие тела, забежали в кабинет гендиректора.

- Ни с места, - человек в полицейской форме встал напротив младшего Чхве, направив на него свое оружие, - Брось пушку!

Джунки не успел понять, что происходит, как второй полицейский выбил пистолет и завел его руки за спину, заключив в наручники. Тот вырывался, кричал невразумительные ругательства, ногами пытался ударить одного из полицейских, но мужчины имели превосходство над ним в силе, так что быстро усмирили разъяренного Чхве. Его с позором увели под увлеченные взгляды бездействующих офисных работников. Кто-то наконец-то сдвинулся с места и, подбежав к обессиленному ассистенту, прикрыл обнаженную часть его тела одеждой.

- С вами всё... Нет, вам нужна скорая? – секретарша обеспокоено смотрела в окровавленное лицо Хуана, в ее глазах читалась вина – она была одной из тех, кто просто наблюдал, но, все же, в последний момент решилась поступить по совести, - Конечно же... конечно же нужна, простите. Я сейчас позвоню.

Последнее, что Хуан помнил из того дня, были суматошные крики, сигналы звонков, передвижения коллег по приемной, людей в белых халатах. Перед глазами у Цзытао все плыло, он едва мог рассмотреть чьи-то силуэты, голова будто бы раскалывалась, а тело совсем не слушало приказов пошевелиться.

Сквозь пелену откуда-то появившихся слез Цзытао заметил, как кто-то, воспользовавшись хаосом, подошел к ноутбуку, который все еще воспроизводил запись с камер видеонаблюдения. Он какое-то время смотрел на экран, а затем, вытащив из дисковода электронный носитель, разломал его напополам, то же самое проделал и с оставшимися, находившимися в конвертах. Он быстро удалился, и Цзытао так и не смог рассмотреть лица того, кому хотел бы выразить свою благодарность.

И... Acta est fabula.

XVII. Под ветвями багрянника

Аллеи городского парка окрасились нежным розовым цветением багрянника. Теплое солнце ласкало кожу, а приятный ветерок щекотал пушистые ресницы, танцевал с невесомыми тканями по-весеннему легкой одежды. С игровой площадки слышались детские восторженные голоса, повсюду раздавалось мелодичное пение птиц.

Минсок сидел на лавке, склонив голову и со скукой рассматривая каждую деталь своих новых кроссовок. Его внимание привлекли натертые до блеска носки мужских туфель, появившиеся в поле его зрения прямо напротив его собственных ног. Ким поднял удивленный взгляд и, убирая с лица локоны отросших волос и не пытаясь скрыть радость, широко улыбнулся:

- Давно не виделись... Цзытао.

Прошло уже два года после трагических событий в компании. С тех пор они с Хуаном ни разу не встречались, не созванивались – его номер был деактивирован, квартира, в которой он жил прежде, обзавелась новыми обитателями. Минсок недолго пытался вновь выйти с Цзытао на связь – дел в его жизни появилось настолько много, что на поиски старого друга не оставалось времени. В компании сменилось руководство. Чхве Хесу передала права на управление компанией бывшему партнеру мужа, с которым сама находилась в хороших отношениях. Ей незачем были лишние тяготы, женщина договорилась с ним о ежемесячной выплате процента от прибыли, на что господин Ким не возражал и в чем, напротив, поддержал Хесу. Было предпринято много попыток вернуть компании прежнюю репутацию и успешность делам, но, спустя полтора года безуспешных стараний, ее, все же, закрыли.

Джунки, по вине которого все произошло, приговорили к тюремному заключению, откуда ему еще долго не удастся выбраться – в ходе расследования всплыли все его незаконные махинации, запугивания, производство порнофильмов, сутенерство, убийства, от которых ему не удалось отвертеться. Как и любая мать, Чхве Хесу поддерживала его, наняла самых дорогих адвокатов, но, к счастью или сожалению, Джунки это не помогло. Джунгым забрала госпожу Чхве, а также мальтийскую болонку, некогда имевшую другого хозяина, с собой в Италию – с тех пор от них не было слышно никаких вестей. Минсок оставался в „Тор Green” до самого закрытия. Позже нашел себе место в фирме поменьше и поспокойнее, продолжив работать в качестве ландшафтного архитектора.

Столько всего произошло за эти два года, а теперь они с Цзытао вновь встретились – как ни в чем не бывало, будто бы только вчера расстались у выхода из бара „Gold”.

Они поприветствовали друг друга рукопожатием, оно не было робким, скорее сдержанным. Взгляд Хуана был все таким же холодным и мягким одновременно, тело - стройным и выгодно подчеркнутым правильно подобранным костюмом, волосы все так же были аккуратно уложены, а Минсок с прежним восхищением смотрел на него.

- Где вы были все это время? Я искал вас, - Минсок не отводил взгляда от Хуана,

присевшего рядом с ним на лавке.

- Я работал в Китае, - Цзытао наблюдал за небом, на котором самолеты оставляли белые пушистые полосы, - Один из бывших деловых партнеров Чхве Шивана предложил мне работу на филиале его фирмы. Я согласился и почти сразу же покинул Южную Корею.

- Я удивился, когда получил ваше сообщение, - Ким не переставал смотреть на умиротворенное лицо Цзытао.

- Но вы ведь ждали его? Хорошо, что хоть один из нас не менял свои контакты, - Хуан повернулся к собеседнику, растягивая рот в улыбке.

- Вы даже не попрощались.

- Да, я... - Цзытао опустил свой взгляд, - Простите. Все произошло слишком быстро.

Цзытао умолк, не находя слов, чтобы сменить тему разговора. Он понимал, что ни одно оправдание не казалось весомым.

- Ну, а вы? Вы ведь стали отцом, - продолжил он.

- Да, у меня сын, Хёну. Он сейчас у бабушки с дедушкой, - Ким растянул рот в довольной улыбке, от которой грудь Хуана наполнило тепло.

- А как дела у вашей жены?

- Юна... - Минсок потирал свои пальцы, поджав губы, - ... Умерла при родах.

- Простите, я не знал... - Цзытао взял Кима за руку, прерывая его привычный жест, - Мне очень жаль.

- Я могу вам кое-что показать? - Минсок уверенно высвободился из плена рук Хуана, указывая взглядом на зеленый лабиринт.

Мужчины прошли в самый центр сплетения зеленых коридоров. Это место навевало воспоминания: как они пререкались насчет проекта, как спорили по поводу растений; как прятались между живых стен и целовались, как любили друг друга внутри этого лабиринта – такого же сложного, как и их отношения.

Ким шел позади Цзытао, и тот, услышав, что шаги Минсока утихли, остановился и сам.

- Это я вызвал в тот день полицию, я видел, что произошло в кабинете гендиректора, - голос Минсока был уверенным, будто бы он заранее отрепетировал свои слова (что, учитывая его характер, было не исключено).

- Вот как... - Цзытао боялся обернуться, не знал, что должен был ответить – больше всего на свете ему не хотелось, чтобы Минсок видел, как его унижал сын гендиректора в тот день, чтобы архитектор смотрел на экран ноутбука, узнавая среди обнаженных людей на нем Хуана; он надеялся, что Минсок находился тогда вне офиса, что последним воспоминанием Кима о нем будут нескромные поцелуи внутри этого чертового зеленого лабиринта.

- Я видел записи с камер наблюдения. И я же их уничтожил.

- Минсок, я... - Цзытао попытался придумать очередное глупое оправдание, чтобы заставить Минсока замолчать - его слова глубоко резали Хуана вдоль и поперек, слышать их причиняло физическую боль; как хорошо, что Ким остался позади – Цзытао не смог бы смотреть в его глаза.

- Финансовое положение, - Ким понимал, что в тот момент Цзытао хотелось провалиться сквозь землю от стыда, но все равно намеревался закончить говорить то, что начал, - И все, что с ним связано – не за это я всегда уважал вас и ценил. Я не хочу, чтобы вы думали, что после увиденного я вас возненавидел. Да, я был шокирован. До знакомства с вами я, возможно, осуждал бы подобный образ жизни, но сейчас я понимаю... Все понимаю – я стал чертовски

понимающим благодаря вам. Мне жаль, что вам пришлось столкнуться в жизни с трудностями, которые вы перенесли. Я много думал. Этот эпизод не делает вас другим, отличным от того, каким я вас знаю сейчас. То, что мне стало известно о вашем прошлом, ничего не меняет. Между нами.

Архитектор тихо прошел вперед, шаги его были беззвучны в шелесте листьев, и Цзытао вздрогнул, подняв свой смущенный взгляд и обнаружив Кима перед собой.

- Мне необходимо было сказать вам. Об этом. Пусть даже теперь это также ничего не изменит, - Минсок нежно коснулся рукой пунцовой щеки Хуана; Цзытао накрыл ее своей теплой ладонью, смотря вглубь темных глаз напротив.

- У вас есть кто-нибудь? – с ноткой, граничащей между отчаянием и надеждой, спросил Хуан, затаив дыхание.

- Нет. А у вас?

- Нет... Разумеется, нет, - Цзытао растянул губы в широкой улыбке, - Мы ведь так и не поставили точку в наших отношениях.

- А вы хотели бы?

- Нет, - Цзытао приблизился, обхватывая ладонями лицо Минсока; горячее дыхание дразнило его губы, и Хуан осознал, как же давно он мечтал вновь поцеловать человека, наконец представшего перед ним.

Он провел мягким языком по приоткрытым губам, неторопливо вбирая их сладость. Минсок неподвижно стоял, наслаждаясь теплом его рук, и, закрыв глаза, ответно ласкал его язык своим. Казалось, мира за пределами лабиринта не существовало – время остановилось внутри зеленых стен, заключивших в свои объятия нежный поцелуй.

Где-то между невесомыми прикосновениями Минсок горячо прошептал:

- У нас никогда не будет нормальной жизни.

Цзытао, взяв его за руку и переплетя их пальцы, равнодушно пожал плечами:

- А я никогда в ней и не нуждался.

[Страница книги Под ветвями багрянника в интернете](#)